

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣ "Уніонъ"
состоится
ДНОНОЪ.

ВЪЗЛЪНОВОЙ БИРЖИ
Въ этомъ, вонмѣ 6 стража

Состоится въ Одессѣ
Концертъ **Маріи Ивановны Долиной**
извѣстной артистки.
вслухъ и зрѣнію

Х. К. Акцери

Л. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 1 (49)

Март. 2003 год.

"Портрет жены художника".

Работа Юрия Егорова была показана зрителям в галерее "Либерти", что на Ланжероновской, 24-а.

Именно здесь была собрана коллекция живописи "Портрет жены художника", чаще всего из домашних собраний — признание художников в любви своим женам.

Напомним, что галерея "Либерти" (ее сайт — www.artliberty.com) родилась во Всемирном клубе одесситов.

И ее праздник — это праздник всех членов клуба, всех любителей живописи Одессы.

*Президенту Всемирного клуба одесситов
М.М. Жванецкому,
исполнительному директору ВКО
Т.Т. Владимирской,
вице-президенту ВКО Е.М. Толубовскому,
вице-президенту ВКО В.И. Хаитю,
президентскому совету ВКО
от действительного члена ВКО
Рыбкина Владимира Львовича,
членский билет № 13, год вступления в ВКО 1990,*

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Дорогие и многоуважаемые руководители Всемирного клуба одесситов! Время летит очень и очень быстро. Пролетело уже три года с тех пор, как я из Германии написал свое пер-

вое заявление с просьбой о продлении моего членства в ВКО. Я был очень благодарен вам за то, что вы не отказали мне и выдали билет действительного члена ВКО до 2002 года.

Сейчас я снова прошу вас продлить мое пребывание в ВКО и выслать мне новый продленный членский билет.

Время действительно летит очень быстро — 1 января 2003 года я отметил свое семидесятилетие.

Из этих семидесяти лет 12 я состою действительным членом Всемирного клуба одесситов и этим очень горжусь.

Одессу не забываю. Был и остаюсь ее преданным и любящим сыном.

В подтверждение посылаю вам свои новые книжки и ряд публикаций вذهпей печати.

С уважением, надеждой и с ВКО-вским приветом —

ваш Владимир Рыбкин.

УДОВЛЕТВОРИТЬ

Михаил Михайлович Жванецкий!

Президенту Всемирного клуба одесситов Михаилу Михайловичу — низкий поклон за отличное сольное выступление в двух отделениях 3-го ноября 2002 года в нью-йоркском Линколн-центре в Манхэттене! Неугасающая энергия! Тот же востребованный народом клоун! Абсолютный контакт с залом! Все точно так же, как и 10, и 20, и 30, и 40 лет назад! ФЕНОМЕНАЛЬНО! (Чтобы не сказать больше!)

Так держать!!!

Эрнест Брусникин.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

Только что посмотрел генеалогический архив. Безусловно, полезно тысячам граждан нашего города, разбросанным по всему свету или живущим в городе. Очень хорошая идея и воплощение. Меня архив слишком растрогал... Мисель Обуховский.

СПАСИБО ЗА САЙТ!

Господа! Привет вам из заснеженного города Омск! 10 лет я провёл в Одессе, моей любимой славной Одессе, и если бы вы знали, как приятно просматривать ваш сайт и знать, что Одесса ЕСТЬ — там, далеко, за три тысячи километров от моей тоски без моря, без каштанов, без акаций и старых одесских двориков. Я имею двух знакомых в Омске, которые тоже одесситы, но они старые одесситы, а я — мо-

лодой. И они знают довоенную, военную и послевоенную Одессу, а я застал только призраки старого города...

Очень хотел бы подружиться с литературным альманахом Всемирного клуба одесситов. Скажу более конкретно: хотел бы предложить вам для внимания несколько своих журналистских и литературных опусов, посвященных Одессе, — может, заинтересует.

Буду рад, если ответите.

Иван Денисенко.

*Уважаемый
Леонид Рукман,*

на Вашем сайте я прочла статью А. Розенбойма и Е. Толубовского об Анатолии Фиолетове и узнала, что в Одессе при участии Вашего клуба в 2000 году была издана книжечка А. Фиолетова "О лошадях простого звания".

Я — филолог (аспирантка РГГУ). Меня увлекла личность Анатолия Фиолетова, и мне очень бы хотелось приобрести эту книгу.

С уважением,

Маша Р.

*Уважаемый
Евгений Михайлович!*

Присоединяю свой голос к выражению скорби по поводу безвременной кончины Тамары Белорусец.

Не верится, что больше не будет Той, кто в своих письмах из Сан-Франциско с неизменным интересом расспрашивала об Одессе, кто поддерживала постоянную связь с бывшими соотечественниками...

Казалось, вот-вот придет от нее очередное письмо (на сей раз с годовыми поздравлениями), но оно так и не пришло...

Мы так привыкли к тому, что Тамара передавала привет нашим

заокеанским друзьям, что она охотно публиковала заметки или рецензии, а раньше интересовалась "Одесской" и особенно — книгой, выпущенной совместно с ее соучеником А.Л. Сухоном.

Не вери, что нет этого замечательного Человека, доброго и отзывчивого Друга...

К сожалению, в связи с тяжелой болезнью не могу передать свое письмо лично. Пользуюсь любезностью моей жены Алены Николаевны...

Еще раз скорбим. Память о Тамаре Белорусец — навсегда в наших сердцах.

С уважением,

В. Тришкин, А. Тришкина.

Hello, ребята! Не спится, решил посидеть в Инете, на вас набрел, хотя дома наверняка уже сталкивались!!! Ну, как погода? Мы еще в составе Украины или как всегда?! Буду лежать, ждите, не отвертитесь, замучаю расспросами! Всем привет, моим друзьям, Лукашенко Сергею из Одесской музыкальной — тоже! Одессит, написавшийся в Москве, актер театра "Эрмитаж" — Халтурин Владимир. Всех люблю и желаю СЧАСТЬЯ. Да, привет М. Жванецкому, у нас в театре идет спектакль по его словам, и оказались общие друзья!!! Шлю вам свой стишок, целую, пока...

Московский гость

*Одесса, как тебя люблю я
и в тоске
Вдали от моря, цюлок
тенистых
Шагаюсь незнакомец
по Москве
И каждый раз
чужие вижу лица.*

*И широта проспектов,
фонарей
Бесчисленных и красочных,
армада —
Не выместят души моей
тоску*

*По городу,
где мне во всем отрада!*

*Где я люблю, как не любил
нигде,
И радуюсь всем сердцем
без остатка,
Где все напоминает о тебе,
На солнышке
засыпавшей сладко.*

*Ты отрываешь руки от груди,
Склонившись надо мной,
моя зазноба,
И говоришь о нас, о стариках,
Страсть сохранившими
и верными до гроба...*

*Но нет тебя, а сам я по весне,
Уткнувшись головой
в свою подушку,
Рыдаю, как ребенок,
и грущу*

*Московскую
пожаренную
сушку.*

М.В.Д.

*Чинчик особых поручений
Одесского Градоначальника
Декабря, 5 дня, 1905 г. Одесса
Его Превосходительству,
Господину Одесскому Градоначальнику*

РАПОРТ

Вследствие поручения Вашего Превосходительства, я присутствовал вчера на собрании в Пушкинской Аудитории, где имелись суждения о профессиональных союзах и народном представительстве.

Собрание началось около 2 с 1/2 часов дня. На нем присутствовало до 400 человек, в том числе, приблизительно, 3/4 русских рабочих.

Первою говорила Т-жа Чудовская. Она развивала мысль, что для того, чтобы граждане могли научиться пользоваться всеми благами "свободы", необходимо, по примеру того, как делается в иностранных государствах, соединяться в профессиональные союзы и открывать рабочие клубы, где рабочие могли бы читать книги и газеты, обсуждать свои нужды и подготавливать средства к улучшению своего физического и материального положения.

Следующий оратор указал на разницу между прежними "крестьянами" и "мещанами" и нынешними "гражданами", и подробно перечислил как приобретенные или права, так и возложенные на них обязанности. Между прочим, он сказал, что теперь, когда в Одессе производится ревизия Сенатором Кузьминским, об октябрьском пожаре, обязанность каждого Одесского гражданина, если он знает что-либо, напр., о том, что какой-либо околоточный надзираетел участвовал в пожаре или подговаривал к нему других, не скрывать этого, а ради общего блага, подать Сенатору заявление...

Следующий оратор начал с того, чем предвзвешив окончил, — с необходимости вооружаться для борьбы с Правительством.

Снова я указал Председателю, что это — не допускаемый законом призыв к вооруженному восстанию против Правительства.

Председатель слегка повзвонил, но не сказал говорящему ни слова.

Оратор продолжил в том же духе и советовал взять "захватными правами" у фабрикантов помещения, где рабочие могли бы обсуждать вопросы о вооружении, и т. п.

Тогда я, ввиду безуспешности трех моих напоминаний и руководствуясь 9-й ст. упомянутого закона, предложил Председателю закрыть собрание.

Председатель, без возражений, исполнил мое требование, объявив собранию, что дальнейшее обсуждение этого вопроса откладывается до следующего воскресенья...

Обо всем происшедшем вчера же, около 7 часов вечера, имел честь доложить Вашему Превосходительству, на предмет принятия, согласно 11 ст. закона 12 Октября, полицейских мер к очищению залы аудитории от публики, что Вашим Превосходительством и было тотчас же приказано исполняющему должность Полициймейстера...

*Чинчик особых поручений
Подольцев В.М.*

КОММЕНТАРИИ ВУКА

Приведенный выше "Репорт" на имя одесского градоначальника генерал-майора Ивана Николаевича Толмачева написал мой дед, Василий Михайлович Подольцев, чиновник Одесского градоначальства, служивший в Одессе с 1904 г. Родился он в

1864 году в городе Керенск (впоследствии переименованном в Вадинск) Пензенской губернии. Начиная службу секретарем земской управы...

С 1904 года — на службе в Канцелярии одесского градоначальника, находившейся в ведении МВД. Проживал в Одессе в казенной квартире по адресу: ул. Греческая, 9, кв. 10 (где впоследствии находилась школа милиции, а потом — экипаж мореходного училища)...

С 1907 года — старший чиновник особых поручений и правитель Канцелярии одесского градоначальника (должность соответствует VII классу, т. е. надворному советнику или подполковнику). Награжден орденом Св. Станислава III степени; 15 июля 1906 года награжден орденом Св. Анны III степени...

В 1917 году, кроме своих прямых обязанностей, занимал посты:

— председатель отделения Всероссийского комитета помощи пострадавшим от войны,

— секретарь Особого совещания по устройству беженцев, чиновник по статистике при градоначальстве,

— председатель комиссии по снабжению одеждой солдат, увольняемых на родину,

— председатель Попечительного совета по заведыванию мастерскими для увечных воинов (ул. Новосельского, 100),

— помощник попечительницы приюта-корабля Ведомства Им-

ператрицы Марии, член Особого правления германского газового континентального общества (национализированного в 1914 г.) и и. о. председателя этого правления,

— член Одесской эвакуационной комиссии района Одесского военного округа.

Арестован Одесской Чрезвычайной комиссией 21 апреля 1920 г., протокол подписал помощник уполномоченного по общим делам Альбинский (следственное дело № 1245, архивный № 24605 в одесском управлении Службы безопасности Украины). Постановлением коллегии Одесской губернской ЧК от 20 мая 1920 года расстрелян за контрреволюционную деятельность.

Был женат на Елене Васильевне Подольцевой, урожденной Васильевой. 6 октября 1916 года у В.М. и Е.В. Подольцевых родился сын Сергей, окрещенный в Скорбященской (Стурдзовской) церкви, восприемники — помощник одесского градоначальника подполковник Владимир Евгеньевич Есаулов (Обсерваторный пер., 10) и княгиня Мария Владимировна Чулукидзе (ул. Княжеская, 12). Старший сын, Федор Васильевич Подольцев, родился в 1898 году, окончил Императорский Новороссийский университет, служил в финансовом отделе, умер в 1921 году. Елена Васильевна умерла 26 декабря 1944 г. в Одессе, похоронена на II Христианском кладбище.

Сын В.М. Подольцева, мой отец, Сергей Васильевич Подольцев, после окончания ФЗО с 14 лет (1930 г.) работал электриком в Одесской типографии по ул. Ришельевской. С 22 июня 1941 г. по 17 декабря 1944 г. — на фронте в составе 780-й отдельной телеграфно-строительной роты, а затем 130-го армейского стрелкового полка. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной Войны. После тяжелого ранения в Восточной Пруссии лечился в госпитале в Белостоке, потом в эвакуационном госпитале № 1239 в Новосибирске — до конца 1945 г. Возвратившись в Одессу, с 1946 г. работал электромехаником связи в Одесской городской телефонной сети, затем на заводе "Автогенмаш", в Черноморском ЦПКБ, на заводе "Эпсилон". С мая 1985 г. — на пенсии. Скончался Сергей Васильевич 12 июля 1991 г.

Большинство приведенных здесь сведений стало мне известно благодаря содействию друга нашей семьи — Галины Федотовны Островской (которая получила доступ к архиву, работала над историей Одесской джуртовой фабрики), зав. отделом Государственного архива Одесской области О.В. Коноваловой, а также не называемым поименом сотрудникам Службы безопасности Украины и КГБ Белоруссии.

А.С. ПОДОЛЬЦЕВ.

УНИВЕРСИТЕТ, СТОЯЩИЙ НА ПЛЕЧАХ ГИГАНТОВ

В прошлом году в славную историю Одесского института инженеров морского флота (в народе его называли просто — "водный") была вписана новая яркая страница. Вуз получил статус Национального, и на торжественной церемонии присвоения "водному" этого статуса ректор — академик Юрий Леонидович Воробьев — воскликнул: "Мы стоим на плечах гигантов!" И добавил, что просто не в состоянии перечислить всех замечательных ученых, педагогов, создавших тот интеллектуальный фундамент, на котором прочно держится репутация университета. Здесь учились Михаил Жванецкий и Роман Карцев, приобретшие широкую известность далеко за пределами Одессы, правда, не в качестве инженеров морского флота. Но в общем и целом такое вполне в традициях вуза, который в советское время готовил специалистов всего по шести специальностям, выпускал ежегодно по каждой из них 100 — 120 человек, заполняя выпускниками вакансии по всей огромной стране: на Дальнем Востоке, на Севере и в особенности — на Балтике.

Невероятно, но факт: уже сорок два года в Прибалтике регулярно собираются выпускники "водного" института. В Одессе же последняя подобная — по счету уже седьмая — встреча состоялась в начале прошлого лета и собрала более восьмисот выпускников. Существует даже общественная организация "Союз выпускников ОИИМФ", ставящая целью восстановление связей между выпускниками славного вуза, поддержку их деловой активности. Многим пришлось добираться с Сахалина, Крайнего Севера, из Сибири. Выпускники прошли по знакомым корпусам, посетили новые лаборатории и учебные классы, прекрасно отремонтированное общежитие, компьютерный класс с соответствующим программным наполнением, компьютеризированную библиотеку, повздохали: ведь в советские времена о подобном можно было только мечтать.

Да, жизнь многое изменила. Сегодня в университете готовят специалистов по четырнадцати специальностям, здесь подготовлено восемь учебников по морскому праву, пять из которых одобрены Министерством образования и науки Украины. Уже состоялся первый выпуск морских юристов, получивших глубокие знания морской юриспруденции и проблем морского транспорта. Их знания востребованы в различных экспедиторских и судоходных компаниях, портах, на предприятиях морского транспорта.

Сегодня в университете действует локальная оптоволоконная сеть на 500 компьютеров, чем могут похвастать не многие университеты Европы! Опытный бассейн входит во Всемирную ассоциацию малых бассейнов, есть уникальный машинный зал, оснащенный программой, благодаря которой можно оценивать состояние двигателя, не проводя его разборку. Одесский Нацио-

нальный морской университет является членом Европейской ассоциации университетов и Мировой ассоциации университетов, прошел аккредитацию в Британском институте морских инженеров. Сотни выпускников сегодня трудятся в крупных мировых компаниях, куда попасть не так-то просто...

ЗАЧЕМ КУДА-ТО ПЛЫТЬ, КОЛЬ ПОД РУКОЙ КОМПЬЮТЕР?

Технический прогресс не всегда приносит одни лишь преимущества. Многие из тех, кто окончил "водный" в советское время, с ностальгией вспоминают плавательную практику, которая была для них настоящим интеллектуальным прорывом, и приводят в пример английскую поговорку насчет того, что не может человек быть по-настоящему образованным, если не попутешествовал по разным странам. Сегодня, налаживая сотрудничество с вузами других государств (эра компьютеров упростила этот процесс), руководство "водного" дает своим преподавателям, аспирантам и студентам возможность перенять лучшее из чужого опыта, а также показать себя, прорекламировать свою альма-матер.

В мае прошлого года в нашем городе впервые побывала делегация Республики Судан. Так вот, возглавлявший ее государственный министр Министерства иностранных дел Чол Денг Алака в семидесятих годах окончил ОИИМФ — факультет "Эксплуатация водного транспорта". В родных стенах ему устроили торжественную встречу, на заседании ученого совета выпускник был избран почетным профессором и облачен в подобающую случаю мантию. А в ответ Чол Денг Алака сообщил, что привез с собой специальный сувенир, который по поручению президента Судана должен вручить самому достойному украинцу, каковым он считает ректора Морского университета — Юрия Воробьева.

Немногом ранее в Одессу приезжали представители китайской Ассоциации выпускников вузов СНГ, созданной в Пекине семь лет назад. Ее члены ежегодно совершают путешествие по тем городам стран бывшего Советского Союза, где учились. Представительница Ассоциации Зен Фаин Лайн тогда сказала, что хоть и училась в Таллинне, зато многие ее преподаватели были выпускниками ОИИМФ, и потому она с особым чувством посетила Морской университет.

ГОРИ, СВЕТИ, МОЯ ЗВЕЗДА!

И это еще не все. О "водном" знают даже астрономы, имеющие удовольствие наблюдать звезду ОИИМФ в Северном полушарии — между созвездиями Близнецов, Тельца, Персея. А дело в том, что выпускник вуза по специальности "управление морским транспортом", ныне руководитель Вентспилского порта Олег Степанов сделал своей альма-матер такой подарок, добившись, чтобы в международном звездном регистре одной из звезд, входящих в созвездие Возничего, было присвоено имя любимого института.

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ — РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ

В ближайшее десятилетие Морской университет будет развиваться следующим образом. Из его состава выделяются три института. Первый — последипломного образования и повышения квалификации. При наличии первого инженерного высшего образования здесь можно получить второе — по специальностям "менеджмент организаций", "экономика предприятий" и "управление морским транспортом". Второй — НИИ морского и речного транспорта, чей годовой оборот через 2 — 3 года составит, по прогнозам ректора, 8 — 10 миллионов гривен. Третий — институт младших специалистов, куда войдут подготовительный факультет на правах юридического лица, морской колледж технического

В 2002 году в "водном" возобновила свою работу университетская церковь.

флота и несколько одесских школ, где специалисты университета будут работать со старшеклассниками.

Безусловно, осуществить все это было бы затруднительно, а то и невозможно, не будь в Морском университете научнотехнической библиотеки с электронным каталогом всех имеющихся в фонде изданий, локальной связью со всеми кафедрами. Эта библиотека была создана свыше семидесяти лет назад на основе библиотеки профессора Г.К. Суслова, именем которого она названа. Программа "Темпус Такис" помогла наладить сотрудничество с аналогичными библиотеками Франции, Италии, Финляндии, что обернулось хорошим пополнением библиотечных фондов.

А еще в "водном" открыли новую специальность — "управление проектами". Поступить на кафедру "системный анализ и логистика" и овладеть новой специальностью могут лица, имеющие высшее образование любого направления подготовки. Обучение длится год. После его окончания студенты, успешно защитившие магистерскую диссертацию, получают диплом магистра, квалификацию "руководитель проектов и программ в сфере материального (нематериального) производства" и международный сертификат. Весной в Одессе появятся первые 50 специалистов, готовых управлять любыми проектами — от аэрокосмических до экологических.

МОРСКОМУ ТЕРРОРИЗМУ — РЕШИТЕЛЬНОЕ "НЕТ"!

Минувшей осенью вуз провел беспрецедентное мероприятие, ставшее в полном смысле этого слова сенсацией — международную научно-практическую конференцию, посвященную борьбе с терроризмом. На ней были рассмотрены вопросы теории и практики антитеррористической борьбы и выработаны соответствующие рекомендации для Кабинета Министров Украины. Обсуждалась возможность оснащения всех судов индивидуальным кодом и "черным ящиком", создания во всех портах должности офицера по безопасности, которую будут занимать сотрудники СБУ. До этого в некоторых украинских портах работали офицеры по вопросам безопасности, однако, все они являлись сотрудниками МВД.

В работе конференции принимали участие представители антитеррористического центра при СБУ, Министерства транспорта Украины, ученые и ведущие специалисты морехозяйственного комплекса многих стран, например, Украины, России, Германии, Великобритании. Все они признали, что инициатива одесских ученых оказалась весьма созвучной реалиям сегодняшнего дня.

"ФЛИБУСТЬЕРЫ" И ДРУГИЕ

Учиться в Морском университете весьма весело и полезно для здо-

ровья. Студенты входят в команду КВН "Флибустьеры", выпускают свой печатный орган "Вымпел +", бьют рекорды Украины в толкании ядра (как Андрей Семенов) и побеждают на международных турнирах по боксу (как Александр Филимонов). И все это ничуть не мешает им постигать науки.

Не верите? Загляните в зачетки!

Восемнадцатилетний Андрей Семенов в прошлом году на международном матче-встрече Украина — Россия — Беларусь побил рекорд, показав результат 19,12 метра. А годом ранее, принимая участие в Европейских молодежных олимпийских днях, которые прошли в Испании, занял первое место по метанию диска. Он же побил рекорд Одесской области, метнув копье на 60,72 метра. Юного спортсмена тренирует его мама, Ольга Семенова, мастер спорта по многоборью.

Что касается Саши Филимонова, то он увлекается боксом с шестилетнего возраста. Три года назад он стал бронзовым призером Второго международного турнира в честь А.В. Суворова (соревнования проходили в Измаиле). Этот успех позволил студенту выполнить норму кандидата в мастера спорта. И как раз в пору наиболее интенсивных тренировок юный боксер становится первым по рейтингу на факультете экономики и управления.

Что такое рейтинг? В Морском университете практически каждую неделю студенты сдают нечто вроде микроэкзаменов по определенным темам. Из оценок и складывается общий рейтинг. Александр Филимонов нередко и уверенно лидирует в подобных рейтингах. А все потому, что спортивные занятия сформировали у него чувство ответственности, умение четко распределять время, ставить перед собой цель и упорно идти к ее достижению. В числе лучших студентов одесских вузов Саша стал стипендиатом городского головы Руслана Боделана.

Добавим, что Александр является деятельным членом Ассоциации студентов и молодых специалистов в области экономики, хорошо известной в мире и имеющей свои представительства в 85 странах. Еще парень принимает участие в организации студенческого самоуправления в Морском университете.

А что сказать о красавице и умнице Кате Жерносековой, создательнице первого в Украине студенческого пресс-центра, до того окончившей курсы пресс-секретарей при информационном молодежном центре и прошедшей стажировку как пресс-секретарь в молодежной экологической организации при Одесской региональной Академии наук? Благодаря стараниям Кати и ее команды жизнь Национального морского университета широко популяризируется.

Впрочем, сама девушка считает, что ей везет — каждый день в стенах родного вуза приносит массу новостей, а заметить их не составляет труда...

Полосу подготовила Мария ГУДЫМА.

Фото Олега ВЛАДИМИРСКОГО.

Каждый год несколько десятков выпускников университета идут служить на ВМФ Украины.

Когда подходишь к Городу с моря, то он постепенно вырастает неровной стеной за густым частоколом мачт, труб и портовых кранов, напоминающих гигантских журавлей, а над всем этим царит силуэт Оперы: синевато-серый двойной купол и четыре высоких трубы с громотводами...

Прожив два десятка лет в Алма-Ате, я почти ежегодно летал в Одессу и иногда заходил в мастерскую художника Вити Векслера на Преображенской улице. Она занимала помещение, похожее на мансарду — что-то вроде шестого этажа. В одном из окон мастерской сквозь дымку была видна голубоватая полоска моря, сливающаяся с выцветшим июльским небом, купы акаций, кленов и крыши, крыши, крыши!.. Художник рисовал вид из окна в разные времена года, и на больших листах торшона появлялись изумрудная весенняя зелень под шелково-синим майским небом, желтый и серый ракушечник старых одесских домов; мокрые осенние крыши, блестящие под дождем, словно неровные зеркала; косой снежный пунтир, а где-то над всем этим — все тот же выразительный двойной купол...

* * *

Смешение разных, зачастую несовместимых архитектурных стилей называют эклектикой. Но это уже, собственно, не стиль... В Опере можно обнаружить классическое венское и украинское барокко, рококо, итальянское Возрождение и еще Бог знает что! Спроектированный австрийскими архитекторами Г. Гельмером и Ф. Фельнером театр возвели и внесли в него много своего, одесского, архитекторы А. Бернардацци, Ф. Гонсиоровский и Ю. Демитренко; скульптурные украшения в зале создал Товий Фишель...

В 70-х годах я учился в аспирантуре Одесского сельхозинститута, и у нас на кафедре ботаники много лет работала уже немолодая лаборантка Эмма Товиевна Фишель. Как-то я спросил ее: "Эмма Товиевна! В Пассаже есть мраморная доска, и на ней вырезана фамилия Т. Фишель. Это не ваш родственник?" "Это мой папа... Он делал скульптуру в Пассаже... И в Опере тоже..."

* * *

Над Театральным переулком (ныне пер. Чайковского) нависла тыльная стена Оперы. Когда стоишь рядом с нею, она кажется бесконечной! Слева в переулок спускается широкая чугунная лестница с гербами Города — почему-то их не сняли когда-то, и они сохранились вместе со своими якорями-кошками и царскими двуглавыми орлами... Внизу на тумбах — большие торшеры на чугунных львиных лапах. И огромный платан, протянувший свои мускулистые руки ветви над лестницей...

В дождливую погоду, в туман вниз по ветвям и стволу платана медленно ползут клочки пены, а в ясные дни кажется, что листья его, похожие на зубцы короны, излучают свет.

С другой стороны театра была когда-то очень узкая и крутая лестница в проходе ущелья между стеной Оперы и соседним домом. Я сказал — была... Вообще-то она существует и поныне — с сильно вытертыми посередине ступенями. Но старый дом давно разрушили, на его месте построили новую лестницу, а старую отгородили, и по ней уже никто не ходит. Мой приятель Саша Розенбойм назвал ее однажды "покойной лестницей"...

* * *

Я хорошо помню баррикаду перед Оперой... Это было в августе 1941 года. Мешки с песком, вывороченные из мостовой гранитные кубики, старые шпалы, трамвайные рельсы. А потом... Потом в Городе были немцы и румыны.

"Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории музыки и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря тому, что Красная Армия быстро заняла Одессу, им не удалось осуществить свой варварский план".

"О злодеяниях, учиненных немецко-румынскими захватчиками в городе Одесса и районах Одесской области" (Украинское государственное издательство; Киев, 1944).

* * *

Январь 1949 года... Я иду с папой в Оперу, да еще и на "Евгения Онегина"! Событие значительное в моей жизни! Театр мне даже снился... Этому походу предшествовали долгие разговоры, расспросы, приготовления. Вообще-то мы с мамой смотрели балет Р. Глиэра "Красный мак", но я был тогда совсем маленьким и запомнил только, как на огромном блюде кланяющиеся люди в черном вынесли на сцену... маленькую голую женщину с ярким веером и красным цветком в волосах, очень похо-

Эрнст ЧЕРНЕНКО

ОПЕРА

Светлой памяти Коли — друга детства и зрелых лет...

жую на папину родственницу тетю Тамару — она была солисткой балета... Через много лет мама рассказала мне, что тетя Тамара была одета тогда в плотное трико телесного цвета... В нашей семье рассказывали легенду о том, что, когда я родился и эмоциональная тетя Тамара узнала, как меня называли (Эрнст, Эрик), она разрыдалась: "Почему ребенка так называли? У нашей соседки собачку зовут Эрик..."

Так что, в сущности, на опере я еще не был в театре, да и вообще забыл, как он выглядит. Но вот мы с папой сидим в первом ряду амфитеатра, у самого барьера. Я ошеломлен буквально всем: поблекшей позолотой лепнины на балконах и потолке, гигантской люстрой, изрядно вытертым темно-вишневым бархатом кресел, кое-где сорванным или вырезанным, оживленной толпой, каким-то особенным и неповторимым запахом, который можно почувствовать только в старом театре. Зрители в основном были одеты кто во что (ведь и четырех лет не прошло, как окончилась война), но изредка попадались темные вечерние платья с декольте (что почему-то слегка смутило меня), белоснежные боа на зябнувших плечах — театр еще плохо отапливали; строгие черные костюмы с блес-

тящими лацканами и уголком белого платочка в нагрудном кармашке. Во всем чувствовалась какая-то торжественность, исто-вость, как в храме. В театр пришел ЗРИТЕЛЬ!

Заиграл оркестр. Сначала я не понял, откуда идет звук: акустика зала была великолепной, а я почему-то не связывал музыку с оркестровой ямой и освещенными нотами на пюпитрах. Потом медленно поплыл вверх тяжелый занавес... Помню Татьяну в голубом платье, с длинными косами — они мне показались слишком уж длинными, почему-то очень толстую, но удивительно подвиж-

продолжением... Наконец, трижды погасли лампы в золоченых торшерах и причудливых бра, и мы с папой вошли в зал. Снова медленно пополз вверх занавес, на сцене в изящном вальсе закружились пары; Татьяна уже была в нарядном бальном платье и большом темно-малиновом берете с белоснежным плюмажем, ее вел под руку седой военный с пышными эполетами... Я смотрел на сцену, но действие воспринимал довольно смутно — вокруг была МУЗЫКА... Наконец, Татьяна оставила Онегина перед закрытой дверью, дирижер резко бросил руки в стороны и вниз.

* * *

В школьные годы, начиная примерно с шестого класса, я часто ходил в Оперу, причем исключительно на воскресные, утренние спектакли, благо билеты на них стоили дешевле... Однажды (это было в конце февраля 1953 года, незадолго до смерти Усатого...) мама выделила мне два рубля, я заранее купил билет и в воскресенье отправился в театр. В одном спектакле давали "Вальпургиеву ночь" и "Паяцев". На одном дыхании, без перерыва прозвучала изящная и торжественная музыка Гуно, отплясала свой бурный танец Огненная ведьма, отгремел-отбушевал бесовский шаш, после антракта медленно погасли огни, и дирижер Русинов, перегнувшись через пульт, что-то сказал первому скрипачу, а потом поднял руки, медленно опустил их, полилась мелодия вступления, и после короткой паузы в центре светового круга на занавесе из складок возник (именно

В Питере отстояли, а в Одессе — отстоим?

Общественность города ведет затяжной и пока безуспешный бой за то, чтобы Дом книги на Дерибасовской остался Домом книги. Оказывается, подобная ситуация сложилась и в Питере. И там ленинградцы победили. Нам в пример! Об этом в конце февраля рассказала "Литературная газета".

Петербургский Дом книги останется на Невском проспекте еще как минимум 49 лет

В последние годы не прекращались попытки выселить Дом книги из исторического особняка Зингера на Невском. Предлог — необходимость эффективного использования недвижимости в центре города, которую можно разбить на офисы и с выгодой сдать в аренду. Эту почти предпринятую акцию группа известных писателей в письме, опубликованном "ЛГ", назвала "коммерческой зачисткой" и новым унижением питерской интеллигенции. Обращаясь к Смольному, литераторы требовали учесть и документально закрепить особый статус Дома книги как уникального учреждения культуры и лидера российской книжной торговли.

Здание на Невском проспекте, 28, построенное по проекту Сюзора для компании по изготовлению швейных машин "Зингер", — памятник архитектуры, один из первых образцов модерна в Петербурге. Для его фасада скульптор Адомсон создал образы "Промышленность" и "Морепла-

вание", а в конструкции впервые в России был применен железный остов, поддерживающий все полы и перекрытия. Вскоре после Октябрьской революции, 19 декабря 1919 года, здесь открылся первый государственный книжный магазин Петрограда. Сегодня Дом книги — не только символ культурной столицы, но и успешное хозяйственное предприятие, о чем говорят растущие год от года налоговые поступления в бюджет и расходы на собственное развитие, расширение торговой сети (сейчас это семь магазинов), не говоря уже о закупках книг, оно ни копейки не берет у города.

И вот, наконец, здравый смысл возобладал! Как рассказал "ЛГ" вице-губернатор Петербурга Валерий Назаров, особняк передан Дому книги на 49 лет, причем решением правительства с ним будет заключен договор прямой аренды. Он подтвердил, что Дом книги — в числе немногих эффективных ГУПов (государственных унитарных предприятий), его рентабельность превышает 20 %. ГУПы (в Петербурге их почти тысяча) — болевая тема для городской администрации. В

минувшем году 26 из них упразднено, около ста планируется реорганизовать. Дом книги отныне оставят в покое, более того, город передает ему дополнительные площади под магазины в Кронштадте, у метро "Пионерская", в Красном Селе и Московском районе. Это очень актуально для жизни городских окраин: поездки на маршрутке в Дом книги подчас удваивают стоимость покупки. Да и тесно уже гиганту на двух этажах особняка, где ежедневно совершается более 20 тысяч покупок.

Вместе с тем благодаря внесенным в устав Дома книги изменениям город не допустит изменения профиля его деятельности. Но вот насколько новый договор гарантирует стабильность положения самого Дома книги, защитит его от возможных притязаний переменчивых властей? По мнению директора предприятия Галины Самохваловой, в ближайшие полвека переезд ему не грозит, что можно считать победой писательской и читательской общности. Кстати, в его ассортименте наряду с художественной очень широко представлена специальная литература: ее в буквальном смысле "КамАЗами" везут из Москвы, где находится большинство специализированных издательств.

Аркадий СОСНОВ.

"В ХИРУРГИИ"

Так считает заведующий торакальным отделением Одесской областной клинической больницы, кандидат медицинских наук, хирург высшей категории Павел Павлович Шипулин. Весь его 27-летний опыт хирурга и весь опыт отделения,

Фибробронхоскопию проводят старший ординатор Сергей Агеев и сестра эндоскопического кабинета Лариса Михайлова.

которое в апреле нынешнего года будет праздновать свой полувековой юбилей, подтверждает это. И такая команда в отделении уже давно есть.

Она начала формироваться еще при первом заведующем отделением, доценте Иване Пантелеймоновиче Белявском, и его последователях, окончательно сформировалась при замечательном хирурге, доценте Виталии Васильевиче Пироженко, много лет возглавлявшем отделение. И эта традиция команды только укрепилась при предшественнике Павла Павловича Шипулина, Марии Семеновне Бережной, до сих пор ведущей поликлинический прием в больнице.

Фактически нет видов хирургической помощи больным с патологией грудной клетки, которые бы не оказывались в торакальном отделении. И при онкологических заболеваниях, и при различных травмах груди (специалисты отделения круглосуточно готовы выехать в любой район области для оказания помощи), и при заболеваниях пищевода, когда необходимо хирургическое вмешательство с последующей т. н. пластикой и реконструкцией удаленных органов. Раньше для таких операций необходимо

возник!) внезапно невысокий широкоплечий человек с соломенно-желтыми лохмами на голове, в крохотном зеленом колпачке, с красным носом-бульбой, в нелепом балахоне из серых и темно-зеленых кусков мешковины — Тонио... Он спел пролог, действие началось, и я, как всегда, погрузился в музыку, ничего не замечая вокруг. Короткая опера закончилась, народ повалил из зала в гардеробы, меня вынесло с толпой на улицу. Я шел, забыв обо всем, и только когда дошел до угла Ришельевской и Дерибасовской, вдруг почувствовал холод... Взглянув в стеклянную дверь шашлычной (там была еще в то время знаменитая официантка тетя Утя — болезненно толстая, переваливающаяся на ходу), я увидел, что стою без шапки, без пальто, в одном грязно-сером лыжном костюме — были когда-то такие, с карманами и манжетами на брюках и рукавах... А морозец был этак градусов пятнадцать! Я рванул к Опере (откуда еще шли зрители), толкая всех по пути, взбежал по крутой винтовой лестнице к гардеробу галереи. Гардеробщица — пожилая женщина в темном блестящем халате с белым воротником — подавала шубейку девочке в валенках; полез в карман — номерка нет, потерял! Я показал гардеробщице свое пальто и сказал, что потерял номерок. "А ты уверен, что это твоё пальто? Скажи, что у тебя в карманах?" В карманах было пусто, но я вспомнил, что в левом — дыра... Женщина засмеялась, сняла и протянула мне мою старенькую "московку" с облезшим цигейковым воротником...

* * *

1967 год. Опера в лесах — идет реставрация. Строительный мусор, белая известковая пыль. Меня провели внутрь — очень уж хотелось посмотреть, как все это делается. Непривычно было видеть здесь после идеальной чистоты следы алебастра, обрезки досок, стружки, обрывки упаковочной бумаги, вдыхать запах краски... Мы подошли к Большой лестнице, и я увидел, как покрывают позолотой одну из чугунных скульптур — "Мазурку". Очищенное до обнаженного металла место мастер намазывал каким-то клеем, потом отрывал от пачки (вроде блокнотика) фантастически тонкий листок сусального зо-

лота — слегка зеленоватого на просвет — и кисточкой прижимал к намазанному месту, похлопывая ею, заполняя мельчайшие неровности чугуна. Мы постояли недолго, и вот перед нами предстало удивительное зрелище: вся скульптура (кавалер с дамой) — ободранная, очищенная от старой краски, а голова кавалера в парике сверкает золотом!..

* * *

Коля — мой одноклассник, друг детства. Мы дружили с ним со времен незапамятных, а вернее — со второго класса... Вот передо мной снимок, сделанный в знаменитом "Фото Бескина" на Старопортофранковской в 1948 году. На нем — наша учительница Евгения Ивановна Глущенко в окружении учеников. Здесь Алик Вайнтрауб, Шурик Песчанкер, Толя Каледин, Толя Кириллов, Толя Ваврух, Костя Буяльский. За спиной учительницы стоит автор, то есть я, прямо перед ней сидит Коля... С ним мы общались помногу и часто еще до моего переезда в Алма-Ату и потом, когда я почти каждый год прилетал в отпуск в Одессу, благо, Коля жил всего в нескольких минутах ходьбы от моего отчего дома...

Однажды (это было под Новый год) Колька пришел ко мне в плохом настроении... Молча, глядя мне в глаза, он стал извлекать из портфеля бутылку масандровского "Муската" ("Коля!.. Зачем? У нас же своя "Изабелла"..."), коробку килек в томатном соусе (классическая закуска! Но не для "Муската"...), нарезанную колбасу в толстой серой магазинной бумаге почти картонной толщины. "Принеси тару и хлеб..." Я пожал плечами и принес старинные граненые стаканчики моей покойной бабы Клавды, "Бородинский" хлеб... А потом Коля сказал мне, что поспорил со своей Лилькой (это его жена; они долго прожили вместе, и дай Бог всякому прожить так) и не хочет куда-то идти с ней встречать Новый год. "Приходи ко мне часов в 10, посидим, послушаем музыку..." Когда я пришел, Коля уже жарил картошку, ставил на стол соленья. На радиоле в углу пела скрипка, чайник на плите тихонько посापывал. Коля вышел и вскоре вернулся, держа в обнимку запотевший десятилитровый

(!) стеклянный баллон, в котором плескалась молодая "Лидия" уходящего года. Мы неплохо посидели... И даже не заметили, как наступил Новый год. Хрустели на зубах жареная картошка и соленые огурчики, уровень "Лидии" в баллоне неуклонно понижался... Исай Браудо низвергал на нас гениальные юношеские импровизации Баха, мы вспоминали нашу 14-ю школу, говорили об Опере. Оказывается, Колина бабушка была в ней на "Пиковой даме", которой дирижировал Чайковский, и видела его одесский триумф! Я вспомнил, что реставраторы допустили ошибку, и латинская надпись на картуше над портиком гласила: "Сгорел и восстановлен в 1968 году"... Конечно, надпись потом исправили... Коля извлек откуда-то старую подшивку "Одесского листка" и вытащил из нее вырезку из газеты за 1927 год. В заметке говорилось о большом пожаре в Опере, на тушении которого отличился Колин родственник — он работал в пожарной команде на Госпитальной...

Мы выходили во двор подышать свежим воздухом под морсящий мелкий одесский туман, пахнувший старыми деревянными шпалами со Второй заставы и молотым жареным кофе с "соевого" завода на недалекой Бугаевке, официально именуемого тогда заводом пищевых концентратов.

Я взглянул на часы — было около пяти утра, потом посмотрел на баллон и засмеялся: "Лидия" там едва-едва покрывала донышко... Я похлопал Колю по плечу и показал глазами на баллон. "Что? Мало? Принести еще?" — он привстал, чтобы отправиться в погреб за новой посудинкой. "Не надо, Коля..." Потом мы вышли и целый час бродили по нашему поселку ЗОР, а потом разошлись по домам, когда небо уже начало светлеть...

Однажды мы с Колей долго ходили по Городу: прошли по Балковской, по Приморской от Пересыпского моста, поднялись по лестнице к Дюку, постояли у Пушкина, потом прошли мимо служебного входа в Оперу, вспомнили Колькиного отца — Павла Нисимовича, дядю Пашу... Потом Коля подвел меня к одной из боковых дверей театра и показал на них: "Смотри!" Я: "Ну и что?" А рядом были точно такие же двери, только потемнее, из

старого дуба. "Во-во", — Коля всегда говорил тихо, не кричал, как почти все глухие. "Моя работа..." На своей деревообделочной фабрике он выполнял индивидуальные заказы, и ему поручили при реставрации Оперы "построить" двери... Они почти не отличались от старых.

Всякую, даже мелкую работу Коля делал истово, священно действовал. Как настоящий Мастер, который просто не может что-то делать как попало. Он был глухой... Но мы с ним часто ходили в Оперу, сидели в ложе прямо над тромбонами и слушали МУЗЫКУ... Он редко пользовался слуховым аппаратом.

А Колин отец, дядя Паша, много лет проработал в Опере тромбонистом. Вообще же он хорошо играл на всех духовых инструментах, но больше других любил тромбон. Он сравнивал его со скрипкой: "На тромбоне, как и на скрипке, нужно создать мелодию!"

Как-то я встретил П. Н. на улице. Он куда-то спешил, был мрачен. Под мышкой нес баритон. Я спросил его достаточно бестактно: "Дядя Паша! Далеко собрался?" "Жмура лабать, — ответил он. — Будь здоров, я побегал". Он подрабатывал игрой на похоронах.

* * *

Однажды, когда я уже учился на первом курсе института, в наш подвал на Градоначальнической пришел Коля: "Помоги отвести бату на работу..." Я удивился: "А что случилось?" "Да ничего особенного... Просто он под сильной "мухой" и плохо стоит на ногах..." "А как он будет играть?!" "Посмотришь... Он же будет сидеть, а не стоять..."

К вечеру я зашел к Коле. Дядя Паша и в самом деле был очень "хорош"... Впрочем, среди эмоциональных музыкантов это бывает. Мы помогли ему облачиться в черный фрак (тогда директор только-только справил оркестрантам белые и черные фраки с лацканами и галстуками бабочкой), втиснули его в пальто, нахлобучили шапку (дело было в промозглом одесском марте). Потом мы ехали в 15-м трамвае, в троллейбусе и, наконец, добрались до служебного входа. Коллеги весело приветствовали П. Н., отпускали соответствующие шуточки... Мы раздели его, вру-

чили инструмент, усадили на место рядом с другими тромбонистами. Я стал наблюдать... Вот ртутным шариком быстро прокатился между музыкантами невысокий, полный дирижер Сипитинер, встал за пульт, постучал палочкой, поднял руки, повернул голову налево, направо, кому-то подмигнул, потом резко бросил руки вниз — оркестр заиграл увертюру, давали "Кармен". П. Н. держал в руках инструмент и, казалось, дремал, но — взгляд дирижера в сторону тромбонистов, и все четверо (конечно, и П. Н. тоже) в такт легко двигают кулису, работают, а потом, опустив тромбон между коленями, слегка наклонившись, всматриваются в ноты. Снова взгляд — тромбоны поднимаются, тореро готовится к схватке с быком под торжественно-боевой марш!

Дядя Паша был профессионалом высокого класса не только в музыке. Выйдя на пенсию, он делал клетку для птиц и... великопленные дамские туфли!.. Они были настоящими Мастерами своего дела — отец и сын. Брат позвонил мне из Одессы: "Умер Коля..." Я еще никогда не ощущал такой пустоты. С Колей ушли детство и юность, ушло многое... И Опера тоже...

* * *

Четкие силуэты сосен. Их верхушки когда-то срезали, и они стали похожи на итальянские пинии... А за ними в тумане едва видна громада Оперы. Остатки перемолотого машинами грязноватого снега перед портиком. Асфальт — словно река, в которой отражаются скульптурные группы: сцены из античных трагедий...

...Неяркое осеннее солнце, сильный ветер метет вниз по Ланжероновской сухие желтые листья... Где-то в вышине в стремительном движении застыла Мельпомена на колеснице, влекомой мускулистыми львами. В поднятой руке — факел; словно от влажного осеннего ветра, развевается хитон. Немного ниже, по обе стороны аттика Орфей играет на арфе кентавра и Терпсихора с флейтой Пана в руках учит девочку танцевать...

...На русте стены первого яруса — рогатые тени чугунных торшеров...

Одесса. Алма-Ата — Израиль.

ДОЛЖНА РАБОТАТЬ КОМАНДА!"

было ехать как минимум в специализированные центры Киева, сейчас же они успешно делают в отделении и, как особо подчеркивает Павел Павлович, при нулевой летальности. Кстати, и при операциях на легких в отделении — лучший результат по Украине. Также в отделении успешно занимаются таким заболеванием, как миастения, т. е. патологией вилочковой железы, вызывающей мышечную слабость. Делаются там и такие сложные операции, как удаление легкого с резекцией части сердца и трахеи. А еще не так давно в отделении делали до 50 — 60-ти в год имплантаций кардиостимулятора. И только нынешняя экономическая ситуация, когда самому больному приходится искать средства для его приобретения, привела к значительному их сокращению. Если же исходить из уровня хирургов, а в отделении работают хирурги только высшей и первой категорий, то развитие кардиохирургии в отделении тормозится исключительно отсутствием аппарата искусственного кровообращения, без которого невозможны операции на работающем сердце. Точно так же отсутствие видеоэндоскопической стойки, позволяющей с минимальными разрезами проводить

операции внутри больного с контролем происходящего на экране, ограничивает возможности быстрого и успешного лечения с ранней послеоперационной реабилитацией.

— К сожалению, — с горечью говорит заведующий отделением Павел Шипулин, — те богатые люди, которые могли бы оказать помощь в приобретении необходимого оборудования, предпочитают лечиться за границей, забывая, что не в любой ситуации можно до этой заграничной добраться. Ведь достаточно большое количество случаев нашего хирургического вмешательства и оказания экстренной помощи связано с автотрагедиями. Поэтому помощь в обеспечении наших медицинских учреждений современной аппаратурой — это обеспечение самих себя возможностью получить помощь в экстремальной ситуации.

— Я проходил стажировку в США, — продолжает он, — и совершенно определенно могу сказать, что по качеству специалистов мы не отстаем. Единственное их преимущество — это техническое обеспечение. Но при всем этом могу сказать: я сталкивался с тем, что и у больных, которые оперировались в Германии или Израиле,

результат отнюдь не всегда бывает хороший. Ведь главное — чтобы к врачу обращались при первых симптомах. Сейчас же приходится сталкиваться с тем, что больные приходят с запущенной формой заболевания, когда помочь уже практически нельзя. Особенно печально, когда причиной того, что люди не обращаются к нам за помощью вовремя, являются разговоры о каких-то немислимых гонорах, которые якобы приходится платить хирургу. Я считаю такие разговоры просто безобразием. Как должностное лицо, я отвечаю, что никто и никогда никакие гонорары за лечение назначать не смеет. Единственное, с чем действительно приходится сталкиваться нашим пациентам, это обеспечение себя медикаментами. Как ни пытаются, как ни бьются, что ни делает для отделения и всей больницы в целом наш главный врач Неля Федоровна Гоженко, при мизерном, ниже всякой критики финансировании медицины с этим ничего поделать нельзя.

Хотя мы и областная больница, среди наших 45-ти проходящих лечение в отделении пациентов много горожан. Мы никому не отказываем. Я считаю, что больной должен иметь право выбора того, где ему ле-

читься, и никакое администрирование (вроде того, чтобы эти лечились только здесь, а эти только там) недопустимо. Я не считаю нужным скрывать, что сейчас идет борьба за больно-

го, и конкуренция возрастает.

Записал
Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Фото автора.

У постели больного после удаления и восстановления пищевода зав. отделением Павел Шипулин, доцент кафедры торакальной хирургии Владимир Байдан, магистр ОМУ Ольга Кашенко и хирург-ординатор Виктор Байдан.

Когда подходишь к Городу с моря, то он постепенно вырастает неровной стеной за густым частоколом мачт, труб и портовых кранов, напоминающих гигантских журавлей, а над всем этим царит силуэт Оперы: синевато-серый двойной купол и четыре высоких трубы с громотводами...

Прожив два десятка лет в Алма-Ате, я почти ежегодно летал в Одессу и иногда заходил в мастерскую художника Вити Векслера на Преображенской улице. Она занимала помещение, похожее на мансарду — что-то вроде шестого этажа. В одном из окон мастерской сквозь дымку была видна голубоватая полоска моря, сливающаяся с выцветшим июльским небом, купы акаций, кленов и крыши, крыши, крыши!.. Художник рисовал вид из окна в разные времена года, и на больших листах торшона появлялись изумрудная весенняя зелень под шелково-синим майским небом, желтый и серый ракушечник старых одесских домов; мокрые осенние крыши, блестящие под дождем, словно неровные зеркала; косой снежный пунтир, а где-то над всем этим — все тот же выразительный двойной купол...

* * *

Смешение разных, зачастую несовместимых архитектурных стилей называют эклектикой. Но это уже, собственно, не стиль... В Опере можно обнаружить классическое венское и украинское барокко, рококо, итальянское Возрождение и еще Бог знает что! Спроектированный австрийскими архитекторами Г. Гельмером и Ф. Фельнером театр возвели и внесли в него много своего, одесского, архитекторы А. Бернардацци, Ф. Гонсиоровский и Ю. Демитренко; скульптурные украшения в зале создал Товий Фишель...

В 70-х годах я учился в аспирантуре Одесского сельхозинститута, и у нас на кафедре ботаники много лет работала уже немолодая лаборантка Эмма Товиевна Фишель. Как-то я спросил ее: "Эмма Товиевна! В Пассаже есть мраморная доска, и на ней вырезана фамилия Т. Фишель. Это не ваш родственник?" "Это мой папа... Он делал скульптуру в Пассаже... И в Опере тоже..."

* * *

Над Театральным переулком (ныне пер. Чайковского) нависла тыльная стена Оперы. Когда стоишь рядом с нею, она кажется бесконечной! Слева в переулок спускается широкая чугунная лестница с гербами Города — почему-то их не сняли когда-то, и они сохранились вместе со своими якорями-кошками и царскими двуглавыми орлами... Внизу на тумбах — большие торшеры на чугунных львиных лапах. И огромный платан, протянувший свои мускулистые руки ветви над лестницей...

В дождливую погоду, в туман вниз по ветвям и стволу платана медленно ползут клочки пены, а в ясные дни кажется, что листья его, похожие на зубцы короны, излучают свет.

С другой стороны театра была когда-то очень узкая и крутая лестница в проходе ущелья между стеной Оперы и соседним домом. Я сказал — была... Вообще-то она существует и поныне — с сильно вытертыми посередине ступенями. Но старый дом давно разрушили, на его месте построили новую лестницу, а старую отгородили, и по ней уже никто не ходит. Мой приятель Саша Розенбойм назвал ее однажды "покойной лестницей"...

* * *

Я хорошо помню баррикаду перед Оперой... Это было в августе 1941 года. Мешки с песком, вывороченные из мостовой гранитные кубики, старые шпалы, трамвайные рельсы. А потом... Потом в Городе были немцы и румыны.

"Румынские оккупанты вывезли все театральные костюмы, нотный материал 109 опер и 16 балетов, редчайшую библиотеку по истории музыки и живописи из Одесского театра оперы и балета. Здание театра немецко-румынские захватчики перед своим отступлением заминировали и подготовили к взрыву. Только благодаря тому, что Красная Армия быстро заняла Одессу, им не удалось осуществить свой варварский план".

"О злодеяниях, учиненных немецко-румынскими захватчиками в городе Одесса и районах Одесской области" (Украинское государственное издательство; Киев, 1944).

* * *

Январь 1949 года... Я иду с папой в Оперу, да еще и на "Евгения Онегина"! Событие значительное в моей жизни! Театр мне даже снился... Этому походу предшествовали долгие разговоры, расспросы, приготовления. Вообще-то мы с мамой смотрели балет Р. Глиэра "Красный мак", но я был тогда совсем маленьким и запомнил только, как на огромном блюде кланяющиеся люди в черном вынесли на сцену... маленькую голую женщину с ярким веером и красным цветком в волосах, очень похо-

Эрнст ЧЕРНЕНКО

ОПЕРА

Светлой памяти Коли — друга детства и зрелых лет...

жую на папину родственницу тетю Тамару — она была солисткой балета... Через много лет мама рассказала мне, что тетя Тамара была одета тогда в плотное трико телесного цвета... В нашей семье рассказывали легенду о том, что, когда я родился и эмоциональная тетя Тамара узнала, как меня назвали (Эрнст, Эрик), она разрыдалась: "Почему ребенка так назвали? У нашей соседки собачку зовут Эрик..."

Так что, в сущности, на опере я еще не был в театре, да и вообще забыл, как он выглядит. Но вот мы с папой сидим в первом ряду амфитеатра, у самого барьера. Я ошеломлен буквально всем: поблекшей позолотой лепнины на балконах и потолке, гигантской люстрой, изрядно вытертым темно-вишневым бархатом кресел, кое-где сорванным или вырезанным, оживленной толпой, каким-то особенным и неповторимым запахом, который можно почувствовать только в старом театре. Зрители в основном были одеты кто во что (ведь и четырех лет не прошло, как окончилась война), но изредка попадались темные вечерние платья с декольте (что почему-то слегка смутило меня), белоснежные боа на зябнувших плечах — театр еще плохо отапливали; строгие черные костюмы с блес-

тящими лацканами и уголком белого платочка в нагрудном кармашке. Во всем чувствовалась какая-то торжественность, исто-вость, как в храме. В театр пришел ЗРИТЕЛЬ!

Заиграл оркестр. Сначала я не понял, откуда идет звук: акустика зала была великолепной, а я почему-то не связывал музыку с оркестровой ямой и освещенными нотами на пюпитрах. Потом медленно поплыл вверх тяжелый занавес... Помню Татьяну в голубом платье, с длинными косами — они мне показались слишком уж длинными, почему-то очень толстую, но удивительно подвиж-

продолжением... Наконец, трижды погасли лампы в золоченых торшерах и причудливых бра, и мы с папой вошли в зал. Снова медленно пополз вверх занавес, на сцене в изящном вальсе закружились пары; Татьяна уже была в нарядном бальном платье и большом темно-малиновом берете с белоснежным плюмажем, ее вел под руку седой военный с пышными эполетами... Я смотрел на сцену, но действие воспринимал довольно смутно — вокруг была МУЗЫКА... Наконец, Татьяна оставила Онегина перед закрытой дверью, дирижер резко бросил руки в стороны и вниз.

* * *

В школьные годы, начиная примерно с шестого класса, я часто ходил в Оперу, причем исключительно на воскресные, утренние спектакли, благо билеты на них стоили дешевле... Однажды (это было в конце февраля 1953 года, незадолго до смерти Усатого...) мама выделила мне два рубля, я заранее купил билет и в воскресенье отправился в театр. В одном спектакле давали "Вальпургиеву ночь" и "Паяцев". На одном дыхании, без перерыва прозвучала изящная и торжественная музыка Гуно, отплясала свой бурный танец Огненная ведьма, отгремел-отбушевал бесовский шаш, после антракта медленно погасли огни, и дирижер Русинов, перегнувшись через пульт, что-то сказал первому скрипачу, а потом поднял руки, медленно опустил их, полилась мелодия вступления, и после короткой паузы в центре светового круга на занавесе из складок возник (именно

В Питере отстояли, а в Одессе — отстоим?

Общественность города ведет затяжной и пока безуспешный бой за то, чтобы Дом книги на Дерибасовской остался Домом книги. Оказывается, подобная ситуация сложилась и в Питере. И там ленинградцы победили. Нам в пример! Об этом в конце февраля рассказала "Литературная газета".

Петербургский Дом книги останется на Невском проспекте еще как минимум 49 лет

В последние годы не прекращались попытки выселить Дом книги из исторического особняка Зингера на Невском. Предлог — необходимость эффективного использования недвижимости в центре города, которую можно разбить на офисы и с выгодой сдать в аренду. Эту почти предпринятую акцию группа известных писателей в письме, опубликованном "ЛГ", назвала "коммерческой зачисткой" и новым унижением питерской интеллигенции. Обращаясь к Смольному, литераторы требовали учесть и документально закрепить особый статус Дома книги как уникального учреждения культуры и лидера российской книжной торговли.

Здание на Невском проспекте, 28, построенное по проекту Сюзора для компании по изготовлению швейных машин "Зингер", — памятник архитектуры, один из первых образцов модерна в Петербурге. Для его фасада скульптор Адамсон создал образы "Промышленность" и "Морепла-

вание", а в конструкции впервые в России был применен железный остов, поддерживающий все полы и перекрытия. Вскоре после Октябрьской революции, 19 декабря 1919 года, здесь открылся первый государственный книжный магазин Петрограда. Сегодня Дом книги — не только символ культурной столицы, но и успешное хозяйственное предприятие, о чем говорят растущие год от года налоговые поступления в бюджет и расходы на собственное развитие, расширение торговой сети (сейчас это семь магазинов), не говоря уже о закупках книг, оно ни копейки не берет у города.

И вот, наконец, здравый смысл возобладал! Как рассказал "ЛГ" вице-губернатор Петербурга Валерий Назаров, особняк передан Дому книги на 49 лет, причем решением правительства с ним будет заключен договор прямой аренды. Он подтвердил, что Дом книги — в числе немногих эффективных ГУПов (государственных унитарных предприятий), его рентабельность превышает 20 %. ГУПы (в Петербурге их почти тысяча) — болевая тема для городской администрации. В

минувшем году 26 из них упразднено, около ста планируется реорганизовать. Дом книги отныне оставят в покое, более того, город передает ему дополнительные площади под магазины в Кронштадте, у метро "Пионерская", в Красном Селе и Московском районе. Это очень актуально для жизни городских окраин: поездки на маршрутке в Дом книги подчас удваивают стоимость покупки. Да и тесно уже гиганту на двух этажах особняка, где ежедневно совершается более 20 тысяч покупок.

Вместе с тем благодаря внесенным в устав Дома книги изменениям город не допустит изменения профиля его деятельности. Но вот насколько новый договор гарантирует стабильность положения самого Дома книги, защитит его от возможных притязаний переменчивых властей? По мнению директора предприятия Галины Самохваловой, в ближайшие полвека переезд ему не грозит, что можно считать победой писательской и читательской общности. Кстати, в его ассортименте наряду с художественной очень широко представлена специальная литература: ее в буквальном смысле "КамАЗами" везут из Москвы, где находится большинство специализированных издательств.

Аркадий СОСНОВ.

"В ХИРУРГИИ"

Так считает заведующий торакальным отделением Одесской областной клинической больницы, кандидат медицинских наук, хирург высшей категории Павел Павлович Шипулин. Весь его 27-летний опыт хирурга и весь опыт отделения,

Фибробронхоскопию проводят старший ординатор Сергей Агеев и сестра эндоскопического кабинета Лариса Михайлова.

которое в апреле нынешнего года будет праздновать свой полувековой юбилей, подтверждает это. И такая команда в отделении уже давно есть.

Она начала формироваться еще при первом заведующем отделением, доценте Иване Пантелеймоновиче Белявском, и его последователях, окончательно сформировалась при замечательном хирурге, доценте Виталии Васильевиче Пироженко, много лет возглавлявшем отделение. И эта традиция команды только укрепилась при предшественнике Павла Павловича Шипулина, Марии Семеновне Бережной, до сих пор ведущей поликлинический прием в больнице.

Фактически нет видов хирургической помощи больным с патологией грудной клетки, которые бы не оказывались в торакальном отделении. И при онкологических заболеваниях, и при различных травмах груди (специалисты отделения круглосуточно готовы выехать в любой район области для оказания помощи), и при заболеваниях пищевода, когда необходимо хирургическое вмешательство с последующей т. н. пластикой и реконструкцией удаленных органов. Раньше для таких операций необходимо

возник!) внезапно невысокий широкоплечий человек с соломенно-желтыми лохмами на голове, в крохотном зеленом колпачке, с красным носом-бульбой, в нелепом балахоне из серых и темно-зеленых кусков мешковины — Тонио... Он спел пролог, действие началось, и я, как всегда, погрузился в музыку, ничего не замечая вокруг. Короткая опера закончилась, народ повалил из зала в гардеробы, меня вынесло с толпой на улицу. Я шел, забыв обо всем, и только когда дошел до угла Ришельевской и Дерибасовской, вдруг почувствовал холод... Взглянув в стеклянную дверь шашлычной (там была еще в то время знаменитая официантка тетя Утя — болезненно толстая, переваливающаяся на ходу), я увидел, что стою без шапки, без пальто, в одном грязно-сером лыжном костюме — были когда-то такие, с карманами и манжетами на брюках и рукавах... А морозец был этак градусов пятнадцать! Я рванул к Опере (откуда еще шли зрители), толкая всех по пути, взбежал по крутой винтовой лестнице к гардеробу галереи. Гардеробщица — пожилая женщина в темном блестящем халате с белым воротником — подавала шубейку девочке в валенках; полез в карман — номерка нет, потерял! Я показал гардеробщице свое пальто и сказал, что потерял номерок. "А ты уверен, что это твоё пальто? Скажи, что у тебя в карманах?" В карманах было пусто, но я вспомнил, что в левом — дыра... Женщина засмеялась, сняла и протянула мне мою старенькую "московку" с облезшим цигейковым воротником...

* * *

1967 год. Опера в лесах — идет реставрация. Строительный мусор, белая известковая пыль. Меня провели внутрь — очень уж хотелось посмотреть, как все это делается. Непривычно было видеть здесь после идеальной чистоты следы алебастра, обрезки досок, стружки, обрывки упаковочной бумаги, вдыхать запах краски... Мы подошли к Большой лестнице, и я увидел, как покрывают позолотой одну из чугунных скульптур — "Мазурку". Очищенное до обнаженного металла место мастер намазывал каким-то клеем, потом отрывал от пачки (вроде блокнотика) фантастически тонкий листок сусального зо-

лота — слегка зеленоватого на просвет — и кисточкой прижимал к намазанному месту, похлопывая ею, заполняя мельчайшие неровности чугуна. Мы постояли недолго, и вот перед нами предстало удивительное зрелище: вся скульптура (кавалер с дамой) — ободранная, очищенная от старой краски, а голова кавалера в парике сверкает золотом!..

* * *

Коля — мой одноклассник, друг детства. Мы дружили с ним со времен незапамятных, а вернее — со второго класса... Вот передо мной снимок, сделанный в знаменитом "Фото Бескина" на Старопортофранковской в 1948 году. На нем — наша учительница Евгения Ивановна Глущенко в окружении учеников. Здесь Алик Вайнтрауб, Шурик Песчанкер, Толя Каледин, Толя Кириллов, Толя Ваврух, Костя Буяльский. За спиной учительницы стоит автор, то есть я, прямо перед ней сидит Коля... С ним мы общались помногу и часто еще до моего переезда в Алма-Ату и потом, когда я почти каждый год прилетал в отпуск в Одессу, благо, Коля жил всего в нескольких минутах ходьбы от моего отчего дома...

Однажды (это было под Новый год) Колька пришел ко мне в плохом настроении... Молча, глядя мне в глаза, он стал извлекать из портфеля бутылку мускатовского "Муската" ("Коля!.. Зачем? У нас же своя "Изабелла"..."), коробку килек в томатном соусе (классическая закуска! Но не для "Муската"...), нарезанную колбасу в толстой серой магазинной бумаге почти картонной толщины. "Принеси тару и хлеб..." Я пожал плечами и принес старинные граненые стаканчики моей покойной бабы Клавды, "Бородинский" хлеб... А потом Коля сказал мне, что поспорил со своей Лилией (это его жена; они долго прожили вместе, и дай Бог всякому прожить так) и не хочет куда-то идти с ней встречать Новый год. "Приходи ко мне часов в 10, посидим, послушаем музыку..." Когда я пришел, Коля уже жарил картошку, ставил на стол соленья. На радиоле в углу пела скрипка, чайник на плите тихонько посасывал. Коля вышел и вскоре вернулся, держа в обнимку запотевший десятилитровый

(!) стеклянный баллон, в котором плескалась молодая "Лидия" уходящего года. Мы неплохо посидели... И даже не заметили, как наступил Новый год. Хрустели на зубах жареная картошка и соленые огурчики, уровень "Лидии" в баллоне неуклонно понижался... Исая Браудо низвергал на нас гениальные юношеские импровизации Баха, мы вспоминали нашу 14-ю школу, говорили об Опере. Оказывается, Колина бабушка была в ней на "Пиковой даме", которой дирижировал Чайковский, и видела его одесский триумф! Я вспомнил, что реставраторы допустили ошибку, и латинская надпись на картуше над портиком гласила: "Сгорел и восстановлен в 1968 году"... Конечно, надпись потом исправили... Коля извлек откуда-то старую подшивку "Одесского листка" и вытащил из нее вырезку из газеты за 1927 год. В заметке говорилось о большом пожаре в Опере, на тушении которого отличился Колин родственник — он работал в пожарной команде на Госпитальной...

Мы выходили во двор подышать свежим воздухом под морозящий мелкий одесский туман, пахнувший старыми деревянными шпалами со Второй заставы и молотым жареным кофе с "соевого" завода на недалекой Бугаевке, официально именуемого тогда заводом пищевых концентратов.

Я взглянул на часы — было около пяти утра, потом посмотрел на баллон и засмеялся: "Лидия" там едва-едва покрывала донышко... Я похлопал Колю по плечу и показал глазами на баллон. "Что? Мало? Принести еще?" — он привстал, чтобы отправиться в погреб за новой посудинкой. "Не надо, Коля..." Потом мы вышли и целый час бродили по нашему поселку ЗОР, а потом разошлись по домам, когда небо уже начало светлеть...

Однажды мы с Колей долго ходили по Городу: прошли по Балковской, по Приморской от Пересыпского моста, поднялись по лестнице к Дюку, постояли у Пушкина, потом прошли мимо служебного входа в Оперу, вспомнили Колькиного отца — Павла Нисимовича, дядю Пашу... Потом Коля подвел меня к одной из боковых дверей театра и показал на них: "Смотри!" Я: "Ну и что?" А рядом были точно такие же двери, только потемнее, из

старого дуба. "Во-во", — Коля всегда говорил тихо, не кричал, как почти все глухие. "Моя работа..." На своей деревообделочной фабрике он выполнял индивидуальные заказы, и ему поручили при реставрации Оперы "построить" двери... Они почти не отличались от старых.

Всякую, даже мелкую работу Коля делал истово, священно действовал. Как настоящий Мастер, который просто не может что-то делать как попало. Он был глухой... Но мы с ним часто ходили в Оперу, сидели в ложе прямо над тромбонами и слушали МУЗЫКУ... Он редко пользовался слуховым аппаратом.

А Колин отец, дядя Паша, много лет проработал в Опере тромбонистом. Вообще же он хорошо играл на всех духовых инструментах, но больше других любил тромбон. Он сравнивал его со скрипкой: "На тромбоне, как и на скрипке, нужно создать мелодию!"

Как-то я встретил П. Н. на улице. Он куда-то спешил, был мрачен. Под мышкой нес баритон. Я спросил его достаточно бестактно: "Дядя Паша! Далеко собрался?" "Жмура лабать, — ответил он. — Будь здоров, я побегал". Он подрабатывал игрой на похоронах.

* * *

Однажды, когда я уже учился на первом курсе института, в наш подвал на Градоначальнической пришел Коля: "Помоги отвести бату на работу..." Я удивился: "А что случилось?" "Да ничего особенного... Просто он под сильной "мухой" и плохо стоит на ногах..." "А как он будет играть?!" "Посмотришь... Он же будет сидеть, а не стоять..."

К вечеру я зашел к Коле. Дядя Паша и в самом деле был очень "хорош"... Впрочем, среди эмоциональных музыкантов это бывает. Мы помогли ему облачиться в черный фрак (тогда директор только-только справил оркестрантам белые и черные фраки с лацканами и галстуками бабочкой), втиснули его в пальто, нахлобучили шапку (дело было в промозглом одесском марте). Потом мы ехали в 15-м трамвае, в троллейбусе и, наконец, добрались до служебного входа. Коллеги весело приветствовали П. Н., отпускали соответствующие шуточки... Мы раздели его, вру-

чили инструмент, усадили на место рядом с другими тромбонистами. Я стал наблюдать... Вот ртутным шариком быстро прокатился между музыкантами невысокий, полный дирижер Сипитинер, встал за пульт, постучал палочкой, поднял руки, повернул голову налево, направо, кому-то подмигнул, потом резко бросил руки вниз — оркестр заиграл увертюру, давали "Кармен". П. Н. держал в руках инструмент и, казалось, дремал, но — взгляд дирижера в сторону тромбонистов, и все четверо (конечно, и П. Н. тоже) в такт легко двигают кулису, работают, а потом, опустив тромбон между коленями, слегка наклонившись, всматриваются в ноты. Снова взгляд — тромбоны поднимаются, тореро готовится к схватке с быком под торжественно-боевой марш!

Дядя Паша был профессионалом высокого класса не только в музыке. Выйдя на пенсию, он делал клетки для птиц и... великопленные дамские туфли!.. Они были настоящими Мастерами своего дела — отец и сын. Брат позвонил мне из Одессы: "Умер Коля..." Я еще никогда не ощущал такой пустоты. С Колей ушли детство и юность, ушло многое... И Опера тоже...

* * *

Четкие силуэты сосен. Их верхушки когда-то срезали, и они стали похожи на итальянские пинии... А за ними в тумане едва видна громада Оперы. Остатки перемолотого машинами грязноватого снега перед портиком. Асфальт — словно река, в которой отражаются скульптурные группы: сцены из античных трагедий...

...Неяркое осеннее солнце, сильный ветер метет вниз по Ланжероновской сухие желтые листья... Где-то в вышине в стремительном движении застыла Мельпомена на колеснице, влекомой мускулистыми львами. В поднятой руке — факел; словно от влажного осеннего ветра, развевается хитон. Немного ниже, по обе стороны аттика Орфей играет на арфе кентавра и Терпсихора с флейтой Пана в руках учит девочку танцевать...

...На русте стены первого яруса — рогатые тени чугунных торшеро...

Одесса. Алма-Ата — Израиль.

ДОЛЖНА РАБОТАТЬ КОМАНДА!"

было ехать как минимум в специализированные центры Киева, сейчас же они успешно делают в отделении и, как особо подчеркивает Павел Павлович, при нулевой летальности. Кстати, и при операциях на легких в отделении — лучший результат по Украине. Также в отделении успешно занимаются таким заболеванием, как миастения, т. е. патологией вилочковой железы, вызывающей мышечную слабость. Делаются там и такие сложные операции, как удаление легкого с резекцией части сердца и трахеи. А еще не так давно в отделении делали до 50 — 60-ти в год имплантаций кардиостимулятора. И только нынешняя экономическая ситуация, когда самому больному приходится искать средства для его приобретения, привела к значительному их сокращению. Если же исходить из уровня хирургов, а в отделении работают хирурги только высшей и первой категорий, то развитие кардиохирургии в отделении тормозится исключительно отсутствием аппарата искусственного кровообращения, без которого невозможны операции на работающем сердце. Точно так же отсутствие видеоэндоскопической стойки, позволяющей с минимальными разрезами проводить

операции внутри больного с контролем происходящего на экране, ограничивает возможности быстрого и успешного лечения с ранней послеоперационной реабилитацией.

— К сожалению, — с горечью говорит заведующий отделением Павел Шипулин, — те богатые люди, которые могли бы оказать помощь в приобретении необходимого оборудования, предпочитают лечиться за границей, забывая, что не в любой ситуации можно до этой заграничной добраться. Ведь достаточно большое количество случаев нашего хирургического вмешательства и оказания экстренной помощи связано с автотрагедиями. Поэтому помощь в обеспечении наших медицинских учреждений современной аппаратурой — это обеспечение самих себя возможностью получить помощь в экстремальной ситуации.

— Я проходил стажировку в США, — продолжает он, — и совершенно определенно могу сказать, что по качеству специалистов мы не отстаем. Единственное их преимущество — это техническое обеспечение. Но при всем этом могу сказать: я сталкивался с тем, что и у больных, которые оперировались в Германии или Израиле,

результат отнюдь не всегда бывает хороший. Ведь главное — чтобы к врачу обращались при первых симптомах. Сейчас же приходится сталкиваться с тем, что больные приходят с запущенной формой заболевания, когда помочь уже практически нельзя. Особенно печально, когда причиной того, что люди не обращаются к нам за помощью вовремя, являются разговоры о каких-то немислимых гонорах, которые якобы приходится платить хирургу. Я считаю такие разговоры просто безобразием. Как должностное лицо, я отвечаю, что никто и никогда никакие гонорары за лечение назначать не смеет. Единственное, с чем действительно приходится сталкиваться нашим пациентам, это обеспечение себя медикаментами. Как ни пытаются, как ни бьются, что ни делает для отделения и всей больницы в целом наш главный врач Неля Федоровна Гоженко, при мизерном, ниже всякой критики финансировании медицины с этим ничего поделать нельзя.

Хотя мы и областная больница, среди наших 45-ти проходящих лечение в отделении пациентов много горожан. Мы никому не отказываем. Я считаю, что больному должен иметь право выбора того, где ему ле-

читься, и никакое администрирование (вроде того, чтобы эти лечились только здесь, а эти только там) недопустимо. Я не считаю нужным скрывать, что сейчас идет борьба за больно-

го, и конкуренция возрастает.

Записал
Олег ВЛАДИМИРСКИЙ.

Фото автора.

У постели больного после удаления и восстановления пищевода зав. отделением Павел Шипулин, доцент кафедры торакальной хирургии Владимир Байдан, магистр ОМУ Ольга Кашенко и хирург-ординатор Виктор Байдан.

Владимир ПАХОМОВ

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЕ ИСТОРИИ

(Окончание. Начало
во "Всемирных одесских новостях"
за декабрь 2002 г.)

В 1973 году в провинции Хунань при раскопках усыпальницы, датированной 168 годом до н. э., было найдено несколько шелковых свитков, среди которых два, посвященных описанию меридианов и использованию прижигания. Один носит название "Прижигание одиннадцати меридианов рук и ног" Цуби ши Май цзю Цзин. Другой называется "Прижигание одиннадцати инь- и ян-меридианов" Инь-ян ши Май цзю Цзин. Мало известно, но эти труды считаются в Китае первыми из дошедших до наших дней первоисточников, где описана система меридианов.

Медицинская мысль, постепенно подкрепляясь теоретическим обоснованием и практическим использованием, оформлялась в систематизированный труд. Необходимость создания всеобъемлющего источника медицинских знаний привела к тому, что с изобретением бумаги одной из первых была издана книга по вопросам медицины — "Законы Хуанди о внутреннем" Хуанди Нэйцзин; она же оказалась и самым известным из наиболее ранних теоретически обоснованных источников ТСМ. В последующие временные периоды на нее в своих работах будут ссылаться почти все известные классики ТСМ, включая и наше время. Так вот, этот труд в скомпилированном виде увидел свет на рубеже "Борьбы царств" — между периодом правления Циньской (221 — 206 гг. до н. э.) и Ханьской (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.) династий. Он состоит из двух основных частей. Сувэн — "Книга простых вопросов" о медицине, где в качестве собеседников выступают "Желтый император" и Чибо — врач императора. В форме диалога в ней приведено описание целого спектра медицинских проблем. И вторая часть — "Чудесные объединения" Лингшу. Это книга, главным образом освещающая вопросы использования акупунктуры и прижигания, а также топографию точек акупунктуры, их назначение. Лингшу еще часто называют "Чудесные точки меридианов" Лингшу Цзин; "Девять свитков" Цзиуцзин; "Акупунктура меридианов" Чжэнь Цзин; "Девять чудесных действий" Цзиулин; "Девять даров" Цзиусю. В завершеном виде, как указывают исторические источники, этот труд вообрал в себя знания медицины того времени, основной идеей книги было освещение существовавших на тот период взглядов по вопросам физиологии и

патологии, представлений о болезнях, их классификации, а также профилактики и лечения. Кроме этого, в ней были даны принципы использования разновидностей игл из девяти различных металлов.

Первейшим источником (приблизительно 450 — 500 гг. н. э.) китайской фармакологии считается книга "Знания Шэннонг по использованию трав" Шэннонг Бенцао Цзин. В этой книге, объединяющей знания по фармакогнозии, дано описание 365 трав, способов их сбора, хранения и применения. Даны понятия ингредиентов, составляющих лекарство (сбор), например: основной препарат или препарат со свойствами основного, но, тем не менее, замещающий, вспомогательный препарат, препарат-агент, т. е. способствующий доставке и усвоению основного. Кроме этого, были предложены понятия "семи состояний веществ", "четыре свойства", "пять цветов" (в Китае до сих пор принято применять в лечебной практике вещества — в зависимости от синдрома заболевания — с учетом их физических свойств, например, цвета, физического состояния). Так, при синдроме холода назначаются препараты с оттенками желтого и красного цветов в подогретом состоянии, а при синдроме избыточного жара — препараты белого, синего цветов в жидком и охлажденном состоянии.

Император Шэннонг — один из трех мифических императоров Китая (вместе с Фу Си и Хуанди). Он принял эстафету правления от Фу Си. Согласно легенде, он был зачат небесным драконом. В сохранившихся легендах рассказывается, как он много работал, исследовал и занимался травами, в том числе проверял действие трав и на себе, от чего часто страдал. Итогом одного из таких экспериментов стало изобретение чая как средства от отравления или упадка сил. Его еще называют великим агрономом или "принцем хлебных злаков" Гувуда Ванцзи. Легенды приписывают ему, кроме изобретения чая, еще и технологию его выращивания, производства, приготовления и саму традицию чайной церемонии. История не оставила ни одного источника по медицине периода правления Шэннонг. Знания, полученные им и его подданными, впоследствии передавались из уст в уста. И книга, изданная под его именем, послужила данью уважения его и почитания.

Чуть позднее, в период правления династии Хань, жил и трудился (475 — 421 г. до н. э.) в области медицинских проблем

Чин Юежен (другое имя — Бьянчюе) в провинции с нынешним названием Хэбэй. Он известен, прежде всего, успехами в области акупунктуры, прижигания и массажа, а также как мастер, основавший школу пульсовой диагностики. Существует легенда о том, как он спас жизнь сыну князя Гуо в Шицзюе, чем снискал себе большую славу. Народ говорил о Бьянчюе, что "он способен оживлять умерших"; на это Бьянчюе отвечал: "Вернуть умерших я не могу, но если болезнь не смертельна, то я могу их вылечить". Эта легенда довольно часто приводится как факт мастерства врачей древности в медицинских учредениях Китая. В период деятельности Бьянчюе и позднее вышло несколько трудов под общим названием "Книга медицинских проблем" Нан Цзин. Существующая версия этого труда скомпилирована под общим авторством Чин Юежен. Она явилась своеобразным дополнением, заполнившим пустоты и высветившим недостатки Хуанди Нэйцзин. В этом источнике 81 глава, каждая освещает определенный медицинский вопрос. В частности, обсуждены темы применения теории пяти элементов в лечебной практике, концепция восьми чудесных меридианов, расширены вопросы диагностики, лечения и многое другое. Насколько значимы были методы акупунктуры и прижигания в то время, можно судить по факту возведения одним из князей по имени Жэнцонг храма в честь Бьянчюе.

Кистью известного врача Ханьской династии (до 280 г. н. э.) Чжан Чжонцзин была написана книга "Трактат о внешних воздействиях и внутренних заболеваниях" Шанхан Цабинлун. В современных источниках эту книгу чаще упоминают под названием "Трактат о лихорадочных болезнях". В данном труде впервые была дана характеристика шести болезнетворных внешних факторов, описаны болезни, возникающие при их повреждающем воздействии, предложена система лечения, исходя из синдрома заболевания. Для лечения лихорадочных состояний автор предлагал использовать — кроме лечения травами — и иглоукалывание. В частности, им предложен рецепт использования точек Фэн чи (VB 20) и Фэн фу (VG 16) для лечения заболеваний Тай-ян (меридианы Тай-ян доминируют в управлении физиологией мышц, кожи, питательной и защитной чи, закрытием и открытием пор). Тогда же занимался врачебным делом видный китайский хирург и мастер в области акупунктуры Хуатю, иное имя — Хуафу. Ему приписывается первое использование алкоголя в качестве наркоза, а сам метод был назван "Мафэй". Его использовали во время оперативных вмешательств. Широко известна в Китае цепь акупунктурных точек, расположенных паравerteбрально, названная его именем — Хуатю Цзяцзи сюе. Им написано много книг, посвященных вопросам диагностики и лечения. Наиболее известные: "Прижигание точек с образованием пузырей" Чжэньчжонг Цзиуци Цзин, "Локоть как запасной вариант экстренной помощи" Чжоу хоубэй цзифан, "Неотложная врачебная помощь при болезнях сердца" И Синфан. По его мнению, в частности, для получения наиболее благоприятных результатов уколы иглой необходимо производить в небольшое число точек (1 — 2) и извлекать иглу

лишь при достижении определенных, специфических ощущений.

Самой ранней книгой, систематизировавшей теоретические основы применения акупунктуры, считается "Азбука классической акупунктуры и прижигания" Чжэньцзю цзяи Цзин, изданная в период правления династии Цзин (с 265 по 316 г. н. э.) известным врачом того времени — Хуан Фуми. С 256 по 265 год нашей эры он трудился над объединением всех имевшихся знаний. Итогом его работы стала книга, состоящая из 12 глав, освещающих различные вопросы, как, например, представление о болезнях в свете теорий чжан и фу, циркуляции чи и крови, предназначение и топография меридианов и коллатералей; описано 349 точек акупунктуры, даны рекомендации по показанию и противопоказанию к их применению. Эта книга явилась одним из наиболее влиятельных изданий в истории китайской медицины. Следует отметить, что диаграммы меридианов в этой книге были даны в цветном изображении.

Следующим этапом развития китайской медицины была книга врача Цао Юанфанг, изданная в период правления династии Суй (с 581 по 618 г. н. э.) под названием "Основное учение о патологии и симптоматологии заболеваний" Чжубин юанхоу лун. Уже в этом источнике были освещены вопросы терапии, хирургии, гинекологии, педиатрии, оториноларингологии. Описано более 1700 различных синдромов заболеваний. Этот труд считается первым объединенным руководством по медицине.

В период правления династии Тан (с 618 по 907 г. н. э.) была организована группа врачей во главе с Суцзин для создания труда, объединяющего знания по медицине того времени. Итогом работы стало издание первой в Китае и во всем мире фармакопеи под названием "Династия Тан, использование лекарств из трав" Тан синсюе бенцао. В тот же период врачом Сун Сымяо написана книга "Тысяча золотых лечебных рецептов" Чьянцзин Яофан. Она была сгруппирована из двух частей, одна из которых — "Тысяча золотых рецептов при неотложных ситуациях" Чьянцзин Яофан — была издана в 652 году. А вторая — "Приложение к тысяче золотых рецептов" Чьянцзин Ифан — в 682 году. Им был предложен 7871 рецепт борьбы с болезнями, включая методы иглоукалывания и прижигания, диетологии, предупреждения болезней и сохранения здоровья. Современники называли его императором медицины трав. Он считал, что "человеческая жизнь столь же драгоценна и ценна, как тысяча граммов золота", поэтому использовал в названии книги словосочетание "Чьянцзин". В его книге есть иллюстрации меридианов в трех проекциях, с указанием точек акупунктуры. Двенадцать регулирующих меридианов изображены пятью разными цветами, а восемь чудесных меридианов выполнены в зеленом цвете. Это самые древние известные цветные диаграммы меридианов, разделяющие регулирующие и чудесные меридианы.

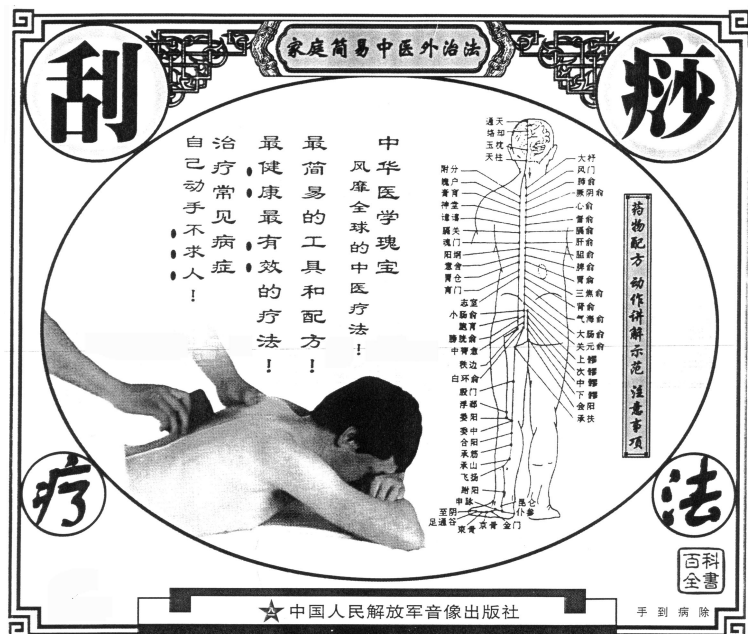
В этот же период в официальную лечебно-педагогическую практику было введено звание мастера Тай Ишу, отвечавшего за обучение специалистов в области акупунктуры, и организовано специальное отделение по их подготовке. Тогда же

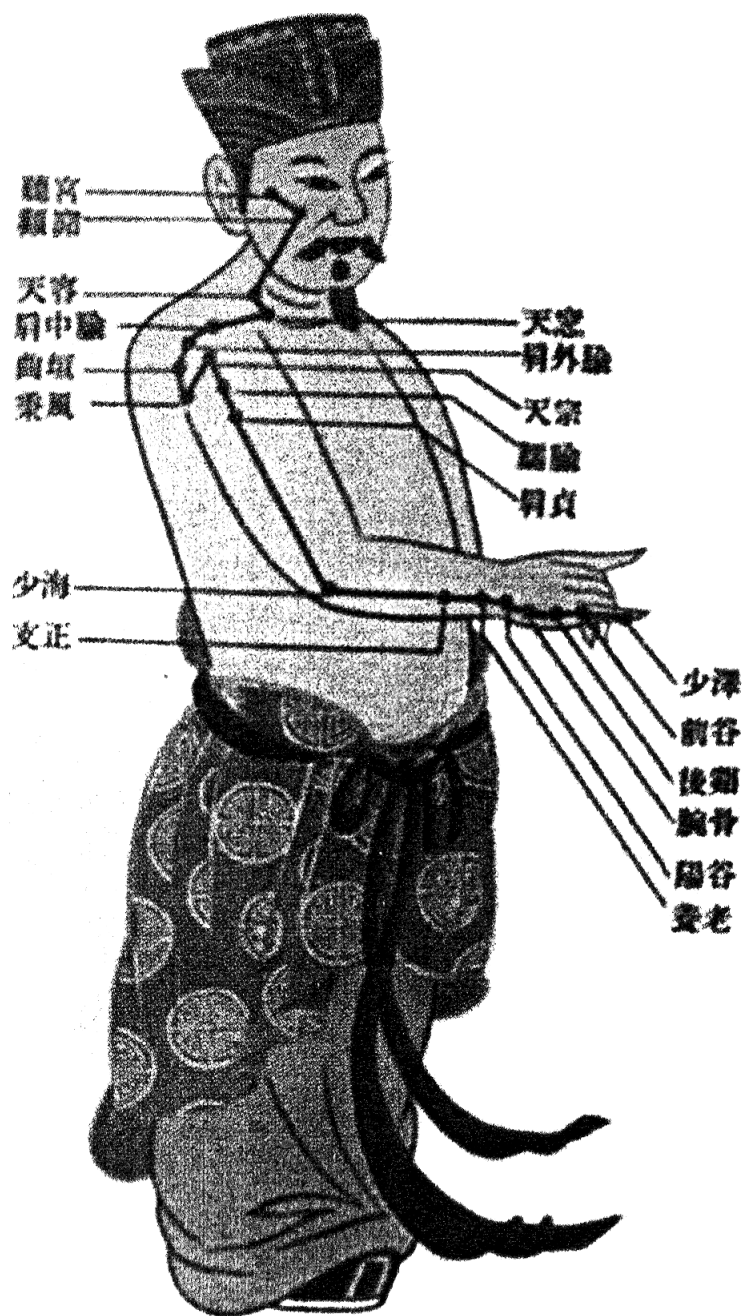
акупунктура и прижигание были выделены в отдельную лечебную дисциплину.

Династия Сонг (960 — 1127 г. н. э.) отмечена тем, что в тот период врачи начали обучать в специальных учебных центрах, была издана первая книга по пропедевтике внутренних болезней. Кроме этого, было создано бюро по ревизии всех медицинских знаний, что послужило предпосылкой создания первого медицинского архива, который уже в то время насчитывал столько источников, что на их печать в обычной типографии нашего, совсем недавнего времени могло бы уйти 10 лет! Примечателен тот период и тем, что тогда (1026 или 1027 г.) были изготовлены две бронзовые статуи — наглядные пособия для проведения акупунктуры. Автором их, по некоторым источникам, следует считать Ванг Вэйи. Интересен факт, что трехтомное приложение к бронзовым статуям было изготовлено несколько раньше. Современниками настолько признавалась его ценность, что текст был выгравирован на каменных и бронзовых плитах. Этот источник содержит описание топографии меридианов, точек акупунктуры, показания к их применению и прописи рецептов лечения. Название этого труда — "Руководство по акупунктуре и прижиганию на примере бронзовой статуи" Тонжэн Шусюе Чжэньцзю. И только через два года были отлиты широко известные бронзовые статуи. Не бесспорный факт, но некоторые источники указывают на то, что сами оригиналы статуй были утеряны. В санкт-петербургском Эрмитаже хранится подобный плана статуя.

В период правления династий Цзин (с 1115 по 1234 г. н. э.) и Юань (с 1279 по 1368 г. н. э.) наметились новые направления медицинских взглядов. Одним из известных врачей того времени, Лиу Вансу, была предложена доктрина огня-жара, превращения шести климатических факторов во внутренний огонь; чрезмерных эмоций, продуцирующих внутренний огонь. Он предлагал в связи с этим использование трав, обладающих свойствами холода или прохлады, и стал основоположником теории жара как источника болезней. Другим известным врачом того периода — Чжанг Цонг Чженг — предлагалось лечение болезней потогонными, рвотными и слабительными средствами в случае инвазии вредоносного фактора в глубь организма. А Ли Гао, еще один известный врач того времени, считал, что внутреннее повреждение селезенки и поджелудочной железы, а также желудка может послужить источником ста болезней. И, наконец, Чжу Чжэнхэнг придерживался такой концепции: ян — это всегда избыток, а инь — недостаток; и поэтому в основе лечения использовал рецептуру для подпитывания инь организма. В известной книге того периода (1341 г.) "Скрытая объединяющая сердцевина" Хуа Божэн впервые к системе двенадцати основных меридианов были присоединены еще два — Ду и Жэн. С тех пор система регулирующих меридианов стала состоять из четырнадцати элементов. Книга, кроме этого, проводила систематизацию точек акупунктуры и их принадлежности к определенным меридианам.

В 1578 году Ли Шичжэнь, врач эпохи правления династии Минг, написал книгу "Полный медицинский справочник" Бенцао Ганму. В течение 27 лет он

работал над ее созданием. В книге дано описание 1892 трав, представлено более 10000 различных лечебных рецептов. Кроме этого, изложены новые принципы использования в акупунктуре "чудесных меридианов". Он был настоящим исследователем: сам ходил в горы, собирая различные травы, производил опыты над животными, исследовал полезные свойства минералов в лечебных целях. А в 1601 г. врачом Янг Цзичжоу была издана книга "Большое издание по акупунктуре и прижиганию" Чжэньцзю Дачшэнг, которую считают основополагающей по вопросам акупунктуры и прижигания. Ее, как и "Азбуку классической акупунктуры и прижигания", считают фундаментальным трудом по иглоукалыванию. Примерно в тот же период врачам, практикующим акупунктуру, стали выдавать как особый знак небольшие бронзовые статуэтки — наподобие двух первых бронзовых статуй.

В период правления династии Цин (1644 — 1911 гг.) властью правящих кругов акупунктура и прижигание были низвергнуты, учебные центры по подготовке специалистов в этой области расформированы, а врачи подвергнуты гонениям. Особенно — после вспышки опиумной войны, начиная с 1840 года. Все 19-е столетие проходило в Китае под лозунгом модернизации здравоохранения по западному типу. Хотя и была выпущена книга "Сборник методов лечения иглоукальванием и прижиганием" Чжэньцзю Цзичжэнг китайского врача Ляо Жунхонга, где вместе с общими принципами современной медицины представлялись методы лечения на основе древних знаний, изменить отношение к античным принципам лечения она уже не смогла. Издание замечательно тем, что врачом, практикующим медицину по восточным концепциям, была сделана

попытка адаптации древнего учения к современным представлениям европейского направления. В ней автор указывает, учитывая новые современные взгляды в медицине, структуру меридианов и коллатералей, технику манипулирования иглами и полынными инструментами. Дана рецептура точек для использования как акупунктуры, так и прижигания при внутренних болезнях в терапии, хирургии, гинекологии и педиатрии.

Весьма характерна книга того времени "Исправление медицинских ошибок" Ильин Гайцуо, где автор указывает на бытующие ошибки анатомии, взгляды на течение и лечение болезней. Книга несла в себе идеи европейской медицины.

В начале 20-го столетия в Китае TCM расценивали как историческую причуду. Использование методов TCM продолжалось лишь ограниченно и только в сельских, глухих районах. В 1912 году чжэнь-цзю перестала представляться в Императорской Медицинской Академии и была исключена из программы обучения.

С 1949 г., в период, когда Китай стал называться Китайской Народной Республикой (КНР) и в течение 3-х лет сумел восстановить свое хозяйство, в медицинскую практику вновь стали внедрять методы восточной медицины — иглоукалывание и прижигание. Во времена, когда во главе Коммунистической партии стоял Мао Цзэдун, был принят ряд решений по развитию акупунктуры и прижигания (чжэнь-цзю). Уже в 1951 году в Пекине был создан Экспериментальный институт чжэнь-цзю терапии, реорганизованный в 1955 г. в научно-исследовательский. В настоящее время самые интенсивные исследования по акупунктуре ведутся в трех крупных городах КНР: Пекине (Академия китайской медици-

ны); Шанхае (Институт физиологии) и Ухане (Китайская академия медицинских проблем). С 1975 г. по рекомендации ВОЗ в Пекине, Шанхае и Нанкине начали действовать первые Международные курсы, способствовавшие еще большему распространению чжень-цзю терапии по всему миру, а в 1980 г. решением ВОЗ акупунктура признана научно обоснованным методом и рекомендована для включения в практику здравоохранения других стран. В 1984 г. по инициативе Бишко создана первая Международная организация по иглоукалыванию и родственным техникам (JCMAPT).

С конца 50-х годов акупунктура в КНР рассматривается как необходимый и обязательный дополнительный метод, который применяется врачами (по-китайски — врач Ишэн или Тайфу) во всех больницах страны не только при функциональных заболеваниях, но и при многих органических, в том числе — инфекционных (дизентерия, вирусный гепатит и т. д.). Вновь были возведены на должную высоту принципы восточной медицины, и сохраняется значимость их по настоящее время. В свою очередь, занимааясь терапией, хирургией, педиатрией и пр., Чжон тайфу (врач традиционной китайской медицины) наряду со знаниями TCM, сохраненными всеми предыдущими поколениями, использует в своей практике и современные знания, в том числе и западных коллег. Это сочетание является мощным оружием в руках человечества против болезней.

В период около 1500 по 1600 год ТСМ начала свое шествие по странам Европы. Исторический факт: первой публикацией, правда, на китайском языке, на тему акупунктуры оказалась книга, посвященная ветеринарии, точнее — лечению иглоукалыванием лошадей. Дело в том, что наиболее ценными домашними животными на тот период считались лошади. Членами ордена иезуитов, паломничавшими в Китае, доставлялись сведения о чудесных исцелениях животных. В период правления династии Минг была написана книга о лечении лошадей, коров и верблюдов с теоретическим изложением принципов Хуанди Нэйзин. Она была написана двумя ветеринарами — Юан и Хэнг. Она и считается, по некоторым источникам, первой книгой по китайской медицине, которую увидела Европа (в 1608 году).

Первую книгу по акупунктуре для лечения людей перевел на французский язык Гарвей.

По некоторым источникам, в 1671 году ее отпечатали в одной из типографий Гренобля.

Первой книгой (1683 г.) с изложением принципов китайской медицины, но с собственным врачебным опытом, опять же — по некоторым источникам, считается диссертация «Де акупунктура» голландца Вильяма Тена Рийнема, который практиковал китайскую и японскую медицину. Во всяком случае, достоверный факт, что термином «акупунктура» мы обязаны ему.

В 1816 году отец знаменитого композитора Л. Берлиоз в книге "Нотицер убер хронисхе Ерkrankуген, Адерлиссе унд Акупунктур" сообщил о положительных результатах лечения акупунктурой пациентов с хроническими заболеваниями. Он предлагал применять иглоукалывание при оживлении утонувших и новорожденных с признаками клинической смерти в результате асфиксии.

Солье де Моран, французский дипломат, вернувшийся из Шанхая в 1927 году, перевел на французский язык книгу по акупунктуре, названную "Прециз де ля ври акупунктур". Ему мы обязаны появлением термина "меридиан". В 1934 она была

опубликована и явилась фундаментальным трудом по акупунктуре для французской, а затем — европейской школы акупунктуры, включая Италию, Германию и Австрию.

В 1826 г. Ж. Клойе опубликовал обширный трактат по акупунктуре, а в 1858 г. известный клиницист А. Трюсэ посвятил этому методу целую главу в своем прославленном руководстве по внутренним болезням.

Первым в России упоминанием чжэнь-цзю терапии как метода лечения стала публикация проректора Медико-хирургической академии П.А. Чаруковского в "Военно-медицинском журнале" (1828 г., № 1). Свое исследование он построил на положительных результатах в динамике лечения случаев мышечного ревматизма и люмбаго.

Большой вклад в популяризацию чжэнь-цзю терапии внес выпускник Петербургской медико-хирургической академии А.А. Татаринов. С 1839 года он в составе духовной миссии находился в Пекине, вначале как врач, а затем как полномочный представитель России в Китае и провел там около 10 лет, достаточно изучив китайский язык. Благодаря последующим его научно-литературным трудам медицинское общество узнало о существовании Хуанди Нэйцзин, методах акупунктурного воздействия и прижигания. В научных кругах работы Татаринова вызвали большой интерес и — в связи с ценностью его работ — он был без экзаменов удостоен степени доктора медицины. Интересен факт: А.А. Татаринов не смог длительное время оставаться в России, и когда директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский отправился в Китай, он присоединился к нему. Вернулся Татаринов уже в преклонном возрасте и, выйдя в отставку в чине действительного статского советника, жил в Пензе. Из Китая он привез (кроме собственных рукописей и переведенных им книг) большую библиотеку первоисточников, которая исчезла после его смерти по странному стечению обстоятельств и не найдена до сих пор (по приблизительным данным — от 300 до 500 книг).

Несмотря на то, что метод был известен и применялся многими видными учеными, отечественная школа начала создаваться лишь с 50-х годов 20-го столетия.

Достоверный факт: в 1947 году в Харбине ст. лейтенант медицинской службы Д.Н. Стояновский знакомится с местным народным целителем Чжи Ванем. Стояновский рекомендует одному из своих старших офицеров командования пройти у китайского врача курс лечения эпилепсии. Поразительно, но после лечения иглокалыванием эпилептические припадки у командира прекратились, он вернулся в строй полноценным бойцом. Данное обстоятельство не могло не сказаться на дальнейшем выборе молодого врача, и Стояновский продолжил изучение восточной медицины и практику с китайским мастером. В 1947 году, после того как военный госпитальный поезд был расформирован, Стояновский вернулся в Россию и служил под Ленинградом — в Мариенбурге. В 1951 году поступил в Военно-медицинскую академию имени Кирова в Ленинграде. Все время после возвращения Даниил Стояновский практиковал рефлексотерапию.

В 1955 году ленинградцы, воодушевленные чудесами в Военной академии, написали письмо Ворошилову, требуя открытия гражданской клиники иглотерапии. В Китай были посланы три кандидата медицинских наук, которые прошли шестимесячную подготовку в ин-

ституте народной медицины под руководством Чжу Лянь-книга которой "Руководство по современной чжэнь-цзю терапии" стала первой китайской монографией, переведенной на русский язык и вышедшей в 1959 году.

Чжу Лянь знала китайскую и европейскую медицину, собирала древние методики иглоукалывания и прижигания и в итоге оформила полученные знания, издав данную книгу.

В последующем Стояновский долгое время вел переписку с Чжу Лянь, хранил подаренную ею книгу по иглоукалыванию и прижиганию на китайском языке, сигары для прижигания.

Судьба Чжу Лянь была трагической: ее замучили во время репрессий в годы "культурной революции".

После посещения российскими врачами клиник Китая с целью изучения метода, в период с 1956 по 1957 г., из КНР вернулась группа медиков, прошедших там стажировку. Среди них были В.Г. Вогралик, И.И. Русецкий, Э.Д. Тычковская, М.К. Усова, Н.Н. Осипова.

В июне 1957 г. были утверждены "Временные методические указания по применению иглоукалывания и прижигания", а в 1959 г. МЗ СССР издана "Инструкция по применению метода иглотерапии". С 1960 года в СССР началась единичная подготовка врачей-специалистов на базе институтов усовершенствования врачей в Москве, Ленинграде, Казани. В 1976 году в Москве организован первый Центральный научно-исследовательский институт рефлексотерапии. В 1977 — 1980 гг. в Московском, Казанском, Киевском и Ленинградском институтах усовершенствования врачей были открыты кафедры рефлексотерапии.

В дальнейшем врачами советской школы рефлексотерапии было написано и издано много трудов, посвященных различным вопросам применения в лечебных целях чжэнь-цзю.

Наиболее фундаментальными изданиями в этой области являются книги видных врачей и научных исследователей нашего времени. Это, в частности, В.Г. Вогралик, Р.А. Дуринян, Г. Лувсан, Д.Н. Стояновский, Е.Л. Мачерет, И.З. Самсоюк, Я.С. Песиков, Д.М. Табеева, Э.Д. Тыкочинская и многие, многие другие.

Из книг, изданных на русском языке с изложением принципов восточной медицины, следует отметить работы таких авторов: Хоанг Бао Тя, Нгуен Ван Нги, У Вэй Синь, К. Шноренбергер и др. В их трудах изложены основные принципы диагностики и лечения заболеваний в свете теорий восточной медицины.

Во все времена использования чжэнь-цзю на территории бывшего СССР делались попытки соединить взгляды европейской школы медицины с восточными концепциями.

В настоящее время существует более 40 теорий, объясняющих действие рефлексотерапии с позиций европейской школы медицины, но ни одна из них не обладает свойствами универсальности. Каждая из них применима лишь к определенному, порой узкому спектру рефлекторных ответов. Возможно, понимание эффективных реакций со всем спектром сопутствующих феноменов лежит в области, которая на данный момент недоступна для фиксирования, контроля и объяснения существующими методами.

Может, до этого человеческая мысль так и не дойдет, и тогда единственной всеобъемлющей и все объясняющей теорией, способной расставить все точки над "i", так и останется теория Традиционной Китайской Медицины (TCM).

Владимир ПАХОМОВ

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕЕ ИСТОРИИ

(Окончание. Начало во "Всемирных одесских новостях" за декабрь 2002 г.)

В 1973 году в провинции Хунань при раскопках усыпальницы, датированной 168 годом до н. э., было найдено несколько шелковых свитков, среди которых два, посвященных описанию меридианов и использованию прижигания. Один носит название "Прижигание одиннадцати меридианов рук и ног" Цуби ши Май цзю Цзин. Другой называется "Прижигание одиннадцати инь- и ян-меридианов" Инь-ян ши Май цзю Цзин. Мало известно, но эти труды считаются в Китае первыми из дошедших до наших дней первоисточников, где описана система меридианов.

Медицинская мысль, постепенно подкрепляясь теоретическим обоснованием и практическим использованием, оформлялась в систематизированный труд. Необходимость создания всеобъемлющего источника медицинских знаний привела к тому, что с изобретением бумаги одной из первых была издана книга по вопросам медицины — "Законы Хуанди о внутреннем" Хуанди Нэйцзин; она же оказалась и самым известным из наиболее ранних теоретически обоснованных источников ТСМ. В последующие временные периоды на нее в своих работах будут ссылаться почти все известные классики ТСМ, включая и наше время. Так вот, этот труд в скомпилированном виде увидел свет на рубеже "Борьбы царств" — между периодом правления Циньской (221 — 206 гг. до н. э.) и Ханьской (206 г. до н. э. — 8 г. н. э.) династий. Он состоит из двух основных частей. Сувэн — "Книга простых вопросов" о медицине, где в качестве собеседников выступают "Желтый император" и Чибо — врач императора. В форме диалога в ней приведено описание целого спектра медицинских проблем. И вторая часть — "Чудесные объединения" Лингшу. Это книга, главным образом освещающая вопросы использования акупунктуры и прижигания, а также топографию точек акупунктуры, их назначение. Лингшу еще часто называют "Чудесные точки меридианов" Лингшу Цзин; "Девять свитков" Цзиуцзин; "Акупунктура меридианов" Чжэнь Цзин; "Девять чудесных действий" Цзиулин; "Девять даров" Цзиусю. В завершеном виде, как указывают исторические источники, этот труд вообрал в себя знания медицины того времени, основной идеей книги было освещение существовавших на тот период взглядов по вопросам физиологии и

патологии, представлений о болезнях, их классификации, а также профилактики и лечения. Кроме этого, в ней были даны принципы использования разновидностей игл из девяти различных металлов.

Первейшим источником (приблизительно 450 — 500 гг. н. э.) китайской фармакологии считается книга "Знания Шэннонг по использованию трав" Шэннонг Бенцао Цзин. В этой книге, объединяющей знания по фармакогнозии, дано описание 365 трав, способов их сбора, хранения и применения. Даны понятия ингредиентов, составляющих лекарство (сбор), например: основной препарат или препарат со свойствами основного, но, тем не менее, замещающий, вспомогательный препарат, препарат-агент, т. е. способствующий доставке и усвоению основного. Кроме этого, были предложены понятия "семи состояний веществ", "четыре свойства", "пять цветов" (в Китае до сих пор принято применять в лечебной практике вещества — в зависимости от синдрома заболевания — с учетом их физических свойств, например, цвета, физического состояния). Так, при синдроме холода назначаются препараты с оттенками желтого и красного цветов в подогретом состоянии, а при синдроме избыточного жара — препараты белого, синего цветов в жидком и охлажденном состоянии.

Император Шэннонг — один из трех мифических императоров Китая (вместе с Фу Си и Хуанди). Он принял эстафету правления от Фу Си. Согласно легенде, он был зачат небесным драконом. В сохранившихся легендах рассказывается, как он много работал, исследовал и занимался травами, в том числе проверял действие трав и на себе, от чего часто страдал. Итогом одного из таких экспериментов стало изобретение чая как средства от отравления или упадка сил. Его еще называют великим агрономом или "принцем хлебных злаков" Гувуда Ванцзи. Легенды приписывают ему, кроме изобретения чая, еще и технологию его выращивания, производства, приготовления и саму традицию чайной церемонии. История не оставила ни одного источника по медицине периода правления Шэннонг. Знания, полученные им и его подданными, впоследствии передавались из уст в уста. И книга, изданная под его именем, послужила данью уважения его и почитания.

Чуть позднее, в период правления династии Хань, жил и трудился (475 — 421 г. до н. э.) в области медицинских проблем

Чин Юежен (другое имя — Бьянчюе) в провинции с нынешним названием Хэбэй. Он известен, прежде всего, успехами в области акупунктуры, прижигания и массажа, а также как мастер, основавший школу пульсовой диагностики. Существует легенда о том, как он спас жизнь сыну князя Гуо в Шицзюе, чем снискал себе большую славу. Народ говорил о Бьянчюе, что "он способен оживлять умерших"; на это Бьянчюе отвечал: "Вернуть умерших я не могу, но если болезнь не смертельна, то я могу их вылечить". Эта легенда довольно часто приводится как факт мастерства врачей древности в медицинских учредениях Китая. В период деятельности Бьянчюе и позднее вышло несколько трудов под общим названием "Книга медицинских проблем" Нан Цзин. Существующая версия этого труда скомпилирована под общим авторством Чин Юежен. Она явилась своеобразным дополнением, заполнившим пустоты и высветившим недостатки Хуанди Нэйцзин. В этом источнике 81 глава, каждая освещает определенный медицинский вопрос. В частности, обсуждены темы применения теории пяти элементов в лечебной практике, концепция восьми чудесных меридианов, расширены вопросы диагностики, лечения и многое другое. Насколько значимы были методы акупунктуры и прижигания в то время, можно судить по факту возведения одним из князей по имени Жэнцонг храма в честь Бьянчюе.

Кистью известного врача Ханьской династии (до 280 г. н. э.) Чжан Чжонцзин была написана книга "Трактат о внешних воздействиях и внутренних заболеваниях" Шанхан Цабинлун. В современных источниках эту книгу чаще упоминают под названием "Трактат о лихорадочных болезнях". В данном труде впервые была дана характеристика шести болезнетворных внешних факторов, описаны болезни, возникающие при их повреждающем воздействии, предложена система лечения, исходя из синдрома заболевания. Для лечения лихорадочных состояний автор предлагал использовать — кроме лечения травами — и иглоукалывание. В частности, им предложен рецепт использования точек Фэн чи (VB 20) и Фэн фу (VG 16) для лечения заболеваний Тай-ян (меридианы Тай-ян доминируют в управлении физиологией мышц, кожи, питательной и защитной чи, закрытием и открытием пор). Тогда же занимался врачебным делом видный китайский хирург и мастер в области акупунктуры Хуатю, иное имя — Хуафу. Ему приписывается первое использование алкоголя в качестве наркоза, а сам метод был назван "Мафэй". Его использовали во время оперативных вмешательств. Широко известна в Китае цепь акупунктурных точек, расположенных паравертебрально, названная его именем — Хуатю Цзяцзи сюе. Им написано много книг, посвященных вопросам диагностики и лечения. Наиболее известные: "Прижигание точек с образованием пузырей" Чжэньчжонг Цзиуци Цзин, "Локоть как запасной вариант экстренной помощи" Чжоу хоубэй цзифан, "Неотложная врачебная помощь при болезнях сердца" И Синфан. По его мнению, в частности, для получения наиболее благоприятных результатов уколы иглой необходимо производить в небольшое число точек (1 — 2) и извлекать иглу

лишь при достижении определенных, специфических ощущений.

Самой ранней книгой, систематизировавшей теоретические основы применения акупунктуры, считается "Азбука классической акупунктуры и прижигания" Чжэньцзю цзяи Цзин, изданная в период правления династии Цзин (с 265 по 316 г. н. э.) известным врачом того времени — Хуан Фуми. С 256 по 265 год нашей эры он трудился над объединением всех имевшихся знаний. Итогом его работы стала книга, состоящая из 12 глав, освещающих различные вопросы, как, например, представление о болезнях в свете теорий чжан и фу, циркуляции чи и крови, предназначение и топография меридианов и коллатералей; описано 349 точек акупунктуры, даны рекомендации по показанию и противопоказанию к их применению. Эта книга явилась одним из наиболее влиятельных изданий в истории китайской медицины. Следует отметить, что диаграммы меридианов в этой книге были даны в цветном изображении.

Следующим этапом развития китайской медицины была книга врача Цао Юанфанг, изданная в период правления династии Суй (с 581 по 618 г. н. э.) под названием "Основное учение о патологии и симптоматологии заболеваний" Чжубин юанхоу лун. Уже в этом источнике были освещены вопросы терапии, хирургии, гинекологии, педиатрии, оториноларингологии. Описано более 1700 различных синдромов заболеваний. Этот труд считается первым объединенным руководством по медицине.

В период правления династии Тан (с 618 по 907 г. н. э.) была организована группа врачей во главе с Суцзин для создания труда, объединяющего знания по медицине того времени. Итогом работы стало издание первой в Китае и во всем мире фармакопеи под названием "Династия Тан, использование лекарств из трав" Тан синсюе бенцао. В тот же период врачом Сун Сымяо написана книга "Тысяча золотых лечебных рецептов" Чьянцзин Яофан. Она была сгруппирована из двух частей, одна из которых — "Тысяча золотых рецептов при неотложных ситуациях" Чьянцзин Яофан — была издана в 652 году. А вторая — "Приложение к тысяче золотых рецептов" Чьянцзин Ифан — в 682 году. Им был предложен 7871 рецепт борьбы с болезнями, включая методы иглоукалывания и прижигания, диетологии, предупреждения болезней и сохранения здоровья. Современники называли его императором медицины трав. Он считал, что "человеческая жизнь столь же драгоценна и ценна, как тысяча граммов золота", поэтому использовал в названии книги словосочетание "Чьянцзин". В его книге есть иллюстрации меридианов в трех проекциях, с указанием точек акупунктуры. Двенадцать регулирующих меридианов изображены пятью разными цветами, а восемь чудесных меридианов выполнены в зеленом цвете. Это самые древние известные цветные диаграммы меридианов, разделяющие регулирующие и чудесные меридианы.

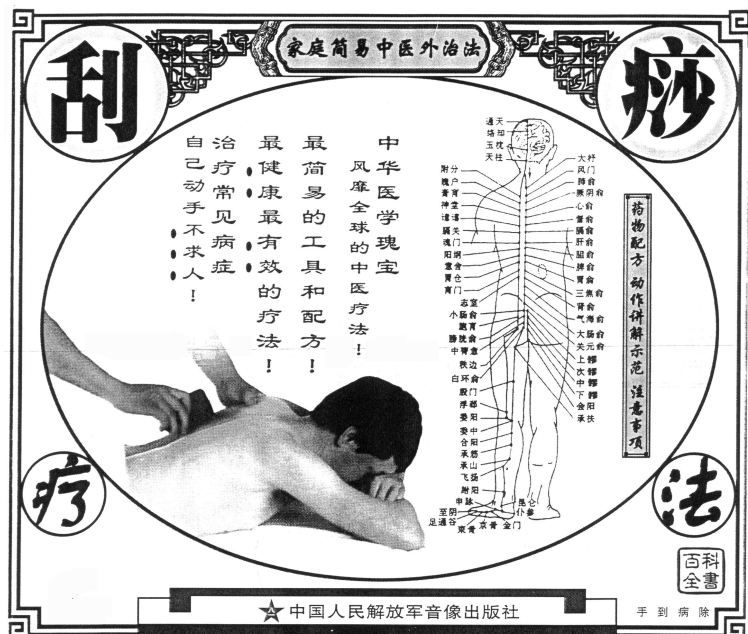
В этот же период в официальную лечебно-педагогическую практику было введено звание мастера Тай Ишу, отвечавшего за обучение специалистов в области акупунктуры, и организовано специальное отделение по их подготовке. Тогда же

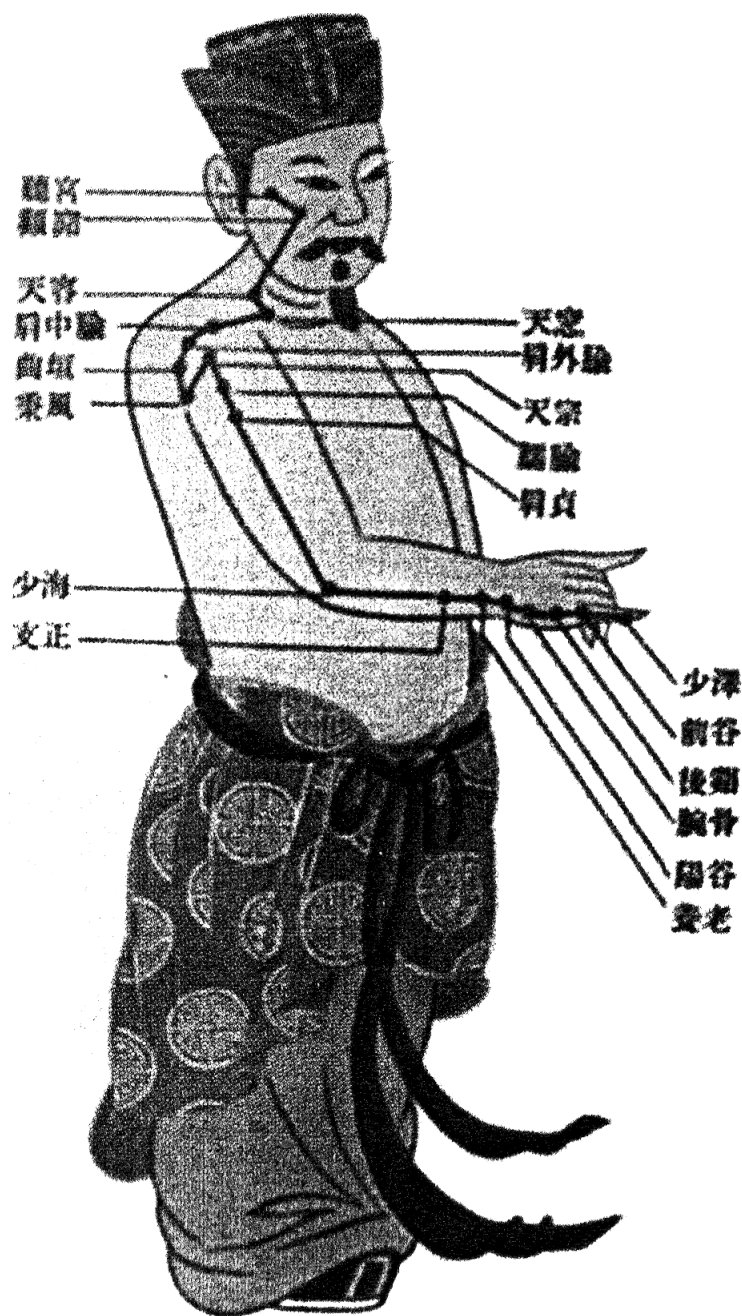
акупунктура и прижигание были выделены в отдельную лечебную дисциплину.

Династия Сонг (960 — 1127 г. н. э.) отмечена тем, что в тот период врачи начали обучать в специальных учебных центрах, была издана первая книга по пропедевтике внутренних болезней. Кроме этого, было создано бюро по ревизии всех медицинских знаний, что послужило предпосылкой создания первого медицинского архива, который уже в то время насчитывал столько источников, что на их печать в обычной типографии нашего, совсем недавнего времени могло бы уйти 10 лет! Примечателен тот период и тем, что тогда (1026 или 1027 г.) были изготовлены две бронзовые статуи — наглядные пособия для проведения акупунктуры. Автором их, по некоторым источникам, следует считать Ванг Вэйи. Интересен факт, что трехтомное приложение к бронзовым статуям было изготовлено несколько раньше. Современниками настолько признавалась его ценность, что текст был выгравирован на каменных и бронзовых плитах. Этот источник содержит описание топографии меридианов, точек акупунктуры, показания к их применению и прописи рецептов лечения. Название этого труда — "Руководство по акупунктуре и прижиганию на примере бронзовой статуи" Тонжэн Шусюе Чжэньцзю. И только через два года были отлиты широко известные бронзовые статуи. Не бесспорный факт, но некоторые источники указывают на то, что сами оригиналы статуй были утеряны. В санкт-петербургском Эрмитаже хранится подобный плана статуя.

В период правления династий Цзин (с 1115 по 1234 г. н. э.) и Юань (с 1279 по 1368 г. н. э.) наметились новые направления медицинских взглядов. Одним из известных врачей того времени, Лиу Вансу, была предложена доктрина огня-жара, превращения шести климатических факторов во внутренний огонь; чрезмерных эмоций, продуцирующих внутренний огонь. Он предлагал в связи с этим использование трав, обладающих свойствами холода или прохлады, и стал основоположником теории жара как источника болезней. Другим известным врачом того периода — Чжанг Цонг Чженг — предлагалось лечение болезней потогонными, рвотными и слабительными средствами в случае инвазии вредоносного фактора в глубь организма. А Ли Гао, еще один известный врач того времени, считал, что внутреннее повреждение селезенки и поджелудочной железы, а также желудка может послужить источником ста болезней. И, наконец, Чжу Чжэнхэнг придерживался такой концепции: ян — это всегда избыток, а инь — недостаток; и поэтому в основе лечения использовал рецептуру для подпитывания инь организма. В известной книге того периода (1341 г.) "Скрытая объединяющая сердцевина" Хуа Божэн впервые к системе двенадцати основных меридианов были присоединены еще два — Ду и Жэн. С тех пор система регулирующих меридианов стала состоять из четырнадцати элементов. Книга, кроме этого, проводила систематизацию точек акупунктуры и их принадлежности к определенным меридианам.

В 1578 году Ли Шичжэнь, врач эпохи правления династии Минг, написал книгу "Полный медицинский справочник" Бенцао Ганму. В течение 27 лет он

работал над ее созданием. В книге дано описание 1892 трав, представлено более 10000 различных лечебных рецептов. Кроме этого, изложены новые принципы использования в акупунктуре "чудесных меридианов". Он был настоящим исследователем: сам ходил в горы, собирая различные травы, производил опыты над животными, исследовал полезные свойства минералов в лечебных целях. А в 1601 г. врачом Янг Цзичжоу была издана книга "Большое издание по акупунктуре и прижиганию" Чжэньцзю Дачшэнг, которую считают основополагающей по вопросам акупунктуры и прижигания. Ее, как и "Азбуку классической акупунктуры и прижигания", считают фундаментальным трудом по иглоукалыванию. Примерно в тот же период врачам, практикующим акупунктуру, стали выдавать как особый знак небольшие бронзовые статуэтки — наподобие двух первых бронзовых статуй.

В период правления династии Цин (1644 — 1911 гг.) властью правящих кругов акупунктура и прижигание были низвергнуты, учебные центры по подготовке специалистов в этой области расформированы, а врачи подвергнуты гонениям. Особенно — после вспышки опиумной войны, начиная с 1840 года. Все 19-е столетие проходило в Китае под лозунгом модернизации здравоохранения по западному типу. Хотя и была выпущена книга "Сборник методов лечения иглоукальванием и прижиганием" Чжэньцзю Цзичжэнг китайского врача Ляо Жунхонга, где вместе с общими принципами современной медицины представлялись методы лечения на основе древних знаний, изменить отношение к античным принципам лечения она уже не смогла. Издание замечательно тем, что врачом, практикующим медицину по восточным концепциям, была сделана

попытка адаптации древнего учения к современным представлениям европейского направления. В ней автор указывает, учитывая новые современные взгляды в медицине, структуру меридианов и коллатералей, технику манипулирования иглами и лыпынными инструментами. Дана рецептура точек для использования как акупунктуры, так и прижигания при внутренних болезнях в терапии, хирургии, гинекологии и педиатрии.

Весьма характерна книга того времени "Исправление медицинских ошибок" Ильин Гайцуо, где автор указывает на бытующие ошибки анатомии, взгляды на течение и лечение болезней. Книга несла в себе идеи европейской медицины.

В начале 20-го столетия в Китае TCM расценивали как историческую причуду. Использование методов TCM продолжалось лишь ограниченно и только в сельских, глухих районах. В 1912 году чжэнь-цзю перестала представляться в Императорской Медицинской Академии и была исключена из программы обучения.

С 1949 г., в период, когда Китай стал называться Китайской Народной Республикой (КНР) и в течение 3-х лет сумел восстановить свое хозяйство, в медицинскую практику вновь стали внедрять методы восточной медицины — иглоукалывание и прижигание. Во времена, когда во главе Коммунистической партии стоял Мао Цзэдун, был принят ряд решений по развитию акупунктуры и прижигания (чжэнь-цзю). Уже в 1951 году в Пекине был создан Экспериментальный институт чжэнь-цзю терапии, реорганизованный в 1955 г. в научно-исследовательский. В настоящее время самые интенсивные исследования по акупунктуре ведутся в трех крупных городах КНР: Пекине (Академия китайской медици-

ны); Шанхае (Институт физиологии) и Ухане (Китайская академия медицинских проблем). С 1975 г. по рекомендации ВОЗ в Пекине, Шанхае и Нанкине начали действовать первые Международные курсы, способствовавшие еще большему распространению чжень-цзю терапии по всему миру, а в 1980 г. решением ВОЗ акупунктура признана научно обоснованным методом и рекомендована для включения в практику здравоохранения других стран. В 1984 г. по инициативе Бишко создана первая Международная организация по иглоукалыванию и родственным техникам (JCMAPT).

С конца 50-х годов акупунктура в КНР рассматривается как необходимый и обязательный дополнительный метод, который применяется врачами (по-китайски — врач Ишэн или Тайфу) во всех больницах страны не только при функциональных заболеваниях, но и при многих органических, в том числе — инфекционных (дизентерия, вирусный гепатит и т. д.). Вновь были возведены на должную высоту принципы восточной медицины, и сохраняется значимость их по настоящее время. В свою очередь, занимааясь терапией, хирургией, педиатрией и пр., Чжон тайфу (врач традиционной китайской медицины) наряду со знаниями TCM, сохраненными всеми предыдущими поколениями, использует в своей практике и современные знания, в том числе и западных коллег. Это сочетание является мощным оружием в руках человечества против болезней.

В период около 1500 по 1600 год ТСМ начала свое шествие по странам Европы. Исторический факт: первой публикацией, правда, на китайском языке, на тему акупунктуры оказалась книга, посвященная ветеринарии, точнее — лечению иглоукалыванием лошадей. Дело в том, что наиболее ценными домашними животными на тот период считались лошади. Членами ордена иезуитов, паломничавшими в Китае, доставлялись сведения о чудесных исцелениях животных. В период правления династии Минг была написана книга о лечении лошадей, коров и верблюдов с теоретическим изложением принципов Хуанди Нэйцзин. Она была написана двумя ветеринарами — Юан и Хэнг. Она и считается, по некоторым источникам, первой книгой по китайской медицине, которую увидела Европа (в 1608 году).

Первую книгу по акупунктуре для лечения людей перевел на французский язык Гарвей.

По некоторым источникам, в 1671 году ее отпечатали в одной из типографий Гренобля.

Первой книгой (1683 г.) с изложением принципов китайской медицины, но с собственным врачебным опытом, опять же — по некоторым источникам, считается диссертация «Де акупунктура» голландца Вильяма Тена Рийнема, который практиковал китайскую и японскую медицину. Во всяком случае, достоверный факт, что термином «акупунктура» мы обязаны ему.

В 1816 году отец знаменитого композитора Л. Берлиоз в книге "Нотицер убер хронисхе Ерkrankуген, Адерлиссе унд Акупунктур" сообщил о положительных результатах лечения акупунктурой пациентов с хроническими заболеваниями. Он предлагал применять иглоукалывание при оживлении утонувших и новорожденных с признаками клинической смерти в результате асфиксии.

Солье де Моран, французский дипломат, вернувшийся из Шанхая в 1927 году, перевел на французский язык книгу по акупунктуре, названную "Прециз де ля ври акупунктур". Ему мы обязаны появлением термина "меридиан". В 1934 она была

опубликована и явилась фундаментальным трудом по акупунктуре для французской, а затем — европейской школы акупунктуры, включая Италию, Германию и Австрию.

В 1826 г. Ж. Клойе опубликовал обширный трактат по акупунктуре, а в 1858 г. известный клиницист А. Трюсэ посвятил этому методу целую главу в своем прославленном руководстве по внутренним болезням.

Первым в России упоминанием чжэнь-цзю терапии как метода лечения стала публикация проректора Медико-хирургической академии П.А. Чаруковского в "Военно-медицинском журнале" (1828 г., № 1). Свое исследование он построил на положительных результатах в динамике лечения случаев мышечного ревматизма и люмбаго.

Большой вклад в популяризацию чжэнь-цзю терапии внес выпускник Петербургской медико-хирургической академии А.А. Татаринов. С 1839 года он в составе духовной миссии находился в Пекине, вначале как врач, а затем как полномочный представитель России в Китае и провел там около 10 лет, достаточно изучив китайский язык. Благодаря последующим его научно-литературным трудам медицинское общество узнало о существовании Хуанди Нэйцзин, методах акупунктурного воздействия и прижигания. В научных кругах работы Татаринова вызвали большой интерес и — в связи с ценностью его работ — он был без экзаменов удостоен степени доктора медицины. Интересен факт: А.А. Татаринов не смог длительное время оставаться в России, и когда директор Азиатского департамента Е.П. Ковалевский отправился в Китай, он присоединился к нему. Вернулся Татаринов уже в преклонном возрасте и, выйдя в отставку в чине действительного статского советника, жил в Пензе. Из Китая он привез (кроме собственных рукописей и переведенных им книг) большую библиотеку первоисточников, которая исчезла после его смерти по странному стечению обстоятельств и не найдена до сих пор (по приблизительным данным — от 300 до 500 книг).

Несмотря на то, что метод был известен и применялся многими видными учеными, отечественная школа начала создаваться лишь с 50-х годов 20-го столетия.

Достоверный факт: в 1947 году в Харбине ст. лейтенант медицинской службы Д.Н. Стояновский знакомится с местным народным целителем Чжи Ванем. Стояновский рекомендует одному из своих старших офицеров командования пройти у китайского врача курс лечения эпилепсии. Поразительно, но после лечения иглоукалыванием эпилептические припадки у командира прекратились, он вернулся в строй полноценным бойцом. Данное обстоятельство не могло не сказаться на дальнейшем выборе молодого врача, и Стояновский продолжил изучение восточной медицины и практику с китайским мастером. В 1947 году, после того как военный госпитальный поезд был расформирован, Стояновский вернулся в Россию и служил под Ленинградом — в Мариенбурге. В 1951 году поступил в Военно-медицинскую академию имени Кирова в Ленинграде. Все время после возвращения Даниил Стояновский практиковал рефлексотерапию.

В 1955 году ленинградцы, воодушевленные чудесами в Военной академии, написали письмо Ворошилову, требуя открытия гражданской клиники иглотерапии. В Китай были посланы три кандидата медицинских наук, которые прошли шестимесячную подготовку в ин-

ституте народной медицины под руководством Чжу Лянь, книга которой "Руководство по современной чжэнь-цзю терапии" стала первой китайской монографией, переведенной на русский язык и вышедшей в 1959 году.

Чжу Лянь знала китайскую и европейскую медицину, собирала древние методики иглоукалывания и прижигания и в итоге оформила полученные знания, издав данную книгу.

В последующем Стояновский долгое время вел переписку с Чжу Лянь, хранил подаренную ею книгу по иглоукалыванию и прижиганию на китайском языке, сигары для прижигания.

Судьба Чжу Лянь была трагической: ее замучили во время репрессий в годы "культурной революции".

После посещения российскими врачами клиник Китая с целью изучения метода, в период с 1956 по 1957 г., из КНР вернулась группа медиков, прошедших там стажировку. Среди них были В.Г. Вогралик, И.И. Русецкий, Э.Д. Тычковская, М.К. Усова, Н.Н. Осипова.

В июне 1957 г. были утверждены "Временные методические указания по применению иглоукалывания и прижигания", а в 1959 г. МЗ СССР издана "Инструкция по применению метода иглотерапии". С 1960 года в СССР началась единичная подготовка врачей-специалистов на базе институтов усовершенствования врачей в Москве, Ленинграде, Казани. В 1976 году в Москве организован первый Центральный научно-исследовательский институт рефлексотерапии. В 1977 — 1980 гг. в Московском, Казанском, Киевском и Ленинградском институтах усовершенствования врачей были открыты кафедры рефлексотерапии.

В дальнейшем врачами советской школы рефлексотерапии было написано и издано много трудов, посвященных различным вопросам применения в лечебных целях чжэнь-цзю.

Наиболее фундаментальными изданиями в этой области являются книги видных врачей и научных исследователей нашего времени. Это, в частности, В.Г. Вогралик, Р.А. Дуринян, Г. Лувсан, Д.Н. Стояновский, Е.Л. Мачерет, И.З. Самосюк, Я.С. Песиков, Д.М. Табеева, Э.Д. Тыкочинская и многие, многие другие.

Из книг, изданных на русском языке с изложением принципов восточной медицины, следует отметить работы таких авторов: Хоанг Бао Тьу, Нгуен Ван Нги, У Вэй Синь, К. Шноренбергер и др. В их трудах изложены основные принципы диагностики и лечения заболеваний в свете теорий восточной медицины.

Во все времена использования чжэнь-цзю на территории бывшего СССР делались попытки соединить взгляды европейской школы медицины с восточными концепциями.

В настоящее время существует более 40 теорий, объясняющих действие рефлексотерапии с позиций европейской школы медицины, но ни одна из них не обладает свойствами универсальности. Каждая из них применима лишь к определенному, порой узкому спектру рефлексорных ответов. Возможно, понимание эффективных реакций со всем спектром сопутствующих феноменов лежит в области, которая на данный момент недоступна для фиксирования, контроля и объяснения существующими методами.

Может, до этого человеческая мысль так и не дойдет, и тогда единственной всеобъемлющей и все объясняющей теорией, способной расставить все точки над "i", так и останется теория Традиционной Китайской Медицины (TCM).

"ЛИБЕРТИ" — 10 ЛЕТ

Среди многих талантов — мореплавателей, музыкантов, медиков, литераторов, юмористов и многих других, всех не перечислишь, создавших одесскую славу, вплели свои ветви в этот венок и таланты одесских художников. Многие произведения обрели заслуженные и достойные места в благородной тишине музеев, но художественная жизнь не может быть исчерпана музейными залами. И в новые времена в Одессе, как и по всей стране, стали возникать художественные галереи, в которых острее и непосредственнее ощущаешь пульс времени, меняющегося на глазах художественного пространства.

Так, 10 лет назад, в апреле 1993 года, во Всемирном клубе одесситов открылась галерея, которой предстояло менять названия и адреса, но неизменным оставался замысел — быть верной подлинному искусству, объединять в своих стенах художников, живущих в Одессе и покинувших ее, но не забывающих о замечательных уроках одесской почвы, одесского воздуха, одесского моря...

Галерея "Либерти". Ланжероновская, 24-а.
Галерист — Анна Голубовская
Сайт галереи: www.artliberty.com

Ее адрес стал притягательным не только для многих художников, но и для многих подлинных ценителей искусства. Потому что галерея сохраняет высокий уровень своей меняющейся экспозиции, а периодически устраиваемые выставки всегда становятся событием в культурной жизни города, привлекая неординарностью того или иного проекта — как одна из последних выставок, открытая в день Святого Валентина, "Портрет жены художника" либо прежние — "Тайны дамской сумочки", "Майская чаевка"...

Предлагаем несколько отзывов в одесской печати о выставках в галерее "Либерти".

АБСТРАКТНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ СВЕТЛАНЫ ЮСИМ

Галерея "Либерти" (Ланжероновская, 24-а) представляет в своем зале персональную выставку одесской художницы Светланы Юсим. Графические листы, переполненные экспрессией, абстрактными образами, узнаваемыми силуэтами, впечатляют каждого, кто спускается в полуподвал с изысканным названием и погружается в пространство вернисажа.

— Когда система хорошо продумана, — кажется, будто она существовала всегда, — произнесла на открытии выставки галерист Анна Голубовская. — Что уж проще — создать не гнетущие, легкие объемы, вдохнуть в них воздух и населить знаками — словами, обрывками стихотворений, мыслями, формулами? Да и кто только не играл в буквы — от Лисицкого, Гончаровой, Родченко выпорхнули слова на холсты и бумагу, став частью культурной традиции. Почему же такое чувство сотворчества, такое ощущение свежести впечатления и мысли, новизны концепций возникает при встрече с работами Светланы Юсим? От листа к листу — невымученные, вольные, широкой кистью прописанные композиции, при первом впечатлении — в один мазок, в один всплеск вдохновения...

Поколению Светланы Юсим пришлось тяжелым трудом и упорством отстаивать свои позиции в живописи, свою творческую манеру, свое тяготение к абстракции. Светлана окончила как художник-монументалист институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина в Санкт-Петербурге. Свои "персоналки" она проводила в Литературном музее и Морской галерее. А групповые выставочные проекты с ее участием успешно проходили в Украине, Франции, Испании, Японии. Наиболее значительные собрания, в которых находятся произведения одесской художницы: коллекции Нортон Доджа (США), Богдана Мельничука (Франция), Марка Заяца и Нади Холявки (Германия), Ольги Уваровской (Россия). Говорят, женщине-художнице вдвойне трудно отстаивать себя в искусстве. Светлане Юсим повезло — ее единомышленниками являются муж и сын, также художники. И живописные откровения этой хрупкой женщины с сильным характером получают одобрение и поддержку, прежде всего, в семье...

Вioletta СКЛЯР.

Жена художника. Автор — М. Божий.

Жена художника. Автор — А. Ацманчук.

"ТАЙНЫ ДАМСКОЙ СУМОЧКИ"

Выставка под таким игривым названием открылась в художественной галерее "Либерти". У ее хозяйки Анны Голубовской есть традиция — каждый год 13 апреля (первого по старому стилю) придумывать что-нибудь эдакое неожиданное для своих посетителей. В прошлом году, например, в этот день была показана экспозиция предметов, которые рассеянные горожане забывают в транспорте, теряют на улицах. Идею же нынешней подал большой знаток женской психологии, писатель и журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов и отец хозяйки Евгений Михайлович Голубовский. С его легкой руки мы теперь можем позволить себе заглянуть, не смущаясь, в таинственные недра дамских сумочек и по многоговорящим бесчисленным мелочам и "ненужным" мелочам и безделушкам судить о характере их владельцев.

Благовоспитанная дама XIX века не могла позволить себе выйти на променада, не сложив в свою обшитую гарусом и бисером "торбочку" костяные и стеклянные флаконы для нюхательной соли и парфюма, лорнет, пару запасных перчаток, деревянный футляр для таблеток. Среди перечисленных мелочей можно было встретить цепочку для брелоков со слоником, сердечком, книжечкой, в которой спрятан локон любимого мужа, малюсенький уютюжок для разглаживания рюшей и кружев, сборник рецептов (из которого можно узнать, например, как испечь "мазурики миндальные"), веер, серебряный кошелек с позолоченной монограммой и выгравированной надписью "Дорогой милой Шурке. Митя. 1908 год", щипцы для завивки волос.

Есть среди экспонатов и печальные — письма с фронта, пожелтевшие листочки, на которых записаны песни военной поры, надтреснутая пудреница, стеклян-

ная амфора, хранящая запах духов "Красный мак", по популярности в те годы не уступавших нынешней "Шанели".

Но самое любопытное — это содержимое сумочек наших современниц. Чего только тут не встретишь: помимо столь необходимой косметики и пачки сигарет, в них уместились газовый баллончик и фонарик, кассеты, визитки, горчичники, упаковки салфеток, "Орбит", бижутерия, стогранный бутылочка водки, дезодорант, томик поэзии и пачка презервативов...

После того, как публика ознакомилась с "таинственным дамским миром", самым смелым посетительницам было предложено вывернуть свои "ридикюльки", а хозяйке самого оригинального предмета полагался приз. У первой претендентки оказались бутылка шампанского, мобильник, реклама парфюмерной фирмы. У второй вывалились маленькая машинка, бутылочка с компотом, совочек с граблями, фигурка индейца и памперс (сразу понятно — перед нами заботливая молодая мама), у третьей, — скорее всего, деловой женщины — фотографии детей, три паспорта, счет из ресторана, деловые бумаги, письмо к мэру, "освежитель дыхания", два яблока, всегда приготовленная на всякий случай "базарная" торба. А из застегнутой была извлечена припрятанная от мужа лишняя "сотка" на мелкие причуды.

Уходя с выставки, я уносил с собой одно заключение — менялись времена, кринолины уступали место мини-юбкам, стрижки "под мальчика" вытесняли витые локоны, а женщины всегда оставались по сути женщинами, чьи капризы и "дамское счастье" по-настоящему зависят от содержимого кошелька и вкуса прекрасной дамы...

Валерий ПОПОВ.

"ПОМПЕЙСКИЕ ЦИКЛЫ"

Сразу две выставки современной живописи открылись в Одессе при большом стечении публики, жаждающей увидеть необычные экспонаты. Вниманием посетителей (с интервалом в день) завладевали мэтр авангардного изобразительного искусства Александр Ройтбурд и молодой художник Владимир Кожухарь, представивший всего вторую в своей жизни персональную экспозицию.

Галерея "Либерти" (ул. Ланжероновская, 24-а), предоставляя два зала под выставку Александра Ройтбурда "Помпейские циклы", наверняка учла близкое соседство выставочного пространства Историко-краеведческого музея. Каждое живописное полотно или графический

лист автора экспозиции (а графику Ройтбурда в данном случае уместным будет назвать живописью на бумаге) дышит древностью и историей. Художника на создание этих работ вдохновил увиденный когда-то болгарский альбом "Повседневная жизнь в Помпее", вернее, послужил толчком для создания сперва одноименной графической серии, а потом и "Помпейских циклов". Фрагменты античных интерьеров и человеческих тел-статуй, причудливо переплетающихся, срastaющихся, летящих по воздуху, — может быть, реакция творческой натуры на слухи о катастрофах конца века, может, скорбь по распавшимся человеческим личностям... Пусть словесное определение подыщут зрители, вслед за поэтом полагающие, будто жить можно только в мире смыслов, а мы восхитимся фанта-

зией художника и предадимся волнению, вызванному в душе его творениями.

Младший коллега Ройтбурда Владимир Кожухарь свои четырнадцать живописных полотен, объединенных общим названием "Living Boxes", поместил в центре современного искусства "Тирс" (проспект Шевченко, 10/9). Его живопись эпатирует зрителя ничуть не меньше, несмотря на отсутствие четко выписанных "пугающих" деталей. Происходящее в боксах, напоминающих больничные палаты, мы видим как бы сквозь дымку, этаким сиреневым туман, скрашивающий (и скрадывающий) изображаемые сцены. Обнаженные силуэты простаков и крупные фигуры в скафандрах показаны вроде бы беспристрастно, однако, их соседство не радует. И все-таки беспристрастность художника является лишь кажущейся, ибо зритель тревожится соседством персонажей картин, в поисках ассоциаций обращается к авторитетам от

Владимира Набокова до Келвина Кляйна. В результате — выходит из выставочного зала в невеселых раздумьях о вечном конфликте мира взрослых и мира детей, еще не защищенных скафандрами цинизма, опытом лицемерия...

Итак, эпатирующая тема, отсутствие обличительного пафоса в манере письма и при этом — глубокое воздействие на чувства посетителей. Оказывается, и такой может быть современная живопись. Похоже, одесским художникам уже несколько приелись жанры, связанные с использованием видеоэффектов, готовых предметов, они вполне способны создать авангардное произведение при помощи старой доброй кисти.

Пусть в искусстве живописи сохранилось многое от средневекового ремесла, зато возможности его, как видно, еще не изучены и не проявлены до конца.

София ЛЕВКОВИЧ.

"БЭМЭНЭ", "ЭЛЬ-ДЖАМАН" И ДРУГИЕ

У Тэффи есть превосходная миниатюра "Восток", посвященная Николаю Гумилеву, вечному восторженному страннику. Повествуя о краях экзотических, он пересыпал свою речь пряными колоритными "басурманскими" словечками, каковые воспринимались на слух непосвященными практически одинаково — либо вроде "Бэмэнэ", либо вроде "Эль-Джаман".

Я вспомнил эту историю в гостях у замечательной киевской художницы Аллы Жмайло. Поскольку эти самые фигуры языка так и ложились на этот самый язык, только они и годились для типизации ее произведений — неизъяснимых коллажей, то и дело навевающих аромат пустыни, джейраней травки, базаров бахчевых культур и запретных злаков.

Отчетливо вижу себя в ее небольшой комнате, где художественный беспорядок доведен до наивысшего уровня художественности. На правой от входной арки стене красовался побрякивающий бубенцами караван многочисленных рукотворных существ, выглядывающих дорогу к промежуточному оазису. Во главе бодро вышагивал старый "Эль-Джаман" — скомбинированный из проржавевшей жестяной попоны, фарфоровых роликов допотопной электропроводки и сопровождающих их лиц кованых гвоздей. В центре привлекала внимание восхитительно юная "Ридикюль", впервые забеременевшая шкатулочными ключиками, защелочками, задвижечками и прочей изысканной фурнитурой в стиле ретро. Шествие замыкали печально понурые "бэмэнэ", составленные их запчастей эпохи пятой — шестой династии, тех самых, что некогда надо-

умили Франсуа Шампольона, так, впрочем, и не дождавшегося прижизненной Нобелевской премии.

В восторге я воскликнул: "Эль! Джаман!" — или, скорее: "Эль! Джамия!" — что ближе стояло к имени Алла. Проникающая В Тайный Смысл Предметов — так переводится ее подлинное имя с эльдхаманского в кодировке докомпьютерной виртуальной программы под грифом "Бэ. Мэ. Нэ".

Помнится, я тачал тогда книжку "Second hand". Из таких же обрезков, осколков и всяческих лоскутков. То есть мы черпали из одной бады (мусорного контейнера, свалки, пункта приема вторсырья). И я надеялся открыть совместное производство. Так сказать, Сара стирает, а я выкручиваю. Соединение жанров: визуального с эпистолярным. Надерганные из разных выючных и непарнокопытных шерстинки свалить в одну кудель, а там напрясть, что выйдет. Этот арт-проект еще впереди, недалеко, надо сказать, впереди.

А пока что погонщица Алла перегнала свою процессию из Киева в Одессу, в эксклюзивный караван-сарай, в просторечии именуемый галереей "Либерти", где караван-сарайницей (или сарайщицей) — Аня Голубовская, домогавшаяся означенного явления. Очарованные наблюдатели никак не могли взять в толк, отчего представленные ювелирные гарнитуры из штучек, дрючек и ржавых железечек так подлинно ослепительны. Только и слышалось со всех сторон: "Погляди, какой чудесный Эль-Джаман!", "А это бэмэнэ еще прекраснее!" — и т. д., и прочее.

Стихи и впрямь растут из сора. И вкривь они растут. И вкось. И там сплетаются в узоры. И расплетаются поврозь.

...Иду с выставки. Вдруг вижу — такое классное "бэмэнэ" на обочине валяется! Бросаюсь подбирать, покуда кто меня не опередил!

Олег ГУБАРЬ.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ "УЛИССА"

Во Всемирном клубе одесситов открылась галерея живописи и графики "Улисс". Ее учредителями стали клуб и малое предприятие "Улисс", специализировавшееся на аукционах антиквариата.

— Галерея Всемирного клуба одесситов "Улисс" намерена стать мостиком между художниками, уехавшими из Одессы, живущими сейчас в США, Германии, Франции, и художниками, работающими в нашем городе, — рассказывает директор галереи Анна Голубовская. — Поэтому и первая коллекция, собранная для тех, кто желает приобре-

сти хорошую живопись, включает работы Л. Межберга, А. Ануфриева, И. Шенкера, И. Островского, а наряду с ними М. Черешни, В. Рябенко, Э. Серпионовой, А. Лантухова.

Есть в этой первой коллекции и картины, графика художников, уже ушедших из жизни, но чье творчество живет в нашей памяти, таких как Народный художник СССР М.М. Божий, художник Олег Аркадьевич Соколов.

Итак, в галерейной палитре города еще один адрес: ул. Маразлиевская, 7, "Всемирный клуб одесситов — галерея "Улисс".

Одесса, 21.04.1993

СВЕТ ДУШИ

Эта выставка — дань памяти замечательному художнику и светлomu человеку ИОСИФУ ОСТРОВСКОМУ.

Он умер год назад, в сентябре 1993 года. А за несколько месяцев до этого рокового дня я встречался с ним в Израиле, договаривался, что Всемирный клуб одесситов пригласит его в дни 200-летия Одессы, которую он так любил, с выставкой... Если только позволит здоровье... И мы оба надеялись, что позволит, что чудеса современной медицины... Но Осик — так все мы его звали — ушел из жизни... И тогда эту выставку посчитали своей обязанностью собрать, открыть мы, одесситы.

У этого художника было как бы два творческих рождения. Выпускник художественного училища, ученик П. Коновского, Л. Токаревой-Александрович, Д. Фруминой, он честно и талантливо продолжал заветы южнорусской школы, своих учителей. Но — так случилось не с одним мастером — в какой-то день ему стали тесны рамки одесской традиции. Его звали к себе тени забытых предков, образы людей Библии.

Вначале эти холсты стояли, пугливо повернутые к стене, в его мастерской.

Потом он начал показывать их друзьям. И, наконец, наступил день, когда всеобщий еврейский журнал "Советише Геймланд" предложил ему показать все эти картины на выставке в Москве.

И открылся новый художник. Поэт. Мечтатель. Философ. Мастер, научившийся мудро улыбаться. И при этом не стеснявшийся быть сентиментальным, не боявшийся, что его герои покажутся кому-то некрасивыми, чудаковатыми.

Есть внешняя и внутренняя красота, как есть внутренний свет — свет души. Об этом знал, это утверждал своими холстами и акварелями Иосиф Меерович Островский.

Осталось большое наследие мастера. Он щедро дарил свои картины в Одессе, в Израиле. Эта выставка — первая попытка собрать, еще раз взглянуть на оставшиеся в нашем городе его работы. И спасибо Одесскому художественному музею, музею имени А.В. Блещунова, музею фирмы "Тирс", коллекционерам, которые дали картины для этой экспозиции. Спасибо Борису Дизенфельду и Юрию Рейфу, благодаря которым удалось издать буклет-каталог, выпустить афишу.

Осик Островский возвращается в Одессу своим творчеством. А точнее, его творчество всегда было с нами, оно никогда не покидало Одессу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Жена художника Л. Дульфана — Татьяна.

"ЛИБЕРТИ" — 10 ЛЕТ

Среди многих талантов — мореплавателей, музыкантов, медиков, литераторов, юмористов и многих других, всех не перечислишь, создавших одесскую славу, вплели свои ветви в этот венок и таланты одесских художников. Многие произведения обрели заслуженные и достойные места в благородной тишине музеев, но художественная жизнь не может быть исчерпана музейными залами. И в новые времена в Одессе, как и по всей стране, стали возникать художественные галереи, в которых острее и непосредственнее ощущаешь пульс времени, меняющегося на глазах художественного пространства.

Так, 10 лет назад, в апреле 1993 года, во Всемирном клубе одесситов открылась галерея, которой предстояло менять названия и адреса, но неизменным оставался замысел — быть верной подлинному искусству, объединять в своих стенах художников, живущих в Одессе и покинувших ее, но не забывающих о замечательных уроках одесской почвы, одесского воздуха, одесского моря...

Галерея "Либерти". Ланжероновская, 24-а.
Галерист — Анна Голубовская
Сайт галереи: www.artliberty.com

Ее адрес стал притягательным не только для многих художников, но и для многих подлинных ценителей искусства. Потому что галерея сохраняет высокий уровень своей меняющейся экспозиции, а периодически устраиваемые выставки всегда становятся событием в культурной жизни города, привлекая неординарностью того или иного проекта — как одна из последних выставок, открытая в день Святого Валентина, "Портрет жены художника" либо прежние — "Тайны дамской сумочки", "Майская чаевка"...

Предлагаем несколько отзывов в одесской печати о выставках в галерее "Либерти".

АБСТРАКТНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ СВЕТЛАНЫ ЮСИМ

Галерея "Либерти" (Ланжероновская, 24-а) представляет в своем зале персональную выставку одесской художницы Светланы Юсим. Графические листы, переполненные экспрессией, абстрактными образами, узнаваемыми силуэтами, впечатляют каждого, кто спускается в полуподвал с изысканным названием и погружается в пространство вернисажа.

— Когда система хорошо продумана, — кажется, будто она существовала всегда, — произнесла на открытии выставки галерист Анна Голубовская. — Что уж проще — создать не гнетущие, легкие объемы, вдохнуть в них воздух и населить знаками — словами, обрывками стихотворений, мыслями, формулами? Да и кто только не играл в буквы — от Лисицкого, Гончаровой, Родченко выпорхнули слова на холсты и бумагу, став частью культурной традиции. Почему же такое чувство сотворчества, такое ощущение свежести впечатления и мысли, новизны концепций возникает при встрече с работами Светланы Юсим? От листа к листу — невымученные, вольные, широкой кистью прописанные композиции, при первом впечатлении — в один мазок, в один всплеск вдохновения...

Поколению Светланы Юсим пришлось тяжелым трудом и упорством отстаивать свои позиции в живописи, свою творческую манеру, свое тяготение к абстракции. Светлана окончила как художник-монументалист институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина в Санкт-Петербурге. Свои "персоналки" она проводила в Литературном музее и Морской галерее. А групповые выставочные проекты с ее участием успешно проходили в Украине, Франции, Испании, Японии. Наиболее значительные собрания, в которых находятся произведения одесской художницы: коллекции Нортон Доджа (США), Богдана Мельничука (Франция), Марка Заяца и Нади Холявки (Германия), Ольги Уваровской (Россия). Говорят, женщине-художнице вдвойне трудно отстаивать себя в искусстве. Светлане Юсим повезло — ее единомышленниками являются муж и сын, также художники. И живописные откровения этой хрупкой женщины с сильным характером получают одобрение и поддержку, прежде всего, в семье...

Вioletta СКЛЯР.

Жена художника. Автор — М. Божий.

Жена художника. Автор — А. Ацманчук.

"ТАЙНЫ ДАМСКОЙ СУМОЧКИ"

Выставка под таким игривым названием открылась в художественной галерее "Либерти". У ее хозяйки Анны Голубовской есть традиция — каждый год 13 апреля (первого по старому стилю) придумывать что-нибудь эдакое неожиданное для своих посетителей. В прошлом году, например, в этот день была показана экспозиция предметов, которые рассеянные горожане забывают в транспорте, теряют на улицах. Идею же нынешней подал большой знаток женской психологии, писатель и журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов и отец хозяйки Евгений Михайлович Голубовский. С его легкой руки мы теперь можем позволить себе заглянуть, не смущаясь, в таинственные недра дамских сумочек и по многоговорящим бесчисленным мелочам и "ненужным" мелочам и безделушкам судить о характере их владелиц.

Благовоспитанная дама XIX века не могла позволить себе выйти на променада, не сложив в свою обшитую гарусом и бисером "торбочку" костяные и стеклянные флаконы для нюхательной соли и парфюма, лорнет, пару запасных перчаток, деревянный футляр для таблеток. Среди перечисленных мелочей можно было встретить цепочку для брелоков со слоником, сердечком, книжечкой, в которой спрятан локон любимого мужа, малюсенький уютюжок для разглаживания рюшей и кружев, сборник рецептов (из которого можно узнать, например, как испечь "мазурики миндальные"), веер, серебряный кошелек с позолоченной монограммой и выгравированной надписью "Дорогой милой Шурке. Митя. 1908 год", щипцы для завивки волос.

Есть среди экспонатов и печальные — письма с фронта, пожелтевшие листочки, на которых записаны песни военной поры, надтреснутая пудреница, стеклян-

ная амфора, хранящая запах духов "Красный мак", по популярности в те годы не уступавших нынешней "Шанели".

Но самое любопытное — это содержимое сумочек наших современниц. Чего только тут не встретишь: помимо столь необходимой косметики и пачки сигарет, в них уместились газовый баллончик и фонарик, кассеты, визитки, горчичники, упаковки салфеток, "Орбит", бижутерия, стогранный бутылочка водки, дезодорант, томик поэзии и пачка презервативов...

После того, как публика ознакомилась с "таинственным дамским миром", самым смелым посетительницам было предложено вывернуть свои "ридикюльки", а хозяйке самого оригинального предмета полагался приз. У первой претендентки оказались бутылка шампанского, мобильник, реклама парфюмерной фирмы. У второй вывалились маленькая машинка, бутылочка с компотом, совочек с граблями, фигурка индейца и памперс (сразу понятно — перед нами заботливая молодая мама), у третьей, — скорее всего, деловой женщины — фотографии детей, три паспорта, счет из ресторана, деловые бумаги, письмо к мэру, "освежитель дыхания", два яблока, всегда приготовленная на всякий случай "базарная" торба. А из застегнутой была извлечена припрятанная от мужа лишняя "сотка" на мелкие причуды.

Уходя с выставки, я уносил с собой одно заключение — менялись времена, кринолины уступали место мини-юбкам, стрижки "под мальчика" вытесняли витые локоны, а женщины всегда оставались по сути женщинами, чьи капризы и "дамское счастье" по-настоящему зависят от содержимого кошелька и вкуса прекрасной дамы...

Валерий ПОПОВ.

"ПОМПЕЙСКИЕ ЦИКЛЫ"

Сразу две выставки современной живописи открылись в Одессе при большом стечении публики, жаждающей увидеть необычные экспонаты. Вниманием посетителей (с интервалом в день) завладевали мэтр авангардного изобразительного искусства Александр Ройтбурд и молодой художник Владимир Кожухарь, представивший всего вторую в своей жизни персональную экспозицию.

Галерея "Либерти" (ул. Ланжероновская, 24-а), предоставляя два зала под выставку Александра Ройтбурда "Помпейские циклы", наверняка учла близкое соседство выставочного пространства Историко-краеведческого музея. Каждое живописное полотно или графический

лист автора экспозиции (а графику Ройтбурда в данном случае уместным будет назвать живописью на бумаге) дышит древностью и историей. Художника на создание этих работ вдохновил увиденный когда-то болгарский альбом "Повседневная жизнь в Помпее", вернее, послужил толчком для создания сперва одноименной графической серии, а потом и "Помпейских циклов". Фрагменты античных интерьеров и человеческих тел-статуй, причудливо переплетающихся, срastaющихся, летящих по воздуху, — может быть, реакция творческой натуры на слухи о катастрофах конца века, может, скорбь по распавшимся человеческим личностям... Пусть словесное определение подыщут зрители, вслед за поэтом полагающие, будто жить можно только в мире смыслов, а мы восхитимся фанта-

зией художника и предадимся волнению, вызванному в душе его творениями.

Младший коллега Ройтбурда Владимир Кожухарь свои четырнадцать живописных полотен, объединенных общим названием "Living Boxes", поместил в центре современного искусства "Тирс" (проспект Шевченко, 10/9). Его живопись эпатирует зрителя ничуть не меньше, несмотря на отсутствие четко выписанных "пугающих" деталей. Происходящее в боксах, напоминающих больничные палаты, мы видим как бы сквозь дымку, этаким сиреневым туман, скрашивающий (и скрадывающий) изображаемые сцены. Обнаженные силуэты простаков и крупные фигуры в скафандрах показаны вроде бы беспристрастно, однако, их соседство не радует. И все-таки беспристрастность художника является лишь кажущейся, ибо зритель тревожится соседством персонажей картин, в поисках ассоциаций обращается к авторитетам от

Владимира Набокова до Келвина Кляйна. В результате — выходит из выставочного зала в невеселых раздумьях о вечном конфликте мира взрослых и мира детей, еще не защищенных скафандрами цинизма, опытом лицемерия...

Итак, эпатирующая тема, отсутствие обличительного пафоса в манере письма и при этом — глубокое воздействие на чувства посетителей. Оказывается, и такой может быть современная живопись. Похоже, одесским художникам уже несколько приелись жанры, связанные с использованием видеоэффектов, готовых предметов, они вполне способны создать авангардное произведение при помощи старой доброй кисти.

Пусть в искусстве живописи сохранилось многое от средневекового ремесла, зато возможности его, как видно, еще не изучены и не проявлены до конца.

София ЛЕВКОВИЧ.

"БЭМЭНЭ", "ЭЛЬ-ДЖАМАН" И ДРУГИЕ

У Тэффи есть превосходная миниатюра "Восток", посвященная Николаю Гумилеву, вечному восторженному страннику. Повествуя о краях экзотических, он пересыпал свою речь пряными колоритными "басурманскими" словечками, каковые воспринимались на слух непосвященными практически одинаково — либо вроде "Бэмэнэ", либо вроде "Эль-Джаман".

Я вспомнил эту историю в гостях у замечательной киевской художницы Аллы Жмайло. Поскольку эти самые фигуры языка так и ложились на этот самый язык, только они и годились для типизации ее произведений — неизъяснимых коллажей, то и дело навевающих аромат пустыни, джейраней травки, базаров бахчевых культур и запретных злаков.

Отчетливо вижу себя в ее небольшой комнате, где художественный беспорядок доведен до наивысшего уровня художественности. На правой от входной арки стене красовался побрякивающий бубенцами караван многочисленных рукотворных существ, выглядывающих дорогу к промежуточному оазису. Во главе бодро вышагивал старый "Эль-Джаман" — скомбинированный из проржавевшей жестяной попоны, фарфоровых роликов допотопной электропроводки и сопровождающих их лиц кованых гвоздей. В центре привлекала внимание восхитительно юная "Ридикюль", впервые забеременевшая шкатулочными ключиками, защелочками, задвижечками и прочей изысканной фурнитурой в стиле ретро. Шествие замыкали печально понурые "бэмэнэ", составленные их запчастей эпохи пятой — шестой династии, тех самых, что некогда надо-

умили Франсуа Шампольона, так, впрочем, и не дождавшегося прижизненной Нобелевской премии.

В восторге я воскликнул: "Эль! Джаман!" — или, скорее: "Эль! Джамия!" — что ближе стояло к имени Алла. Проникающая В Тайный Смысл Предметов — так переводится ее подлинное имя с эльдхаманского в кодировке докомпьютерной виртуальной программы под грифом "Бэ. Мэ. Нэ".

Помнится, я тачал тогда книжку "Second hand". Из таких же обрезков, осколков и всяческих лоскутков. То есть мы черпали из одной бады (мусорного контейнера, свалки, пункта приема вторсырья). И я надеялся открыть совместное производство. Так сказать, Сара стирает, а я выкручиваю. Соединение жанров: визуального с эпистолярным. Надерганные из разных выючных и непарнокопытных шерстинки свалить в одну кудель, а там напрясть, что выйдет. Этот арт-проект еще впереди, недалеко, надо сказать, впереди.

А пока что погонщица Алла перегнала свою процессию из Киева в Одессу, в эксклюзивный караван-сарай, в просторечии именуемый галереей "Либерти", где караван-сарайницей (или сарайщицей) — Аня Голубовская, домогавшаяся означенного явления. Очарованные наблюдатели никак не могли взять в толк, отчего представленные ювелирные гарнитуры из штучек, дрючек и ржавых железячек так подлинно ослепительны. Только и слышалось со всех сторон: "Погляди, какой чудесный Эль-Джаман!", "А это бэмэнэ еще прекраснее!" — и т. д., и прочее.

Стихи и впрямь растут из сора. И вкривь они растут. И вкось. И там сплетаются в узоры. И расплетаются поврозь.

...Иду с выставки. Вдруг вижу — такое классное "бэмэнэ" на обочине валяется! Бросаюсь подбирать, покуда кто меня не опередил!

Олег ГУБАРЬ.

СВЕТ ДУШИ

Эта выставка — дань памяти замечательному художнику и светлomu человеку ИОСИФУ ОСТРОВСКОМУ.

Он умер год назад, в сентябре 1993 года. А за несколько месяцев до этого рокового дня я встречался с ним в Израиле, договаривался, что Всемирный клуб одесситов пригласит его в дни 200-летия Одессы, которую он так любил, с выставкой... Если только позволит здоровье... И мы оба надеялись, что позволит, что чудеса современной медицины... Но Осик — так все мы его звали — ушел из жизни... И тогда эту выставку посчитали своей обязанностью собрать, открыть мы, одесситы.

У этого художника было как бы два творческих рождения. Выпускник художественного училища, ученик П. Коновского, Л. Токаревой-Александрович, Д. Фруминой, он честно и талантливо продолжал заветы южнорусской школы, своих учителей. Но — так случилось не с одним мастером — в какой-то день ему стали тесны рамки одесской традиции. Его звали к себе тени забытых предков, образы людей Библии.

Вначале эти холсты стояли, пугливо повернутые к стене, в его мастерской.

Потом он начал показывать их друзьям. И, наконец, наступил день, когда всеобщий еврейский журнал "Советише Геймланд" предложил ему показать все эти картины на выставке в Москве.

И открылся новый художник. Поэт. Мечтатель. Философ. Мастер, научившийся мудро улыбаться. И при этом не стеснявшийся быть сентиментальным, не боявшийся, что его герои покажутся кому-то некрасивыми, чудаковатыми.

Есть внешняя и внутренняя красота, как есть внутренний свет — свет души. Об этом знал, это утверждал своими холстами и акварелями Иосиф Меерович Островский.

Осталось большое наследие мастера. Он щедро дарил свои картины в Одессе, в Израиле. Эта выставка — первая попытка собрать, еще раз взглянуть на оставшиеся в нашем городе его работы. И спасибо Одесскому художественному музею, музею имени А.В. Блещунова, музею фирмы "Тирс", коллекционерам, которые дали картины для этой экспозиции. Спасибо Борису Дизенфельду и Юрию Рейфу, благодаря которым удалось издать буклет-каталог, выпустить афишу.

Осик Островский возвращается в Одессу своим творчеством. А точнее, его творчество всегда было с нами, оно никогда не покидало Одессу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ "УЛИССА"

Во Всемирном клубе одесситов открылась галерея живописи и графики "Улисс". Ее учредителями стали клуб и малое предприятие "Улисс", специализировавшееся на аукционах антиквариата.

— Галерея Всемирного клуба одесситов "Улисс" намерена стать мостиком между художниками, уехавшими из Одессы, живущими сейчас в США, Германии, Франции, и художниками, работающими в нашем городе, — рассказывает директор галереи Анна Голубовская. — Поэтому и первая коллекция, собранная для тех, кто желает приобре-

сти хорошую живопись, включает работы Л. Межберга, А. Ануфриева, И. Шенкера, И. Островского, а наряду с ними М. Черешни, В. Рябенко, Э. Серпионовой, А. Лантухова.

Есть в этой первой коллекции и картины, графика художников, уже ушедших из жизни, но чье творчество живет в нашей памяти, таких как Народный художник СССР М.М. Божий, художник Олег Аркадьевич Соколов.

Итак, в галерейной палитре города еще один адрес: ул. Маразлиевская, 7, "Всемирный клуб одесситов — галерея "Улисс".

Одесса, 21.04.1993

Жена художника Л. Дульфана — Татьяна.

ПИСАЛОСЬ "ДЛЯ СЕБЯ" — НАПИСАНО ДЛЯ НАС

Очень сильное и очень личное впечатление осталось у меня от книги Ирины Шайкевич "ДОРОЖЕ МНОГИХ РАДОСТЕЙ", составленной из ее дневниковых записей, писем к близкой родственнице и воспоминаний друзей, коллег. Думаю, что это — история таланта, не захотевшего или не рискнувшего развернуться со всей своей искренностью в публичной театральной критике советского периода. Хотя, может, она не стала бы выносите на суд широкого читателя свои через сердце пропущенные театральные заметки и в другие времена, и при любом режиме, может, это просто особенность личности... Не знаю.

О том, что Ира Шайкевич — замечательно интересный собеседник, знаток театра — помимо не часто публикуемых суховатых газетных рецензий, пишет свои удивительные театральные дневники, я узнала еще в семидесятые годы. Как-то, после поездки в Москву, рассказывая о столичных театральных впечатлениях, Ира протянула мне толстую тетрадь, указав: можно прочитать отсюда и до сих пор... Я прочитала — и ахнула: спектакль предстал передо мною, как только что увиденный, а личные ассоциации и размышления автора были не просто интересными, они волновали. "Ира! Почему же не написать так для газеты?!" — от всей души изумилась я. И услышала спокойное, с улыбкой, но не допускающее дальнейших споров: "Нет, для газеты я так не могу, это только для себя".

Это были семидесятые, время расцвета публицистики в театральной критике. Время Натальи Крымовой, Юрия Свободина... Время прекрасного московского журнала "Театр", где гогорта талантливых людей изливала в театральных рецензиях свои мысли не только о том, что видела на сцене, но и о том, что происходило с нами в жизни: порой идя за постановщиком спектакля, порой и приписывая ему глубины, на какие тот не замаскировался. Безусловно, то была авторская, личностная, неформальная, не официозная критика, ее орудием часто был тот же эзопов язык, каким пользовалась сатира тех времен, наш знаменитый юмор, понятный только нам. То есть умение высказать крамольную мысль так,

чтобы всем было понятно, но никто из тех, кому дано запрещать, не решился бы сказать, что понял. Я молилась на этих критиков, у них училась, я была уверена, что можно написать все, что хочешь, если уметь писать! И не понимала, что же не позволяет раскрепоститься Ирине.

Сегодня вижу это иначе. Дело не в степени раскрепощенности и мастерства. Дело в степени интимности. Записи в ее дневнике — это исповедь влюбленной души, проникающей в святая святых своей любви..

Интересны эти записи еще и тем, что в них портреты любимых артистов — не только сценические, но и "домашние", ведь многие из них становились своими в гостеприимной квартире на Ольгиевской. Привлекали их здесь "всем домом" — Борис Александрович Шайкевич и Берта Яковлевна Барская, их дочери Ирина и Янина, а потом и семья Янины — ее муж и дети... Характерно, что никому из авторов воспоминаний не пришло в голову назвать квартиру Шайкевичей "салонном", даже в кавычках. Потому что здесь не коллекционировали знаменитостей, не развлекались общением с интересными людьми — здесь их привлекали за талант и высокие человеческие качества, которые умели безошибочно разглядеть. А о тех, кто становился друзьями, заботились, как о родных, переживали и радовались за них всю жизнь. Они появлялись здесь спустя годы — во время гастролей, съемок, по дороге в Крым или на Кавказ, пополняя впечатления от своих незаурядных личностей... Ира, как и все обитатели этой квартиры, умела дружить долго, искренне и деликатно. Вот одна из таких дружб — с актером, которого Ирина открыла для себя задолго до его всесоюзной славы:

"1966. И вот — встреча с новым для Одессы театром — Ереванским русским театром им. Станиславского... Есть в этом театре один актер — Армен Борисович Джигарханян, 31 года от роду, уже Заслуженный. Невелик ростом, приземист, широкоплеч... Лицо умное, но не очень доброе. Внешне — типичный современный молодой человек: физик, врач, преподаватель, любой специальности начинающий ученый,

инженер — только не актер. В жизни умен, образован, интеллигентен, мыслит самостоятельно, есть сложившаяся система взглядов. Ничего не скажешь — личность! Впервые видела его в спектакле "Двое на качелях". Смотрю уже четвертые "качели". Он не похож ни на кого из ранее виденных. И не хочется его ни с кем сравнивать..."

Затем — живое описание этой его роли и заглавной роли в "Ричарде III"... А потом — встреча спустя три года, неожиданное появление Джигарханяна, уже актера московского театра, с удачными ролями в театре Ленинского комсомола, с отличными киноролями... "Правду сказать, очень удивило — он помнит все наши бесконечные "бдения" и все, о чем мы тогда говорили, спорили..." — записывает Ира.

И еще три года спустя — июнь 1972, гастроль в Одессе театра им. Маяковского. И снова — описание всех ролей Армена Джигарханяна в спектаклях (которые она уже видела в Москве, сравнивает с тем, как идут они на стационарной площадке...). Особенно интересным показалось мне описание роли Левинсона в "Разгроме" по А. Фадееву. Как бы много не было написано об актере и человеке Джигарханяне, так о нем никто не писал — с такой степенной сопереживая.

Наверное, маленького тиража этой книжки не хватит для всех актеров, режиссеров, людей театра, чьи работы с такой любовью и тщательностью описаны в ней. Но еще важнее, чтобы прочли ее пишущие о театре — ведь так часто не хватает сегодня критикам сознания, что они не только судьи, но и свидетели, возможно, через годы эта их роль будет важнее всего остального.

В 1966 году, Ирина Шайкевич записала: "Очень хочется, чтобы здесь, в этой тетради, осталось какое-то хотя бы представление о том, что я видела. Ведь актерские работы уходят, и это безвозвратно. Всегда об этом думаю, когда вижу настоящих актеров театра..." Значит, все-таки писала она не только для себя, писала, подсознательно имея в виду будущего читателя. Потому и отдала эти шесть общих тетрадей своему другу Татьяне Щуровой. Но и такое отношение было: пишу для себя, пишу то, что думаю и чувствую, не для печати... Получилась книга искренняя и взволнованная, со своей внутренней драматургией. Талантливая книга.

Людмила ГИПРИХ.

Джаз для Самуила Маршака, переведшего Шекспира

Два года назад в нашем городе был осуществлен проект, достойный если не Книги рекордов Гиннеса, то энциклопедии "Джаз, XX век", вышедшей в то же время в Санкт-Петербурге. Ее автор — В.Б. Фейертаг, добрый друг и наставник одесских музыкантов — просто не успел достойно упомянуть его в своем труде. Владимир Борисович был одним из участников действия, его ведущим. А осуществил постановку грандиозной мистерии — "Духовного концерта" Дюка Эллингтона — фондатор современного одесского джазового движения Николай Голощапов.

Стихи Дюка Эллингтона с редким чувством стиля читал Заслуженный артист Украины Олег Школьник.

Позволю себе с гордостью признаться: с Николаем и Олегом меня связывают и любовь к джазу, и добрые отношения. Вот почему в течение двух прошедших с этого действия лет мы не раз обсуждали, какие же стихи будут органично сочетаться с джазовой музыкой. Если раньше композитор и поэт были в одном лице — великого Дюка, то для новой программы предстояло отыскать самых разных авторов.

Поиск шел в разных направлениях. Я, к примеру, перечитывал сборники американских поэтов — от Роберта Фроста до Аллена Гинсберга... Случилось так, что мне пришлось уехать, а когда спустя некоторое время вернулся в Одессу, то увидел афиши, приглашающие на премьеру в зал Украинского театра: "Поэзия в джазовой оправе".

Шел на концерт, ожидая встретить пиричуэллс и речитативы негритянских проповедников, дисксилэнд и ковбойский фольклор, бибоп и эпатажные строки битников... А услышал Шекспира и серьезные, камерные и симфонические джазовые сочинения — от классиков Дюка Эллингтона и Джорджа Гершвина до авангардистов (пусть умеренных) Тошио Акиеси и Рона Картера. Слушал восторженное слово Елены Шевченко и, откровенно говоря, с некоторой опаской ждал начала концерта. Вовсе не потому, что сомневался в правомочности переложения Шекспира на язык джаза. Его обширное и многообразное наследие, как показало Время, универсально. Пример тому — замечательные оперы, балеты, симфонические произведения, а в последние годы — фильмы, мюзиклы и рок-оперы, в том числе и недавно созданная в Одессе. Но Сонеты — самое личностное, самое исповедальное, самое лиричное, самое незащищенное проявление сущности Гения... Забегая вперед, расскажу: когда действие уже завершилось и оркестр играл как бы сам по себе, я подошел к Голощапову, отошедшему за кулисы, и он в ответ на вопрос: "Кто же выбрал именно Шекспира?" — с гордостью и нежностью, так, как это может сказать лишь Коля, произнес: "Ну, конечно же, Олег!"

Особо отмечу: атмосфера гордости за общее дело, готовности сделать все, чтобы не только блеснуть самому, но и подготовить успех партнера — вывести его на эффектное соло, царил в этот вечер на сцене и

передавалась залу, как это случается на редких по чистоте помыслов джазовых концертах. Тем более, если звучат сонеты Шекспира. В переводах Самуила Маршака они давно уже стали "народной русской поэзией", но Олег Школьник удивительным образом сумел придать камерной любовной лирике автора великого и ужасного "Ричарда III" чуть отстраненную философскую интонацию. И это помогло ему преодолеть и жанровые, и временные, не говоря уже о чисто технологических, ступени. В этот вечер нас вновь поразили и покорили тембр голоса артиста, увы, не часто звучащий в проектах и спектаклях высокого ранга. Последний прорыв — "Контрабас" по Патрику Зюскинду. Заметьте — спектакль о Музыке, об ответственности Художника.

Я бы определил жанр действия, созданного Николаем Голощаповым и Олегом Школьниковым, как концерт. По определению — это состязание. Пусть единомышленников, но у каждого — своя партия. Голос, негромко читающий стихи, и мощь биг-бенда, да какого: одних саксофонов — семь, а не пять, как обычно. Мастерство Голощапова — дирижера и режиссера — оказалось на должной высоте помысла. Выразительные соло инструменталистов, слаженные ансамбли, тактичный аккомпанемент, мощное tutti — все это служило главной задаче: созданию джазовой оправы высокой поэзии.

В этот заслуга и руководителя оркестра, и солистов: Сергея Матвиенко, Олега Субботина,

Романа Дещенко (саксофоны). Вадима Паскаля, Андрея Савченко (тромбоны), Алексея Петухова (клавирные), Игоря Небоги (бас) и блистательного барабанщика Владимира Леонова.

Была в концерте и своя изюминка. Как известно, литературоведы веками спорят о том, кому же посвятил поэт вдохновенную любовную лирику, кто же был Смуглой Леди Сонетов — английская королева, знатная дама... А быть может, и вовсе — пленительный, как нынче говорят, собирательный образ... Одеситы дали свой ответ. Стихам внимали и отвечали на них джазовыми балладами, блюзами, ариями из опер и мюзиклов очаровательные юные певицы — питомицы Нины Вячеславовны Кравец, достойные самых престижных залов и самой взыскательной публики: Олеся Небога, Лилия Строкина, Мария Торник, Евгения Дасива.

Надо было видеть, с каким удовольствием два достойных джентльмена — Голощапов и Школьник — внимали яркому, воистину шекспировскому по темпераменту и проникновенности исполнению Олеся Жбанковой баллады Ронни Шеннона "Беби, я тебя люблю"...

Отгремели аплодисменты в адрес всех участников этого великолепного действия, в том числе и продюсера Андрея Нейченко, без тщаний которого оно, быть может, и не состоялось бы. С поражающим сходством повторяется ситуация двухлетней давности. Ошеломляющий успех, эйфория нескольких последующих месяцев. Дальше — тишина? Неужели мы вновь повторим за великим Шекспиром грустную коду одного из прозвучавших сонетов: "То я богаче всех, то всех бедней..."

Феликс КОХРИХТ.

О ПРИРОДЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ И ПРЕВРАЩЕНИЙ

Со времен обязательного среднего образования помню один замечательный закон физики: мол, если в каком-то месте чего-то там убавить, то в другом месте обязательно чего-то там прибавится. В общем, свято место пусто не бывает. В одной книжке так и говорится: "Род приходит, и род уходит..."

Из Одессы почему-то первой ушла скумбрия. Не захотела, неблагодарная, строить с нами светлое будущее. Первая диссидентка, она ушла за кордон без всякой визы, без таможенного шмона и доброго напутствия компетентных органов. На смену явились из вод Мирового океана всякие замороженные ее братья — хек, минтай и компания.

Потом куда-то запропастились колбасы наиболее съедобных сортов. Любимовская "Конская" какое-то время еще держалась за прилавок, но тоже недолго. А на свет явился культовый "бифштекс из гов. с одним яйцом". За бифштексом появился брекватер. Вроде бы для спасения родных берегов от коварных оползней. Может быть, свое дело он и сделал, да только крабы и другая мелкая живность не спаслись. А в пределах пятидесяти метров от берега водная гладь превратилась в филиал общественного туалета.

Зато появились "синенькие" — дистрофичные цыплята сиреневого цвета, покрытые неаппетитной слизью. Несмотря на слизь, цвет, запах и антисанитарный вид продавцов, эти чаклые зародыши довольно долго пользовались спросом у смирившегося с потерями в еде населения.

И лапша! Правда, она никуда не исчезала с 1917 года. Просто обрела новые названия и оседала на ушах в виде фраз о росте благосостояния родного народа.

Зато начали исчезать евреи. Ну, это то понятно, куда. После непродолжительного отдыха в Риме и Вене они бодро пересекали Атлантику. Вследствие этого на Брайтон-Бич исчезли последние негры.

Зато у нас появилась новая марка лапши под названием "Мифы и реальность".

Потом исчезла водка. Слава Богу, не надолго. Слабым заменителем ее пытались стать "Прожектор перестройки", гласность, "Огонек" и "Новый мир". С появлением спирта "Роял" и кооперативов жить стало веселее. Теперь "бифштекс из гов." стал "бифштексом из ком. гов., с тем же яйцом, но чуть-чуть дороже".

Скумбрия так и не вернулась, наплевав на перестройку, гласность, программу "Взгляд" и Коротича.

Продолжали исчезать евреи. Опять-таки знаем, куда. Сами провожали. Взамен явились "Баунти" в обнимку с "Марсом".

За одно утро растворился в беловежском тумане наш великий и могучий. Зато миру предстала в первозданной красе голая и босая Независимость — и все та же лапша.

Теперь почему-то напрочь исчезли дворовые туалеты.

Опять появилась еда. Разная! Вкусная! Много! Бери — не хочу! Не хочу? Не могу! Дорого!

Пропали дворники. Зато теперь с нами по жизни идут плечом к плечу "Олвэйз", "Хаггис", "Бленд-а-мед" и кариес.

Горячей воды почему-то нет. Зато холодной — залейся и утопись. Мощно бьет из всех бюветов по желудку и кишечнику. Насколько она полезна, не знаю. Но варить лапшу, чтобы она изящно свисала с наших ушей, думаю, сойдет.

Вот с общественным транспортом — беда. То он есть, то его нет. То он платный, то он бесплатный. Теперь опять платный, да такой, что в дрожь кидает. Цена зависит от настроения изготовителя лапши. Ну, подорожали маршрутки на 25 копеек. Ну, накинем еще 25 для ровного счета. А за это благодетели наши закупят нам аэробусы для полетов на работу и базар. Быстро, никакая загазованности и никаких пробок в часы пик. Главное — научиться в нужном месте прыгнуть в затылок прыжке и своевременно дернуть кольцо парашюта.

Флай, Робин, флай! Счастливого приземления, пернатый!

Р. С.

Воротится ли когда-нибудь скумбрия?

Георгий ИСАЕВ.

Петр Нилус

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

Из книги С. Юшкевича "Семь дней и др. рассказы".
Париж, 1933 год.

Маленькому Сене было два с половиной года, но у него уже проявились все инстинкты, открылись полные внимания уши, глаза, определялся своеобразный характер. Все способствовало его раннему развитию: большой портовый город Одесса, в котором он родился, место, где прожил до юношеского возраста, люди, которые его окружали.

Семья жила недалеко от порта, у обрыва, под которым расположена старейшая часть города; сперва на Военном спуске в д. Ковалевского (где родился Семен Соломонович Юшкевич в 1869 году), а впоследствии на Приморской улице, в доме барона Стюарта, неподалеку от дома Ковалевского.

Одесса была тогда одним из богатейших портовых городов Европы, торговала со всем миром. Жизнь порта пестрой волной проходила мимо самих окон домов Ковалевского и Стюарта. Бесконечные вереницы разных видов телег, платформ, груженных колониальными товарами, тянулись бесконечным, медленным, широким потоком. Апельсины, лимоны в раздувшихся пахучих ящиках, бочки вина, коринка, ваниль, перец, грецкие орехи — все это благоухало и волновало воображение, а навстречу им продвигались тяжелые возы и "биндюги" с мешками пшеницы, ржи, ячменя, муки. Днем и ночью в порту кипела работа — разгружались суда. Турки, греки, кавказцы, местные "босаки", полуголые грузчики, торговцы у лотков, скрежетание лебедек — все это наполняло приморскую часть Одессы днем и ночью шумом и гамом большого порта.

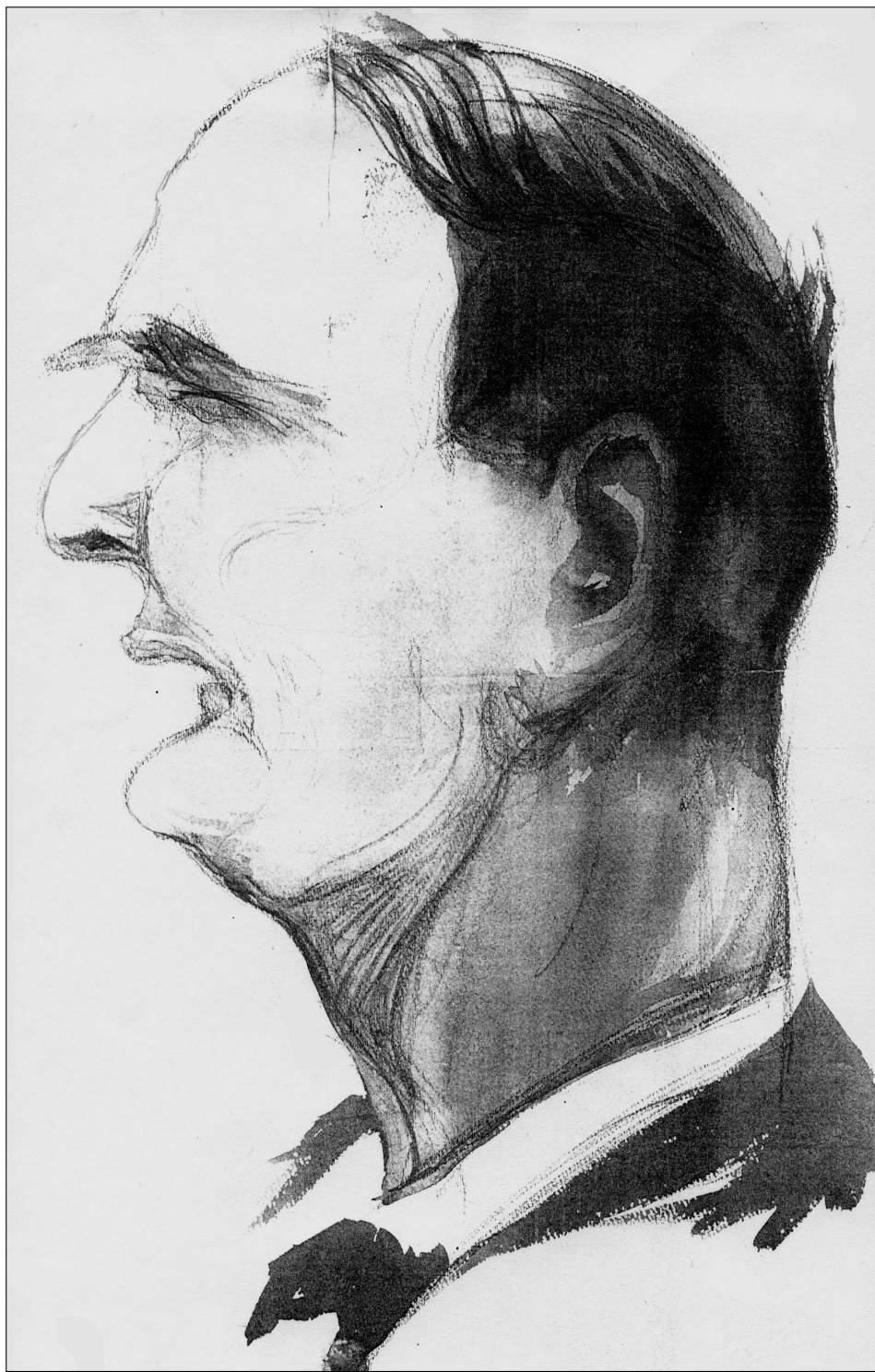
Вдоль прилегающих к порту улиц было множество лавок, торговавших самым разнообразным товаром. Среди них была торговля Соломона Мойсеевича и Анны Григорьевны Юшкевичей, там же они и жили с многочисленной семьей, менявшейся в своем составе. Всех детей было четырнадцать, но болезни уносили слабейших, так что основная семья состояла из отца, матери, бабушки (по матери), трех братьев и сестры, но был момент, когда в семье росли восемь детей.

За домом, в котором помещалась лавка, шел огромный двор с квартирами, конюшнями; тут же, во дворе, была и знаменитая голубятня Соломона Мойсеевича. За двором подымался обрыв, шедший вверх площадками, заросшими кустарниками, глота, сирени, акациями, уккусными деревьями, тамарисом. С террас обрыва открывался вид на море, на залив — с гаванями, волнорезами, маяком, пакгаузами, домами, заводами, за которыми пестрой стеной возвышались паруса, мачты, трубы, откуда доносились уханье катеров, гудки пароходов, свистки локомотивов. И все это, залитое южным солнцем, живое и волнующее — все это были первые впечатления маленького Сени.

Про капризы, шалости, выдумки Сени в семье сохранилось много анекдотов.

В 1871 году, в дни Пасхи, когда в Одессе разразился первый погром, Соломон Мойсеевич устроил семью в гостинице. Сене тогда было два с половиной года. Оставшись среди перепуганных женщин, он капризничал невероятно, надоедал всем, упрямо требую, чтобы ему сделали шляпу из мацы... Нередко на улице, если ему отказывали в чем-либо, особенно — купить сластей, садился на землю и не вставал до тех пор, пока не исполняли его желания. Однажды, за что-то наказанный, в холодный зимний вечер он исчез; его принялись искать всем домом с фонарями — нигде не было! Наконец, его нашли на дереве и принуждены были силой стащить оттуда.

Когда Сене было три года, его определили в еврейское училище, в котором, впрочем, преподавали на русском языке. В школе ученики проводили весь день. Служители, провожавшие детей в школу и обратно домой, обыкновенно отымали у них большую часть еды, которую они брали с собой, а учителя жестоко поколачивали своих питомцев. Школа не понравилась Сене... И вот он уверил всех, что у него болит нога, захромал... Его оставили в покое, и только через два года он снова поступил в эту школу.

Семен Юшкевич.

Шарж М. Линского.

Воспитанием детей никто не занимался. Присматривала за детьми бабушка, которая, в то же время, была занята и по хозяйству, и в деле.

Мать, высокая, статная, красивая женщина, обладала замечательным практическим умом, отличалась живостью, общительностью. Дела, хозяйство, многочисленная семья были для нее тяжелой жизненной ношей, и нет ничего удивительного, что она была всегда взволнована, раздражена, вечно на что-нибудь жаловалась, всем была недовольна. "Матери, хлопотливой и всегда огорченной женщины, мы не боялись", — замечает Семен Соломонович Юшкевич в "Очерках детства"¹. И дальше: "...всегда она что-то требовала, пророчила, жалуясь на свое бессилие справиться с нами. Или причитала о том, что годы летят и мы вырастем легкомысленными людьми, никуда не годными, ни на что не способными, будем нищими, так как время уже не такое, как прежде". И при всем том она обладала, как большинство женщин ее склада характера, несокрушимой энергией.

Отец внешне, душевным обликом, жизнью представлял собой исключительную фигуру, особенно среди еврейства. Великан, человек легендарной силы, на голову выше сыновей, отличавшихся большим ростом, часто мрачный, вспыльчивый, он был в то же время необычайно добр. В молодости знаменитый кулачный боец, гроза парней Слободки и Пересыпи, он не любил торговли, не был жаден до денег; с принятием в дело компаньона (брата жены) он освободился от непрямого личного участия в торговле — и занял своей жизнью. Он был страстный голубиный охотник. За пару редких голубей плачивал по двадцать пять, пятьдесят рублей, что для того времени было неслыханным. Он возил компанию с охотниками и разными "странными" людьми, которых мать на порог к себе не пускала, предпочитая знакомства с теми, "кто богател, делал дела". В свою очередь, отец ненавидел знакомых жены, эти

знакомства приводили его в ярость, вызывали в доме вечные ссоры.

Соломон Мойсеевич был человек мало религиозный и только в большие праздники брал места в синагоге.

"Отец по характеру был большевиком, ненавидел все буржуазное", — рассказывает Михаил Соломонович Юшкевич.

Мать любила детей до безумия, но их было много, трудно было управиться с ними; она постоянно надоедала отцу жалобами на детей; эти жалобы иной раз оканчивались тем, что отец порол детей самым настоящим образом...

Дети боялись отца, но и любили его; всегда озабоченный, сумрачный, в веселые минуты он светлел — и тогда благоволение и радость разливались в семье. Отец отлично играл на гитаре и подпевал, у матери в молодости был голос.

Отец не любил рассказывать о себе, но кое-что о подвигах его молодости доходило до семьи и окружало отца ореолом славы, таинственности. Вот один из самых знаменитых подвигов Соломона Мойсеевича. Однажды, в воскресенье, он отправился с племянником на голубиный рынок. Повздорив из-за чего-то с продавцом, он ударил его; ответить продавец побоялся, тогда за него заступилась вся Охотницкая... Племянник в ужасе помчался за будочником. Возвращаясь, он был уверен, что дядя избит, но, к его удивлению, Соломон Мойсеевич справился с толпой и похаживал победителем с налившимися кровью глазами и раздувшимися ноздрями.

Детство маленького Сени наполовину протекало на людях. Дома было жить скучно. Вечные деловые разговоры... Отец был очень непрактичен и, в то же время, уверен, происходили частые ссоры. Родителей озабочивало будущее детей — мать хотела видеть их непременно коммерсантами или купцами, отец не соглашался, он чувствовал важность образования, и опять — споры, пререкания...

(Продолжение на 12-й стр.)

Петр Нилус.

Рис. Л. Пастернака.

¹ По свидетельству Мих. Солом. Юшкевича, в этих очерках очень много вымысла.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11-й стр.)

Только одна бабушка, бывшая ближе к детям, лучше понимала их, скрашивала их жизнь лаской, сказками. Между прочим, бабушка обыкновенно спала со своим любимцем Сеней.

Сеня, как только было возможно, ускользал из дома во двор, на улицу, в затишье пустырей, окружавших дом. Сделавшись старше, он по целым дням пропадал у соседей или уходил в город к знакомым, родне, которая его очень любила, или бродил по улицам в порту. Его всегда тянуло к взрослым, черта обычная у одаренных детей, с ними у него завязывались отношения равного к равному. Жизнь жильцов маленьких квартир в большей своей части проходила во дворе, и этот натуральный театр страстно притягивал все внимание Сени, который никогда не ограничивался ролью зрителя — он принимал самое деятельное участие в жизни двора: резонировал, спорил, мирил и при всяком удобном случае заводил игру в карты... Знакомился он без разбора, с кем попало. Однажды мать встретила его на улице, принимавшего непосредственное участие в бродячей рулетке, где за пятак можно было выиграть галантерейную мелочь, леденцы.

Мать пришла в ужас, разразилась таким потоком слез и нравоучений, что даже Сеня, на которого вообще не действовали ничьи советы и увещания, испугался.

Учился он, разумеется, плохо, так как это было скучно; слишком занятный мир окружал его: море, вечное купанье, порт, голубятня, город, рынок. Потом игры, самые разнообразные, охота в пустырях за насекомыми, лягушками, разные приключения в чужих огородах, садах, за что иногда приходилось жестоко расплачиваться...

Соломон Мойсеевич любил, понабавив кошелек деньгами, ходить по воскресеньям на Охотницкую, потом шел с приятелями в трактир, широко угощал, раздавал деньги. А за соседним столом сидели дети-подростки, прислушивались к болтовне и хвастовству охотников — и тогда "папа" казался им необыкновенным, прекрасным, всемогущим... Бывало, в веселую минуту Соломон Мойсеевич неожиданно решал доставить удовольствие семье — ехали на волнорез, с самоваром, закуской, самоловками на целый день...

Очень хороши страницы в "Очерках детства", изображающие день на волнорезе, купанье с лодки. Отец, могучий пловец, учит своих мальчиков плавать. От этих страниц веет любовью к "папе", как его всегда называл, вспоминая, Семен Соломонович, который, кстати сказать, чрезвычайно походил на отца.

В детстве Сеня был тонок, высок, ширококост. Живой, шумливый, талантливый мальчик привлекал к себе и детей, и взрослых, хотя нрав имел занозистый — посмеяться, поиздеваться был великий мастер уже в детстве. Драчливым, однако, не был, хотя именно в драке получил удар кулаком в сердце. Не был ли этот удар отдаленной причиной его последней болезни?

В детстве он уже проявил свой талант к дружбе, и по некоторым намекам из "Очерков детства" можно судить о том, как горячо он любил брата Павла, первых друзей. С некоторыми из них он всю жизнь водил дружбу.

С виду беспечный, "заразительно веселый", он всегда чем-нибудь мучился, волновался, выдумывая несуществующие страхи. Часто среди ночи просыпался и пробирался к спальне матери, прислушивался: жива ли она? То ему представлялось, что должно случиться что-то ужасное, то он видел мучительные сны, задумывался о смерти...

Кое-как Сеня окончил начальное еврейское училище и поступил во вторую одесскую гимназию. Учился он из рук вон плохо — ленился невероятно, шалил, дерзил. Постоянно вызывали родителей в гимназию, окончилось тем, что он был уволен из третьего класса за крайнюю лень... Были

проекты отдать его в науку к какому-нибудь ремесленнику... но отец не соглашался — а спорить с отцом было трудно.

Началось домашнее обучение. И вот в это время впервые проявляются в Сене инстинкты творчества — ему было тогда около пятнадцати лет²⁾. И вот он вместе с одиннадцатилетним младшим братом пишет пьесу... Писали сцену за сценой по очереди... и потом, прочитывая написанное, "страшно наслаждались и гордились", пишет Павел Соломонович. С тех пор он начинает писать; пишет что попало: что-то вроде газетных заметок, статей, рассказов, которые, конечно, нигде не принимались. Брат, Павел Соломонович, вспоминает об одной такой статейке "об одесских цирюльниках"... "Я был в восторге от этой статьи... — пишет Павел Соломонович, — и оба мы были убеждены, что уж это-то будет напечатано"... Брат Павел был всегда поклонником, советчиком и критиком Сени, несмотря на то, что между ними разница в летах была четыре года. Но неудачи не охлаждали пыла Сени, он писал неудержимо, что, конечно, отражалось на учении, которое затягивалось. Неудачи его тогдашних писаний объясняются тем, что до пятнадцатилетнего возраста он почти не читал ничего, кроме сказок... Но, конечно, дошла очередь и до "лихорадочного" чтения... Очевидно, большое впечатление произвел на Сеню "Дон Кихот", и он начинает писать, подражая Сервантесу, поэму о некоем Кара Тараре, который странствует по русским городам и весям, сопровождаемый множеством комических приключений. От приключений Кара Тарара, как пишет Павел Соломонович, ведут прямые нити к комедиям будущего драматурга. Павел Соломонович, тогда гимназист пятого класса, с товарищами издавал "журнал", куда с особым почтением переписывались отрывки из бесконечной "Кара Тарара"...

В конце концов, Сеня выдержал экзамен в пятый класс и с прогимназическим свистельством поступил в аптекарские ученики — с тем чтобы после двухгодичного стажа держать экзамен на помощника провизора. И теперь, как и в детстве, уже подросток, Сеня "нарядно с заразительным весельем, порывами всякого рода, безрасудствами, ухаживаниями" грустит, задумывается, часто пугает брата своим безнадёжным настроением. "Это меня замучивало иногда; я дрожал, боясь, чтобы в приступе тоски он чего-нибудь не сделал с собой", — пишет Павел Соломонович. Сене шел тогда, вероятно, 16-й год; это было время буйного пробуждения молодых сил, предоставленных самим себе, которые его заносили Бог знает куда...

Вот что пишет сам о себе Семен Соломонович в "Клочках прошлого", написанных по случаю 25-летнего юбилея. "В пятнадцать лет я чувствовал себя Титаном, я не признавал ничего авторитета, весь мир был для меня противником, которого я должен был победить. Я презирал тех, кто признавал над собой чью-либо духовную власть. Я всегда был как в огне, кипел, читал книги, чтобы не соглашаться с книгами... мнение любимого товарища было для меня авторитетнее имени великих учителей человечества..." И далее: "Ассоциации иные, логика, вера сумасшедшая... спорщик я был отчаянный... и дерзкий. И ненавистей у меня было много". Разумеется, как полагается, "Титан" мечтал сделать разбойником...

Подросток Сеня, кроме "презрения к миру", питает трогательное чувство к брату Павлу, который с особенной нежностью вспоминает это время.

"А как сладки бывали так называемые нами "Египетские ночи". Когда мы ложились спать, либо он забирался ко мне в кровать, либо я к нему, и начинались бесконечные беседы... Причем, конечно, говорил главным образом Сеня о разных разностях: мелочах дня, каком-нибудь новом любовном

приключении или каком-нибудь художественном замысле. Эти "Египетские ночи" — одно из драгоценнейших воспоминаний моей жизни..."

Сеня все пишет, ходит по редакциям, ему неизменно возвращают "рукописи"... но это его не останавливает — очень уж заманчиво писание, да и внутреннее сознание подкашивает его, что его писания — что-то важное, что непременно нужно писать... И в самом деле: в это время вырабатывается им тема его будущей "Улицы", позднее — "Распада" и многих других рассказов. В "Клочках прошлого" Семен Соломонович пишет: "В шестнадцать лет я сделал себе привычку писать днем при зажженной лампе. Я запирался на ключ в детской, закрывал ставни, набрасывал на себя шаль, зажигал лампу и писал страшные рассказы. Это был сумбурнейший период моей жизни. Я мучился всяческими вопросами: религиозными, метафизическими, моральными; в особенности, помню, терзал меня вопрос о существовании Бога. Достоевского я просто обожал. Под влиянием чтения Достоевского я долго носил яд в кармане, чтобы покончить с собой, когда "наступит момент".

Конечно, стаж аптекарского ученика происходит кое-как, с неприятностями всякого рода. Хотя и очень юный, будущий помощник провизора ухаживает за барышнями, заводит знакомства, учится со старшим братом в танцклассе "старика" Цорна, пишет, увлекается "малороссиями"³⁾.

В это время Семен Соломонович знакомится с Полиной Финкельштейн, и начинается роман... С виду веселый, беспечный, Семен Соломонович, как всегда, волнуется, мучается, он не может не чувствовать всей ответственности положения, не может не сомневаться в будущем, да и в настоящем.

Ученический стаж оканчивается, он едет в Киев и там сдает экзамен на помощника провизора. К этому времени его роман обрывается в драму.

Уйдя однажды из дому, никого не предупредив, он женился... Ему тогда было семнадцать лет. Отца это известие так поразило, что он зарыдал, как ребенок, и сгоряча проклял сына...

Первое время Семен Соломонович жил у тестя, но это была не жизнь, а ад. Семен Соломонович служил тогда в аптеке, потом перешел в другую, но — при своем беспокойном нраве — нигде не мог устоять. Жалованье получал ничтожное — 10 рублей в месяц, пытался заняться перепиской... Потом остался без места и переписки с беременной женой на руках. Поманили его на место в Березовку — он уехал туда с больной женой и вернулся ни с чем... Он всюду метался, ездил, но нигде не находил места.

Мать смягчилась первая, стала втайне помогать сыну, встречаться с ним; но отец был непреклонен. Правда, он начал приходить к обеду раньше обыкновенного и уходил так, чтобы дать возможность пообедать у себя молодым...

Жена Соломоновича родила сына Павла и во время родов умерла.

Рождение ребенка окончательно смягчило стариков, и Семен Соломонович вместе с ребенком был принят в отчий дом.

Это было в 1888 году; в этом же году семья Соломоновича переехала в город. Дела пошли плохо, старики устали. Меж тем братья, сестра уже были в старших классах; поступить в университет нельзя было, так как тогда для евреев нужна была при аттестате золотая медаль, а дети много работали дома, помимо гимназии, о медалях не думали, вели себя странно, водили знакомства с таинственными студентами... Родители ничего не понимали, волновались. Хотя отец настаивал на высшем образовании детей, но не было необходимых средств. Дом, полученный Соломоном Мойсеевичем по наследству от отца, был заложен в банке, отягчен частными закладами. Потом векселя, множество векселей...

Эта эпоха жизни Соломоновича вошла некоторыми чертами в его "Распад"; к сожалению, только одна мать списана с натуры. Ее "монологи" характерно рисуют тогдашнюю семью Соломона Мойсеевича. Маленький Сеня с пеленок слышал эти бесконечные монологи и впитывал как губка ее юмор, ее гибкую речь, ее знание людей и жизни. Это они, ее надоедливые речи, все об одном и том же, сделали из Соломоновича великого мастера диалога.

Но не только мать, а и Соломон Мойсеевич был человеком одаренным. Когда дети уехали за границу, он им писал замечательные письма.

Одесса того времени переживала свои цветущие годы, и памятником ее богатства остался замечательный театр. Город давал театру царские субсидии, благодаря которым в Одессе долгое время была одна из первых опер в мире, конечно, по старой традиции, итальянская. В семье Соломона Мойсеевича молодежь с ума сходила по Джанини, Прево, Гверчи, Арамбуро...

Семен Соломонович, у которого был хороший тенор, пробует учиться петь. Начинает, бросает, меняет учителей... И только операция в горле окончательно отбивает его от артистической карьеры.

Семен Соломонович служит в аптеках, но, по обыкновению, не уживается с хозяевами. Слишком он был свободолюбив, да и не любил своего ремесла. И хозяева имели основание быть недовольными своим "провизором", который при всяком удобном случае заводил с аптекарскими учениками споры на "высокие темы", карточную игру, был дерзок, и его острый язык не щадил ни товарищей, ни хозяина. И, в то же время, Семен Соломонович много пишет, заканчивает похождения "Кара Тарара"⁴⁾, рассказ "Павлов и Бобров", который был впоследствии напечатан в "Мире Божьем" под названием "Записки студента Павлова", но все это тогда было по-детски несовершенно. Пишет и многое другое, но все отвергается ненавистными "бородатыми" редакторами. В это время он познакомился с Бароном Иксом⁵⁾, тогда знаменитым одесским журналистом, бывал у него на "журфиксах", на которых собиралась вся культурная Одесса, там-то он и получил литературное крещение.

Однако безнадёжные путешествия по редакциям продолжались в течение двух лет, показавшихся бесконечными... Но настойчивость и работа делают свое дело. Рассказ "О том, как Иван Ильич полюбил и разлюбил", наконец, был принят А.В. Кругловым в "Одесский листок".

"Трудно словами рассказать свою радость, — пишет Семен Соломонович в "Клочках из прошлого". — Такие радости не часто бывают в жизни — может быть, раз, другой... Да и не радость это, а что-то большее... Дни до появления рассказа в печати я провел, как в угаре. Вспомню, что напечатано, и что-то крепко и сладко обожжет сердце... Ах, милые, чудные минуты!"

С тех пор Семен Соломонович от времени до времени начал помещать в "Одесском листке" маленькие рассказы.

Но что же делать дальше? Провизорство дает гроши, такие же гроши дает "литература". В конце концов, Семен Соломонович выбирает профессией медицину и едет в Париж.

Так как у него не было полного гимназического аттестата, пришлось подготовиться к "башо", который он благополучно сдает и поступает на медицинский факультет Парижского университета.

Первое время Семен Соломонович получал поддержку от отца, но скоро присылки денег прекратились, и он был предоставлен самому себе. К этому времени в Париж приезжает Михаил Соломонович, тогда студент Венского университета, и тоже поступает в университет. Братья жили вместе. Приходилось трудно.

²⁾ В "Клочках из прошлого" Семен Соломонович говорит, что ему было тогда около 13 лет. Павел Соломонович Юшкевич это опровергает.

³⁾ В это время почти каждую зиму приезжала в Одессу труппа Кропивницкого с Заньковецкой, Садовским, Саксаганским в расцвете их таланта.

⁴⁾ Семен Соломонович эту "поэму" сжег.

⁵⁾ С.Т. Герцо-Виноградский.

Семен Соломонович поступает в хор церкви Сэн-Жерве, потом в хор симфонических концертов Аркура, занимается массажем.

Университет на первых порах мало увлекал его, и только впоследствии он занялся медициной вплотную. Он много работает, читает, пишет, посещает эмигрантские кружки, где всегда остается в оппозиции, тяготея, однако, влево. Публично Семен Соломонович не выступал никогда, но очень любил поспорить. "Я не помню случая, чтобы он (Семен Соломонович) когда-нибудь с кем-нибудь был согласен", — рассказывает брат Михаил Соломонович. Эта черта чрезвычайно характерна для Семена Соломоновича, всегда ищущего своей "правды", которой только и верил. Ходил Семен Соломонович на эмигрантские собрания обыкновенно с приятелями, жестоко высмеивая, издеваясь над новоявленными пророками. И ничего нет удивительного: люди, с которыми встречался Семен Соломонович, знали о жизни понаслышке, были книжниками, тогда как его воспитала сама жизнь, которая не укладывается ни в какие партийные "лозунги", вечно меняется и во внешних формах, и в своей условной "правде". По природе импрессионист, анархист, Семен Соломонович никогда не был так называемым человеком "убеждений", его мысль была причудлива, подвижна, часто парадоксальна, нередко он доводил свою мысль до чудовищного гротеска, но не сдавался никогда, в последнюю минуту всегда находя выход такой же неожиданный, как и сама мысль.

Жил Семен Соломонович жизнью очень характерной для большинства русских. Почти ни с кем из французов не сблизился, не интересовался ничем, кроме своих работ, своих мыслей, даже университет долгое время был на втором плане. Он, между прочим, кроме литературных работ, которые с каждым годом захватывают его все крепче, пишет множество писем друзьям, чрезвычайно интересных.

Живой, горячий, он часто увлекается; одно из таких увлечений едва не окончилось браком. Он очень страдал от измены любимой женщины.

Семен Соломонович не каждый год, но приезжал в Одессу навестить родных, повидать сына, который чуть ли не со дня рождения жил в семье отца.

Маленький Павел называл бабушку "мамой", дедушку "папой", а отца Сеней, долгое время считая его как бы братом...

В один из таких приездов он знакомится в семье невесты брата Михаила со своей будущей женой, Анастасией Соломоновой Зейлингер, которой тогда было двенадцать лет. В другой — застаёт отца, умирающего от мучительной неизлечимой болезни. Врачи допускали, что эту болезнь он мог получить от голубей.

Соломон Мойсеевич умер в 1895 году, в больнице, пятидесяти шести лет.

В том же 1895 году семья Зейлингеров приехала в Париж, и там была отпразднована свадьба брата Михаила. Он женился на Софье Соломоновне Зейлингер, старшей сестре Анастасии Соломоновны, в которую со всем пылом молодости влюбляется Семен Соломонович. Анастасия Соломоновна, прожив зиму в семье сестры, уехала в Одессу. Несомненно, мысли о женитьбе делают то, что Семен Соломонович работает тогда в университете уже по-настоящему. Но все-таки не забрасывается и литература. К тому времени накопилось множество заметок, набросков, начатых рассказов.

* * *

В конце студенческих лет, около 1900 года, Семен Соломонович посылает в "Русское богатство" рассказ "Портной", который был встречен Короленко в высшей степени доброжелательно. Потом Семен Соломонович посылает туда же первые главы "Распада", но Короленко находит их слишком мрачными.

Семен Соломонович, конечно, был чрезвычайно огорчен, но это никак не повлияло на работу, в нем жила слишком большая уверенность в себе, неудачи как бы вызвали взрыв энергии. И действительно — в результате появился первый большой рассказ "Ита Гайне", сразу создавший Семену Соломоновичу известность.

Почти все, что было написано Семеном Соломоновичем в парижский период, носит характер безнадежности — беспросветной, удушающей.

Казалось бы, жизнь в мировом городе, славившемся легкой, веселой жизнью, молодостью, кипучим нравом Семена Соломоновича, наконец, его любовь к прелестной девушке — все это никак не отражается в его тогдашних произведениях. "Семен Юшкевич" — настоящий, сияющий, с его юмором, сатирой и романтическими видениями — еще весь впереди... Семен Соломонович не раз говорил: "Достоевский дал мне в руки перо".

В 1901 году в Одессе Семен Соломонович женился на Анастасии Соломоновне Зейлингер и уехал с молодой женой в Париж.

В 1902 году были сданы все зачеты; случайно было отложено писание диссертации, которую так и не написал Семен Соломонович...

М. Горький обратил самое живое внимание на начинающего писателя. В 1913 году был издан в "Знании" первый том "Семена Юшкевича", два года спустя был переиздан — и с тех пор произведения Семена Соломоновича стали помещаться в сборниках "Знания". В то время для молодого писателя это была величайшая честь.

Со славой пришло и денежное благополучие, и вместе с Семеном Соломоновичем свободно вздохнула и вся семья.

Семен Соломонович говорил, что обязан Парижу всем: там он получил образование, там сложилось его мирозерцание, там прошли счастливейшие студенческие годы... Так ли это? Кто знает произведения Семена Соломоновича парижского периода, тому ясно, что он воспитанник русской культуры. Это был человек, лучше всего знавший и любивший только свой народ, крепко, душевно связанный только с ним, с его мечтами, с его страданиями, и ничего удивительного нет в том, что лучшие его произведения — именно из еврейской жизни.

Семен Соломонович начал свою литературную деятельность суровым реалистом русской школы; но уже в начале 1900 года задумывается над символизмом, литературные формы претят ему академическим шаблоном. Если бы Семен Соломонович не был по природе драматургом, можно было бы допустить, что он начал писать пьесы из ненависти к условиям прозы... Уже в 1900 году он делает наброски к пьесе "Чужая", пьесе символической, которая пережила целый ряд вариантов и занимала его внимание всю жизнь. "Все в масках, кроме одной", написанная в 25 — 26 годах, это в некоторых частях все та же "Чужая".

Еще с 1900 года Семен Соломонович зажил полной жизнью, почувствовав, что он писатель. Еще одно событие, и жизнь Семена Соломоновича становится уже определенной надолго. Это событие — рождение в 1903 году дочери Натальи, которое прошло не то чтобы незамеченным среди завязавшихся литературных отношений и большой работы, но Семен Соломонович не проявил сразу той необычайной нежности и восторга пред жизнью, которые ему внушали не только дети, но и беременные женщины... и только впоследствии это событие сказало во всей своей величине.

Это было время большой работы и большого подъема духа. И как раз в эту пору успехов, надежд, любви закрадывается в душу Семена Юшкевича мрачная тревога — он боится преждевременного увядания, ему опять, как в детстве, мерещится смерть... Этот неожиданный момент проходит как бы бесследно; но так ли это было на самом деле?

В 1904 году он работает над "Евреями", и в следующем году эта повесть выходит в сборнике "Знания" без последней главы, которая была урезана цензурой, это было после Кишиневского погрома. Время было тревожное, всюду шли аресты. Семен Соломонович волновался, боялся за сына, которому шел восемнадцатый год, за брата жены, юношу. Несмотря на то, что необходимых денег для путешествия не было, во имя спокойствия близких Семен Соломонович со всей семьей едет в Берлин, чтобы там пережить тревожное время.

В Берлине в один месяц он написал пьесу "В городе" — такой *tour de force* под силу только опытному драматургу... Но это была его первая пьеса. Этот взрыв творчества свидетельствует, что театр — его природное дарование, и неудивительно: едва он прикоснулся к кладу — он ему дался с места.

Как раз в 1905 году Московский художественный театр гастролировал за границей. Семен Соломонович встретился с труппой в Вене и прочел пьесу Немировичу-Данченко, который так заинтересовался своеобразной новинкой, что даже выдал аванс. Но в Художественном театре пьеса не пошла. Такие ошибки часты в театральном мире: пьеса по-настоящему была оценена только много лет спустя, за границей. В России она увидела свет в следующем году — в постановке Мейерхольда.

Сцена — хотя бы со своими условностями и рутинной, которые были так ненавистны Семену Соломоновичу, — все же ближе подошла к его горячему темпераменту; рама беллетриста оказалась для него тесной. У него было природное чувство к лаконизму сцены, он органически чувствовал секрет сценического движения.

Успех вскружил голову Семену Соломоновичу, творческий мотор горячо заработал, и он в том же году, летом, написал пьесу "Король".

И опять успех — неожиданный, головокружительный! "Король" принят на сцену Александринского театра!

Пьеса уже была сретепетирована, прошла генеральная репетиция... но кому-то из властей имущих не понравилась, и без объяснения причин "Король" был снят с репертуара...

Пьесой очень заинтересовалась Савина, которая употребила все свое влияние на защиту "Короля"; но и всемогущей тогда Савиной не удалось отстоять его для Александринской сцены. Савина была капризна, упорна и добила своей настойчивостью того, что "Король" — в том же составе актеров, что и на генеральной репетиции — пошел в Михайловском театре в пользу Театрального общества. "Король" шел три дня подряд.

Этот "неуспех", однако, стоил большого успеха. О начинающем драматурге заговорили, скандал с комментариями облетел всю театральную Россию, все театры. Этот неуспех дал театральное имя Семену Соломоновичу.

Савина ставила талант Семена Соломоновича чрезвычайно высоко, она называла его "вторым Островским", "наследником Гоголя" и в глаза, и за глаза. И правда — это не было пустой любезностью, каждую новую пьесу Семена Соломоновича она встречала с величайшим интересом и вниманием. Кажется, больше других пьес ей нравилась "Комедия брака" — несмотря на хлопоты перед дирекцией Императорских театров, Савиной на этот раз не удалось ничего добиться. Она отдала пьесу Суворинскому театру, который хотел ее поставить, но Семен Соломонович уклонился от этой чести...

Савина до конца жизни любила пьесы Семена Соломоновича. И уже незадолго до смерти она снова с молодой настойчивостью требовала постановки "Менделя Спивака" на Александринской сцене. Это было в конце 1914 года. И снова повторилось почти то же, что с "Королем" — "Мендель Спивак" прошел (один раз) в Мариинском театре в пользу того же Театрального общества⁹. Играла и Савина в этой пьесе маленькую роль. Это было ее последнее выступление на сцене...

После "Короля" была написана пьеса "Деньги" и поставлена в 1907 году в театре Коммиссаржевской. Еврейская часть публики устроила скандал. Пьеса была освищена, снята с репертуара и, кажется, больше нигде не появлялась.

В начале 1900-х годов в русской литературе царил Чехов, это было время прославления маленьких незаметных героев обыденной жизни. Героические времена прошли. Это раздражало Семена Соломоновича. Ему хотелось дать большую типичную фигуру, и он задумывает "Леона Дрея", своего любимого героя, который его занимает много лет.

Первый том "Леона Дрея" вышел в 1908 году.

Ни одно произведение Семена Соломоновича не вызвало таких нападков, не сопровождалось такой шумихой, не принесло столько огорчений. Но Семен Соломонович верил только себе и написал впоследствии еще два тома приключений Леона Дрея...

Тип Леона Дрея занимал его давно, уже в "Ите Гайне" подвизаются два "маленьких" Дрея: Михель и Яша. Леон Дрей — это, конечно, уже "тип", доведенный до гротеска. История рассудит, кто был прав: автор "Дрея" или его зоилы. Леон Дрей принес огромную популярность автору (впоследствии появился на экране кино). Параллельно с "Леоном Дреем" Семен Соломонович замыслил большой рассказ из нравов одесской Дерибасовской улицы. Он пишет его с большим увлечением, и, как всегда, последняя работа ему нравится больше всего раньше написанного, которым он вообще мало интересовался. Семен Соломонович любил повторять: "Нужно писать последним пером", — т. е. со всем напряжением сил, как будто с последней страницей обрывалась жизнь самого писателя.

Он придавал такое значение "Улице", что даже подумывал: не может ли эта картина нравов влиться перед парижским медицинским факультетом как вольная теза?...

Разумеется, и "Улица" — по тем же причинам, что и "Леон Дрей", "Ита Гайне" и др. — возмущает еврейское общество, которое упрямо повторяет: нет у нас сутенеров, проституток, шулеров...

Почти всю писательскую карьеру Семену Соломоновичу сопутствовала вражда — частью со стороны еврейского общества, частью русского (по разным, впрочем, причинам). Еврейское общество не могло простить его сатиры на буржуазию, как не хотело видеть трагедии разложения староза-

ветной семьи, нравов. Еврейское общество начала века любило своих старых писателей, живописующих быт еврейства, получившего, прежде всего, религиозное воспитание в вере отцов; оно привыкло видеть в художественном изображении только положительные типы, совершенно закрывая глаза на те перемены, которые произошли в мире за последнюю четверть прошлого века. Иные зоилы уверяли, что Семен Соломонович попросту не знает еврейского быта... Долго не могло примириться с Семеном Соломоновичем и русское общество, которое не могло привыкнуть к испорченному русскому языку, на котором говорили в городах "черты" еврейские ремесленники, маклеры и прочий рабочий люд.

Вопросом о том, что такое Семен Юшкевич как писатель, с его таким необычным театром людей, со странным нерусским языком, разрешили не те, которые должны были это сделать, не еврейское или русское общество, а публика, которая, не дозревая того, присоединилась к оценке таланта Семена Соломоновича, сделанной Короленко, Горьким, Савиной, Немировичем-Данченко, Горнфельдом и многими другими.

Нападки в обществе и в печати, разумеется, доставляли Семену Соломоновичу множество огорчений, обид. Но огорчения сменялись радостями — жизнь брала свое. Эти радости Семен Соломонович находил в семье. Когда Наташа была крошечной девочкой, он сам ее купал, кормил, рассказывал сказки, которые тут же сочинялись — он их мог рассказывать целыми днями! — по поводу первого бросившегося в глаза предмета. Когда Наташа подросла, он научил ее читать, рассказывал исторические эпизоды, рассказывал о чудесах химии. Но не одна семья доставляла ему те маленькие удовольствия, которыми мы по преимуществу и развлекаемся. Он любил и отдохнуть от семьи. Захватив с собой сотню "своих" папирос, он обыкновенно увлекал приятеля на целый вечер куда-нибудь в кафе, бильярдную; он любил угостить, посмеяться, пошутить. Были у него приятели и совсем юные; нередко его можно было встретить с неожиданным субъектом — бирюком, который окзывался другом детства. Да ведь эта буквально повторялась в нем черта его отца, который тоже любил куда-то уходить, встречаться с приятелями, раздавать деньги...

"Отец вел дела спустя рукава и считал, что незачем особенно трудиться, если в том нет особенной надобности..." — рассказывает Михаил Соломонович про отца. Таким же бесребреником был и Семен Соломонович. При его громадной выносливости, быстроте работы ему ничего не стоило наводить газеты и журналы своими произведениями, быть богатым, но он довольствовался необходимым. То, что Семен Соломонович работал немного, сослужило ему хорошую службу — за громадный период времени он не написал, за небольшим исключением, ничего слабого. Малких, "хлебных" рассказов, фельетонов он писал очень мало.

Приблизительно в 1907 — 1908 годах Семен Соломонович знакомится с одесскими художниками, с их "четвергами", которые с небольшими перерывами, видоизменяясь, существуют в Одессе по сей день и живут больше 30 лет. С художниками Семен Соломонович встречается близко впервые. Его все интересует в новой среде, так не похожей ни на какую другую. Он поражается, до чего эти люди дорожат друг другом — одна болезнь могла удержать от посещения "четверга". Даже жены художников, лютые враги "четвергов", были бессильны расстроить это содружество (жены художников не допускались на "четверги"). Молодые и старики часто веселились, как дети, на своих "четвергах". На "четвергах" Семен Соломонович встретил ту самую дружбу, которую он знал только в детстве, и, пройдя уже половину жизненного пути, наконец, встречает ее снова.

Величайшая его похвала новому знакомому была: "четвергист". Как и всюду, где он считал себя дома, так и на "четверги" он приносил оживление, смех, всегда он был во власти играющей в нем мысли, часто неформальной, уязвимой — и нередко Семену Соломоновичу жестоко доставалось от дружественной критики... Он никогда ни с кем не соглашался, и его трубный глас покрывал все голоса.

Семен Соломонович заинтересовался живописью, которая была ему чужда, хотя он и прожил в Париже десять лет. Он признавался, что "не видит, а только слышит", что ему непонятны краски, пейзаж. Тогда же он начал собирать этюды, картины, с большим вниманием прислушивался к тому, что говорились об искусстве. Кое с кем из художников он подружился.

Мало знакомые с ним люди его не понимали; он нередко отпугивал своей прямо-

(Продолжение на 14-й стр.)

⁹ В начале настоящего — 1927 — года в Нью-Йорке "Мендель Спивак" шел с огромным успехом.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11 — 13-й стр.)

той, резкостью суждений и этим наживал множество врагов. Что это был за человек, который, не соизмеряя своих сил, брался за вопросы, заведомо неразрешимые? Однако именно эти вопросы и волновали его. Он бился над вопросом, как выйти из узкого круга обычных человеческих отношений, освободиться от опеки морали, которая ему уже не нужна, от религии, которую он уже изжил. Ему мерещилась жизнь в новых формах, которая была заманчива только как намеренно отдаленного, но как только он подходил к ней вплотную — с ужасом видел, что он опять в цепи ненавистного "круга"! Он как бы чужд был мистике, вопрос о бытии у него полностью разрешался на земле. Он ничего не имел против пенатов, но отрицал Бога... Был суверен. Многие думали, что этот большой человек, казавшийся таким жизнерадостным, с громким голосом, размашистыми манерами, любитель вкусовых ощущений, посетитель кафе, клубов, бильярдных — просто любитель "пофилософствовать"... Но это только казалось тем, кто его встречал мельком, и, вероятно, мало кто догадывался, что недоумения перед жизнью и смертью его глубоко потрясали. На "четвергах" он встречал людей, свободных от условностей, там он был понятен, нужен и любим. Часто четверговые беседы заканчивались только на заре где-нибудь в ночном ресторане или в бесконечных прогулках в нежных предутренних сумерках, среди пыльных дорог, среди уснувших садов и дач. Этот период жизни Семена Соломоновича — его счастливейшие годы, хотя ни он, ни его тогдашние друзья этого не подозревали...

Знаем ли мы, чужды ли мы счастью на земле? Не кажется ли нам, что сегодняшний день — это только прелюдия к чему-то лучшему, "настоящему", которое должно прийти? Только очень редкие люди наслаждаются жизнью непосредственно. Сколько тогда было разговоров о ничтожестве жизни, надоедливой, повторяющейся в замкнутом круге, из которого разве только революция может вывести... Семен Соломонович и его друзья были совершенно искренни, они были из тех несчастливцев, которые тяжело переживали жизнь.

Иной раз, указывая слабые места своим коллегам, Семен Соломонович любил упреждать выражение: "Здесь не работало сердце, здесь нужно дать поработать сердцу..." Даже тогда, в его счастливейшие годы, когда он достиг особенной полноты и силы творчества, когда материальные заботы уже выпали из обихода мыслей, его не оставляли печальные сомнения о непрочности пресловутого земного "счастья", о страшной роли случайного... А сердце все "работало" — и "работало" горячо.

В 1909 году Семен Соломонович рано выехал на дачу. Слишком радостно в тот год волновали его задуманные им пьесы. Он ложился в 9 часов вечера, рано вставал. Он хотел воспользоваться тем, что друзья его по "четвергам" выезжали на дачи обычно поздно, а встречи с ними, как ни были приятны, оттягивали от работы.

Работал он всегда быстро, но не много; но тут, изменяя своему обычаю, засел за работу основательно. В это счастливое урожайное лето он написал две пьесы, на редкость удавшиеся, чудовищно противоположные и по содержанию, и по значению: это были "Miserere" и "Комедия брака". Радость творчества и удача этого лета надолго озарили его жизнь.

Также легко, без особенных трений прошли обе пьесы по России, принесла и новую славу, и большие деньги.

В 1910 году "Miserere" впервые прошла в Московском художественном театре — заветная мечта каждого русского драматурга увидеть свое детище в Художественном театре, наконец, сбылась!

Хотя "Комедия брака" пользовалась всюду громадным, исключительным успехом, были в ее триумфальном шествии и опасные моменты. В Киеве, например, еврей-

ское общество было чрезвычайно возбуждено и возмущено пьесой, где автор позволил себе осмеять еврейскую буржуазию, которая якобы ничего общего не имеет с еврейской жизнью, сплошь выдуманная и т. д. Решено было устроить публичный скандал. В большом зале Литературно-артистического общества, битком набитом, судили пьесу и автора, который случайно присутствовал на "митинге". Были подготовлены подходящие "ораторы", предполагалась уничтожающая критика... Хотя "негр" и сделал свое дело, но как-то случилось, что митинг окончился "оправданием" и форменным чествованием Семена Соломоновича...

Между прочим, зародыш "Комедии брака" или, вернее, ее эпизод, сцена первого действия, навеян картиной И. Грабаря, изображавшей ряд женщин не то на вечере, не то в приемной у врача.

В 1911 году была написана и поставлена в Одессе пьеса "Бес", вокруг которой разыгралась чрезвычайно характерная комедия.

В это время в Одессе издавалась копеечная газетка "Одесская почта" уличного пошиба, составившая своему хозяину, некоему г-ну Ф., миллионное состояние. И потому, что "Беса" восхваляли "Одесские новости", с которыми "Одесская почта" всегда враждовала, и потому, что "другу народа" г-ну Ф. казалось, что эта пьеса враждебна еврейству, он поднял целую газетную бурю; не было дня, чтобы и автор, и пьеса, и редактор "Одесских новостей" не обливались ушатами грязной воды. Разумеется, и "Новости" в долгу не оставались. Но в Одессе эта полемика только разжигала любопытство, и "Бес" прошел тридцать раз подряд — для провинции случай неслыханный. Неудивительно, г. Ф., зная, что пьеса должна обойти города Киев, Харьков и др., повел там настолько энергичную агитацию, что антрепренерам пришлось отказаться от турне.

Семен Соломонович не только не "возненавидел" своего "врага", но и продолжал вести с ним знакомство... Нужно было слышать, как с ним болтал Семен Соломонович!

Семен Соломонович, приобретший еще с детства навык обращения с людьми, в веселые минуты часто устраивал самые неожиданные спектакли. Облюбовав "жертву", он начинал играть с ней, как кот с мышью. Пустяки, мелочи, "невинные" вопросы часто приводили "обреченного" в отчаяние, а парировать тем же оружием было нелегко.

Однажды на "четверге" Семен Соломонович уговорил одного господина выложить на стол содержимое его карманов... В карманах оказалось множество неожиданной чепухи. Нужно было слышать, каким конферансье в таких случаях бывал Семен Соломонович! Но бывало, Семен Соломонович попадал на строптивую "жертву". Казалось, опасная игра должна вызвать неминуемый скандал, но выходило так, что как-то незаметно "жертва" усмиралась, поглаживаемая по шерсти большой рукой Семена Соломоновича... Нередко "жертва" становилась приятелем Семена Соломоновича.

Годы шли, творческий мотор Семена Соломоновича работал ровно. В 1912 году вышли второй том "Леона Дрея" и большая повесть "Вышла из круга". В 1913 году появились "Голуби", в этой книге Семен Соломонович воспекает голубиную охоту отца, погружаясь в воспоминания детства. И здесь не обошлось без нелепых придирок, на этот раз — бюстистелей нравственности... Книга была написана для детей.

Но вот придвинулся 1914 год...

Ранней весной Семен Соломонович выехал в Париж, предполагалось там встретиться с братом Павлом, но встреча не состоялась. Пробыв недолго за границей, Семен Соломонович вернулся домой. Но потянуло опять в Париж, опять поманила встреча с любимым братом, и потом, все были здоровы, веселы, была возможность — можно было покартинничать и полениться... И снова Семен Соломонович едет в Париж, разумеется, с семьей. Но Париж на этот раз быстро утомял, потянуло домой, потянуло блаженное одесское лето на берегу моря. Семен Соломонович поселяется на люби-

мом Большом Фонтане, как всегда, на одной и той же даче, накапливает кур, уток, гусей... Он был настолько активен, что его семья не знала никаких забот по хозяйству; все главное он брал на себя, во все вникал, всем интересовался и при всем том — никогда не был мелочен, плохо считал деньги...

Но вот разыгрывается Сараевское событие — страшный пролог к еще более страшной кровавой драме, унесшей целое поколение цветущих людей. События шли быстрым темпом, и никогда еще человечество не было так взволновано, никогда с таким захватывающим вниманием и ужасом не следило за актерами и статистами войны. Все уже предвидели, что война окончится так долгожданной революцией... Все уже чувствовали, как вклинивается в мир грубо и непреодолимо что-то новое, что к прошлому нет возврата, что для слишком многих жизнь окончена.

Разумеется, Семен Соломонович один из первых пережил все страхи за будущее и все волнения. Для человека исключительно впечатлительного это были не волнения, а настоящие страдания.

Кроткая и умная Анастасия Соломоновна умела смягчать тревогу мужа, поддерживать в нем жизнь, веру в себя, она умела в минуты раздражения Семена Соломоновича помолчать, давая ему тем возможность излить свое раздражение. Но не было возможности успокоиться. Всюду разговоры о войне, нелепые слухи. Семен Соломонович вечно сидит в кафе, в клубах, в редакциях, читает все газеты...

В семье был такой милый обычай — в трудные минуты, супруги говорили друг другу: "Улыбнемся!" И улыбались, и становилось на душе легче...

Но все в мире сем имеет сроки: горе, и радость, и все другое живое — и не так уж и большие. Природа сама заботится о себе, наши чувства быстро грубеют, заключаются в кокон и погружаются куда-то в глубины сознания. Если их не тревожить, то они и замирают, и не мешают жить. Франция, Германия, Австрия больше страдали — и там жизнь почти замерла, но Россия, огромная и богатая, в своем глубоком тылу жила и работала во все время войны и даже в начале революции.

В 1914 году Семен Соломонович написал "Менделя Спивака", в 1915 году — "Человека воздуха", в 1916 году — "Повесть о господине Сонькине" и закончил "Город Иты". Но под конец события лишили минимума спокойствия всех, все растерялись, о работе трудно было думать.

В 1917 году в семье Семена Соломоновича произошли два события: сперва умерла матушка Семена Соломоновича, Анна Григорьевна, потом родилась дочь Нина. После печали — с рождением Нины в семью вошла радость, озарившая надолго дом Семена Соломоновича.

Война на фронтах прекратилась и перебросилась в города, в села. Север фатально оказался под властью большевиков — и за радостью в семью Семена Соломоновича пришли новые огорчения, тревога за драгоценную маленькую жизнь. Семен Соломонович следит за каждым дыханием, за каждым биением сердца своей девочки, записывает каждое ее слово, очерчивает ее крошечные ручки, ножки на страницах дневника... И опять война, теперь на улице, в двух шагах от колыбели ребенка — было отчего волноваться. Начались перемены власти... Город наполнялся бандами грабителей, хулиганов, проходивцев.

В 1919 году Семен Соломонович справил свой 25-летний юбилей в дружеской среде. Потом Литературный клуб устроил чествование, которое прошло слабо — время было смутное: нельзя было появиться ночью на улице, не только снимали пальто, но нередко раздевали до рубашки, грабили и среди бела дня...

В 1919 году был закончен третий том "Леона Дрея".

"Этот дневник Семен Соломонович вел до последних своих дней."

В 1918 — 1919 годах Семен Соломонович был редактором издательства типа петербургской "Универсальной библиотеки", которое, несмотря на ограниченный югом рынок, шло прекрасно чуть ли не в 1920 году, уже при большевиках.

Семен Соломонович активно не занимался политикой никогда, и это его спасло от руки военного коммунизма.

В 1920 году нужда впервые постучалась в двери Семена Соломоновича. Почти вся его коллекция этюдов и картин была продана за гроши. Потом пришла очередь вещей...

При таких обстоятельствах в России дольше оставаться было невозможно, и Семен Соломонович решил уехать с семьей за границу. Тогда это предприятие было трудное и рискованное — множество людей погибло при переходе границы, но Семен Соломонович все же уехал.

Так для Семена Соломоновича окончился величественный сон, который когда-то назывался Россией.

* * *

Переход семьи Семена Соломоновича через румынскую границу был болезненным. Если бы не то, что в чемодане оказалась книга с портретом, если бы не то, что арестовавший семью солдат был болен и Семен Соломонович помог ему, если бы вовремя случайно не встретились люди, которые оказались полезны беглецам... Неизвестно, чем бы все окончилось... Судьбе угодно было сохранить семью Семена Соломоновича. Бельцы, Кишинев, Яссы, Букарест. Везде Семен Соломонович устраивал литературные вечера, горячо встречаемый новоявленными "румынами"...

Потом Париж. Европа действовала на Семена Соломоновича умиротворяюще; но это настроение продолжалось недолго, тоска по родине, по родным и друзьям скоро начала отравлять счастливые минуты освобождения.

Жизнь без своей земли, ничем не связанная с новыми местами, укладом быта, интересами, скудость писательских заработков в эмиграции, наконец, сознание непрочности гостеприимства бывших "врагов", как и бывших "друзей" — все это глубоко угнетало Семена Соломоновича. Оставалась Америка, единственная страна с колоссальным размахом, еще более огромным, чем до войны.

С трудом, но нашли деньги для дорогостоящего путешествия, и в 1921 году Семен Соломонович с семьей уехал в Америку. Между прочим, очень помогли Семену Соломоновичу несколько этюдов Левитана, вывезенные из России.

Путешествие оживило его. Океан, новая могучая страна поразили его необыкновенно.

И опять Судьба вмешивается в его жизнь... При самом въезде в Нью-Йорк Семену Соломоновичу бросается в глаза афиша, объявляющая о постановке его пьесы "Повесть о господине Сонькине" — разумеется, без его ведома и согласия... Но, несмотря на удачу, которые ему сопутствуют с первого же дня, Семен Соломонович скоро убеждается, что начинать новую жизнь в такой стране, как Америка, поздно, опасно...

В Нью-Йорке сразу завязались полезные знакомства, нашлись и почитатели его таланта, и множество земляков. Но все же оставаться в Америке было страшно. Семен Соломонович прожил в Нью-Йорке около трех с половиной месяцев и вернулся во Францию.

Ресурсов для жизни было не несколько лет. Появилась возможность отправлять в Россию посылки через А. Р. А., и это делает Семен Соломонович широкой рукой, не щадя средств. Сначала он живет в Париже, потом переезжает на лето к морю, в Mers-les-Bains, и там начинает писать. К тому времени относятся рассказы "Автомобиль", "У реки", "Короткая история". Однако тогда в Германии было жить легче, чем во Франции, и Семен Соломонович переезжает в Берлин, потом на лето в Эмс и там с большим воодушевлением, очень быстро написал книгу "Эпизодов" из жизни при большевиках.

Книга была написана так молодо и свежо, юмор ее был так легкий и, в то же время, между строк было столько живой правды, что она оказалась тогда единственной значительной книгой о России в первые большевистские дни.

Книга имела очень большой успех; но успехи уже не радуют, не возбуждают Семена Соломоновича. Очень уж его угнетало то, что его близкие страдали в России от холода и голода, болезней...

В 1922 году в книгоиздательстве "Москва" были изданы три тома "Леона Дрея". Союз христианской молодежи⁹⁾ скупает все издание и сжигает его. Конечно, был "протест писателей", но событие отозвалось в душе Семена Соломоновича.

С виду, особенно на людях, Семен Соломонович был как бы прежним — шумливым, живым, общительным; он посещал открывшийся тогда в Берлине писательский кружок, не прочь был поискать с приключениями бутылку редкого вина, попить, но это был, на самом деле, другой человек — жизнь уже ушла наполовину из мощного тела. Он все чаще и чаще заговаривает о смерти, об ужасе лишиться дыхания, солнца, погрузиться в тот неведомый мрак, который страшнее всех ужасов земных... И не договаривал, не высказывал самого главного, последнего затаенного страха — лишиться обожанной семьи, которая была для него дороже славы, дороже солнца и дыхания.

Наташа, старшая его дочь, училась тогда у Превости. И Семен Соломонович следит за каждым ее шагом, радуется ее успехам, огорчается ее огорчениям, с радостным биением сердца прислушивается к очаровательному тембру ее голоса. Радует его и наполняет семью светом любви маленькая Нина; по-прежнему он ведет ее дневник и любящей рукой вписывает туда каждую мелочь, каждую черточку жизни обожанной девочки, по целым дням рассказывает ей сказки. И, в то же время, безумно волнуется, узнав о том, что брат, Михаил Соломонович, заболел сыпным тифом. Он часто не ел, два месяца не выходил из дома... Посылает телеграммы и "умирает от страха", как он пишет в одном из тогдашних писем.

В следующее лето Семен Соломонович опять в Эмсе, вместе с приехавшими из России братом Михаилом Соломоновичем и его женой. В Эмсе Семен Соломонович, как и в первый приезд, поселился в отеле, среди парка, в котором когда-то жил Александр II с княгиней Юрьевской. Этот отель отвоёвывали немцы у французов под "Убежище для отдыха ученых и художников". В 1923 году французы в Эмсе немцев не впускали, и поэтому Семен Соломонович с семьей брата являлись почти единственными обитателями роскошного дома среди парка. По иронии судьбы, в бывшем кабинете Александра II-го Семен Соломонович работал над "Эпизодами"...

Для семьи Семена Соломоновича это было самое сравнительно спокойное время за всю эмиграцию. Семен Соломонович наполнял обширный дом жизнью, много читал, спорил, часто бывал шумно весел.

Переехав в Берлин в сентябре, в разгаре инфляции, Семен Соломонович разволновался, в то время очень недвусмысленно стали проявляться ксенофобские инстинкты. Наконец, русские издательства, которых тогда было чуть ли не шестьдесят, стали прекращать свою деятельность. Началась тяга в Париж. Переехал в Париж и Семен Соломонович. Сначала он поселился в окрестностях Парижа, в Enghien-les-Bains, и здесь во второй раз в жизни он перенес сердечный приступ, правда, без последствий, скоро забытый⁹⁾.

В Enghien-les-Bains Семена Соломоновича начала удручать монотонная жизнь, он любил всегда жить там, где было оживление, много людей — и он перебрался в Париж. Прошла вторая книга "Эпизодов", такая же живая, интересная, как и первая. Книга, хотя шла хорошо, приносила ничтожный доход, а сравнительно большие деньги, вывезенные из Америки, уже подходили к концу...

Друзья от времени до времени устраивают Семену Соломоновичу литературные вечера, приносящие только временное облегчение; пришла пора задумываться не о романтическом будущем, а о прозаическом завтрашнем дне.

Нужно было предпринять что-то решительное, но что? Писателю-эмигранту в Европе своими силами трудно выбиться на свободу, и вот Семену Соломоновичу приходит идея создать русский театр. Но если это было возможно в некоторых других центрах эмиграции, то в Париже оказалось невыполнимым. После двух, трех спектаклей пришлось отказаться от мысли о русском театре в Париже.

Кажется, специально для этого была написана Семеном Соломоновичем одноактная пьеса "Домик сумасшедшего", в которой воплотились все лучшие стороны его таланта: юмор, теплое отношение к жизни и великая жалость к людям. В этой драгоценной маленькой картинке выражено столько скорби по утраченной родине, по богатой и свободной жизни, так горячо плачет и тоскует его герой по своему городу, что вряд ли найдется нечто равное во всей эмигрантской литературе. В этой пьесе сердце Семена Соломоновича "поработало" всю...

Наташа по-прежнему берет уроки пения, потом блестяще выдерживает экзамен в консерваторию, маленькая Нина учится танцам, потом поступает в лицей. Заласканное дитя, капризная и своевольная, она становится не по-детски серьезна, поступает в лицей, усердно посещая студию Преображенской. Начинаются у влюбленных в детей родителей новые заботы, новые радости и огорчения.

Меж тем, его последняя пьеса "Повесть о господине Сонькине" идет с большим успехом в Вене, Берлине. Знаменитая итальянская артистка Грамматика берет пьесу "В городе" в свое турне... Но все же доходы от пьесы слабые, львиную долю пожирают антрепренеры, переводчики, которые очень часто забывают... что нужно платить и авторский гонорар.

Страх за будущее все томит Семена Соломоновича, нужно как-то обеспечить себя — помимо ненавистных литературных вечеров... И вот он присматривается, следит за кинематографом, пробует писать сценарии и пишет их необыкновенно быстро. Изобретательности, забавной выдумки, интриги для интернациональной публики у него находится достаточно, но тут нужно два искусства, неравных; первое и самое большое — пристроить сценарий... И второе — написать его. А для этого нужно погрузиться в совершенно новую жизнь, в ад интриг и всякого искательства.

Но все-таки Семен Соломонович продал один сценарий и, конечно, превозмог бы все трения — это было видно по тому интересу, с которым обращались к нему "летучие" антрепренерские компании.

Семен Соломонович узнает (в конце 1926 года), что в Нью-Йорке идет его пьеса "Человек воздуха", да притом с большим успехом; меж тем антрепренер присылает ничтожный гонорар...

"Нужно ехать в Америку! Спасет только Америка!" Неукротимая энергия Семена Соломоновича, как всегда, возбуждаемая борьбой, и на этот раз побеждает — он находит необходимые средства. Его мучают сомнения, опасения... Он чувствует сердечное недоумование, скрывает это от семьи. Но семья уже чувствует беду, стремится удержать его от опасного путешествия...

Неумолимый страх перед смутным будущим берет верх, и Семен Соломонович с отчаянием в душе уезжает в Америку.

Семен Соломонович уехал, а с ним ушла жизнь из семьи. Все притихло, перестали посещать друзей, развлекаться, инстинктивно жалась друг к другу — точно уже чувствовали близкую трагедию.

Уехал Семен Соломонович, имея денег только в обрез... Трудный зимний переход через океан, мрачные мысли наложили тяжкий камень на большое сердце.

Но энергии еще много в нем, и он, полубольной, героически впрягается в непосильное ярмо нью-йоркской жизни. Семен Соломонович работает с утра до вечера, только была бы спокойна семья, только была бы весела и здорова семья! Посылаются в Париж письма, телеграммы, радио — он хочет знать все до последней мелочи: кто чем дышит, чего хочет, не болен ли кто? А сам свою развивающуюся болезнь таит про себя... Его нервы так обостряются, что он чувствует: его обманывают. Ведь он знает, что его любимая девочка больна! Знает, что успокоительные телеграммы — только желание семьи не огорчать его...

Письма Семена Соломоновича из Америки полны непрестанного беспокойства, он мучительно страдает от отсутствия детей, жены.

"Я беспокоюсь, а если беспокоюсь, то не могу ничего делать... А с известиями из дома я оживаю на день, на два... — пишет он. — Мои милые, прелестные! Не хочу вдумываться, что я без вас... Даже не знаю, как коротаю время... Целую вас и обожаю. Я вас обожаю, целую каждую в отдельности и всех, ибо все три — одно". И всегда один и тот же рефрен: "Главное, берегите себя и мою Ниню, не уставайте быть осторожными сами и с ней, чтобы я мог спокойно здесь жить, сколько нужно... О вас стараюсь не думать, но в сердце, глубоко в душе — там само думается: только будьте здоровы и благополучны. Целую вас и обожаю".

И во всех письмах из Америки среди обычного содержания всегда пробивается

дыхание жгучего беспокойства за обожаемую семью. Страшно подумать: все его надежды, все желания, весь мир сосредотачиваются только в детях и жене, которые для него теперь единое, неразделимое целое.

Великая любовь к жизни, к семье, казалось бы, и есть залог счастья? Но был ли счастлив Семен Соломонович — это большой вопрос. Этот вопрос приходится поневоле поставить несколько иначе: может ли быть счастлив человек с большим темпераментом, широким, любвеобильным сердцем, цельный человек, который не умеет наполовину любить, наполовину ненавидеть? Конечно, нет. Ведь на самом деле Семен Соломонович — воплощение матери, "вечно хлопотливой, огорченной женщины". Любящий человек эгоистичен, и каждая пылинка, которая садится на любимое существо, вызывает боль, а жизнь груба. Любящий человек, да притом с большим воображением, конечно, мученик своей любви. Таким мучеником и был Семен Соломонович.

Из Америки Семен Соломонович возвращается надорванным, но не показывает вида, что болен, скрывает это от семьи, от друзей.

Замечательно вообще здоровый, никогда ничем особенным не болевший, если не считать ангины, которая одно время одолевала его, он был необыкновенно мнитель. Бывало в счастливые времена: заболел желудком — заваливается в постель, окружает себя старушками-тетушками, ведет бесконечные разговоры... и так мог лежать неделями.

Однажды, это было в Петербурге в 1912 году, он слег, вообразив себя больным холерой, дело дошло до того, что он уехал за границу. Он был болезненно острожен с пищей, без тщательного осмотра никогда не ел, особенно не дома. И вот, когда пришла настоящая болезнь, он становится неожиданно легкомысленным, ест и пьет не вовремя, часто поздней ночью, даже пьет вино, делает все наперекор советам врачей; "назло" неизвестно кому, сердясь, хочет обмануть организм, обмануть себя, близких. Врач по образованию, он слишком все знает; знает, что крепкий организм сам борется с болезнями, которые как бы сами собой и проходят. Верит в благоприятные случайности, надеется, что сердце опять "станет на рельсы", как уже бывало; но становится хуже — он опять замучивает себя мрачными мыслями, неделями сидит дома и при встрече со знакомыми теперь особенно красноречиво, методически описывает, как после смерти труп человека разъедает черви шести пород... великодушный труп человека, упитанный всякой едой и яствами...

И смеется, издевается над врачами, над жизнью, которая так бессовестно "обманула". "Нет! — восклицает он. — Не дам себя червям!" — и заказывает, чтобы после смерти его сожгли. Он охотно говорит о бессмертии, о Боге, совершенно отрицая и Бога, и его проявления в чуде самой жизни и проявлениях еле уловимых сил, эманаций мысли, воли. И в то же время — суеверен, верит в приметы... Он вечно спорит с братом, с друзьями об интригующем его "тайнственном", от которого самым решительным образом отмахивается, находя, что и ад, и рай только здесь, на Земле. И вот в то же время его тянет к этим разговорам...

Врачи прописывают полный отдых; летом он едет на юг, в Juan-les-Pins; там, у моря он чувствует облегчение, и если бы не то, что Наташа осталась в Париже держать выпускные экзамены в консерватории — было бы все хорошо! Он, конечно, постоянно пишет письма, требует подробнейших ответов... Наконец, дочь в семье. Семен Соломонович чувствует себя настолько хорошо, что, позавыв примитивную осторожность, купается в море, плавает, катает в лодке свою любимую девочку, каждый вечер посещает казино и вообще ведет себя как здоровый человек. И, в то же время, пишет друзьям в Париж, что сердце все же "бухает"...

Из Juan-les-Pins Семен Соломонович заехал к брату в Виши и там заболел серьезно желудком. Вернувшись в сентябре 1926 года в Париж, он, кажется, понял все...

Семен Соломонович запирается дома; его все раздражает — и люди, и шум улиц; он не хочет ни с кем встречаться, ничто его не интересует. Он то педантичен в лечении, то, махнув рукой на все, живет, как хочется, то, несмотря на запрет, работает. Со стороны казалось, что, по природе мнительный, Семен Соломонович все преувеличивает, но скоро это перестало казаться, особенно после того, как он пережил сердечный приступ, настолько тяжелый, что был выписан из Ниццы брат Михаил Соломонович, доктор. И опять сердце начало находить свои "рельсы".

Так как у Семена Соломоновича желудочные недомогания были в связи с серд-

цем, то он был принужден согласиться на жесткий режим.

В это время Наташа получила ангажемент и должна была ехать с труппой в Испанию.

Это было большое событие в семье. Уезжала в первый раз из семьи любимая дочь, одна, в незнакомую страну — пришла сразу и большая радость, и большое огорчение.

Семен Соломонович каждый день пишет письма, малейшее промедление с ответом вызывает телеграммы. Предполагалось даже всей семьей ехать в Испанию...

Семена Соломоновича интересует всякая мелочь, касающаяся дочери, труппы. Каков театр? И где помещается — в центре города или в стороне, и каков сам театр, быть может, "вроде театра на Ternes или вроде театров на больших бульварах?" "Как было твоё выступление, что чувствовала?... Выходила ли раскланиваться один раз, два раза, или совсем не выходила?... Появляется ли кто-нибудь из публики за кулисами?" — и т. д., и т. д. И, как всегда, постоянные волнения, опасения... "Драгоценная, береги себя — это самое важное, я только об этом и думаю. Будь веселенькой, жизнь моя, не хмурься ни на что, хохочи, развлекайся!.. Желаю тебе успеха, дуся, и напиши нам, как решаешь с нашей поездкой в Испанию... Вчера в семь часов аплодировали тебе я, мама и Ниня. Обожаю и целую, будь беззаботной..."

Дни без Наташи кажутся бесконечными, а письма иной раз не доходят или опаздывают, ожидание сменяется волнениями, тоской.

"...Скучно — и передать нельзя. Мы весь день говорили о тебе. Ох, если бы уже письмо. Вечером чувствую тебя в театре, аплодируем... Все мои мысли только о тебе и Нине. Но прежде всего — о тебе. Тебе надо уже устраивать свою жизнь, постепенно выдвигаться. И это есть настоящий, живой интерес. Ко всему остальному я стал равнодушен. Даже к писанию. Ну, еще напишешь рассказ, пьесу, несколько пьес, прибавится еще моих книг... А ты — другое дело. Живое, молодое, интересное. Важно развиваться и добиться отличного места в жизни. Целую тебя крепко, крепко, жизнь моя! Веселись, береги себя. Обожаю, твою..."

Суровое лечение с голодным режимом то помогало, то неожиданно Семену Соломоновичу становилось хуже. Михаил Соломонович, все время оставшийся при брате, изучил новейшую литературу о болезнях сердца, но как раз нервные заболевания исследованы меньше всего; слишком непонятна до сих пор эта сторона жизни сердца, которое по внешнему виду остается совершенно здоровым. Обращался Семен Соломонович и к современным знаменитостям, но, и медицинская литература, и практикующие врачи давали ответы неясные, по преимуществу это были общие места.

Последние недели своей жизни Семен Соломонович был на людях таким, как всегда, но все чаще и чаще в его голосе звучали еле уловимые скорбные ноты. Россия, друзья, радость жизни — все в прошлом. Все окончено, жизнь окончена — повторял он не раз при встречах с друзьями.

Неизменно вспоминал Семен Соломонович своего "папу, ничего не боявшегося", его знаменитую голубиную охоту, лошадей. Вспоминал сияющие, голубые дни на Большом Фонтане, море, теплые ночи, долгие прогулки с друзьями... О чем говорилось тогда? О невыносимой, мертвой, однообразной жизни — и это в счастливейшие годы! "Ничего не знаем — дети!" — возмущался Семен Соломонович.

Незадолго до смерти он был у друзей. Помянули "веселые дни", но уже без вина...

Семен Соломонович сидел, сгорбившись, и, лукаво блестя добрыми, грустными глазами, тихо запел песенку о том, что все уже прошло — и прошло навеки...

Только несколько слов, но в них была вложена такая горячая печаль, которой нет выражения на бедном человеческом языке.

Все поняли, были смущены и неестественно весело заговорили о другом.

Спустя шесть дней Семен Соломонович снова навесил своих друзей. Поднявшись на лифте, почувствовав недомогание, он постоял на площадке у дверей и, не позволив, уехал домой...

В три часа ночи Семен Соломонович проснулся от боли в желудке. Пульс не внушал никаких опасений. Потом боль перешла на сердце. Братом, Михаилом Соломоновичем, были приняты все меры к облегчению приступа — и постепенная боль начала проходить.

— Улыбнись мне, — сказала Анастасия Соломоновна, памятуя обычай...

Семен Соломонович улыбнулся жене, закурил папиросу... но закинулась голова, закатились глаза... и Семена Соломоновича не стало...

(Публикация Виталия Амурского, Париж.)

⁹⁾ В типографии которого печатался "Леон Дрей".

⁹⁾ В первый раз приступ случился в Петербурге в 1815 году.

Петр Нилус

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

Из книги С. Юшкевича "Семь дней и др. рассказы".
Париж, 1933 год.

Маленькому Сене было два с половиной года, но у него уже проявились все инстинкты, открылись полные внимания уши, глаза, определялся своеобразный характер. Все способствовало его раннему развитию: большой портовый город Одесса, в котором он родился, место, где прожил до юношеского возраста, люди, которые его окружали.

Семья жила недалеко от порта, у обрыва, под которым расположена старейшая часть города; сперва на Военном спуске в д. Ковалевского (где родился Семен Соломонович Юшкевич в 1869 году), а впоследствии на Приморской улице, в доме барона Стюарта, неподалеку от дома Ковалевского.

Одесса была тогда одним из богатейших портовых городов Европы, торговала со всем миром. Жизнь порта пестрой волной проходила мимо самих окон домов Ковалевского и Стюарта. Бесконечные вереницы разных видов телег, платформ, груженных колониальными товарами, тянулись бесконечным, медленным, широким потоком. Апельсины, лимоны в раздувшихся пахучих ящиках, бочки вина, коринка, ваниль, перец, грецкие орехи — все это благоухало и волновало воображение, а навстречу им продвигались тяжелые возы и "биндюги" с мешками пшеницы, ржи, ячменя, муки. Днем и ночью в порту кипела работа — разгружались суда. Турки, греки, кавказцы, местные "босаки", полуголые грузчики, торговцы у лотков, скрежетание лебедек — все это наполняло приморскую часть Одессы днем и ночью шумом и гамом большого порта.

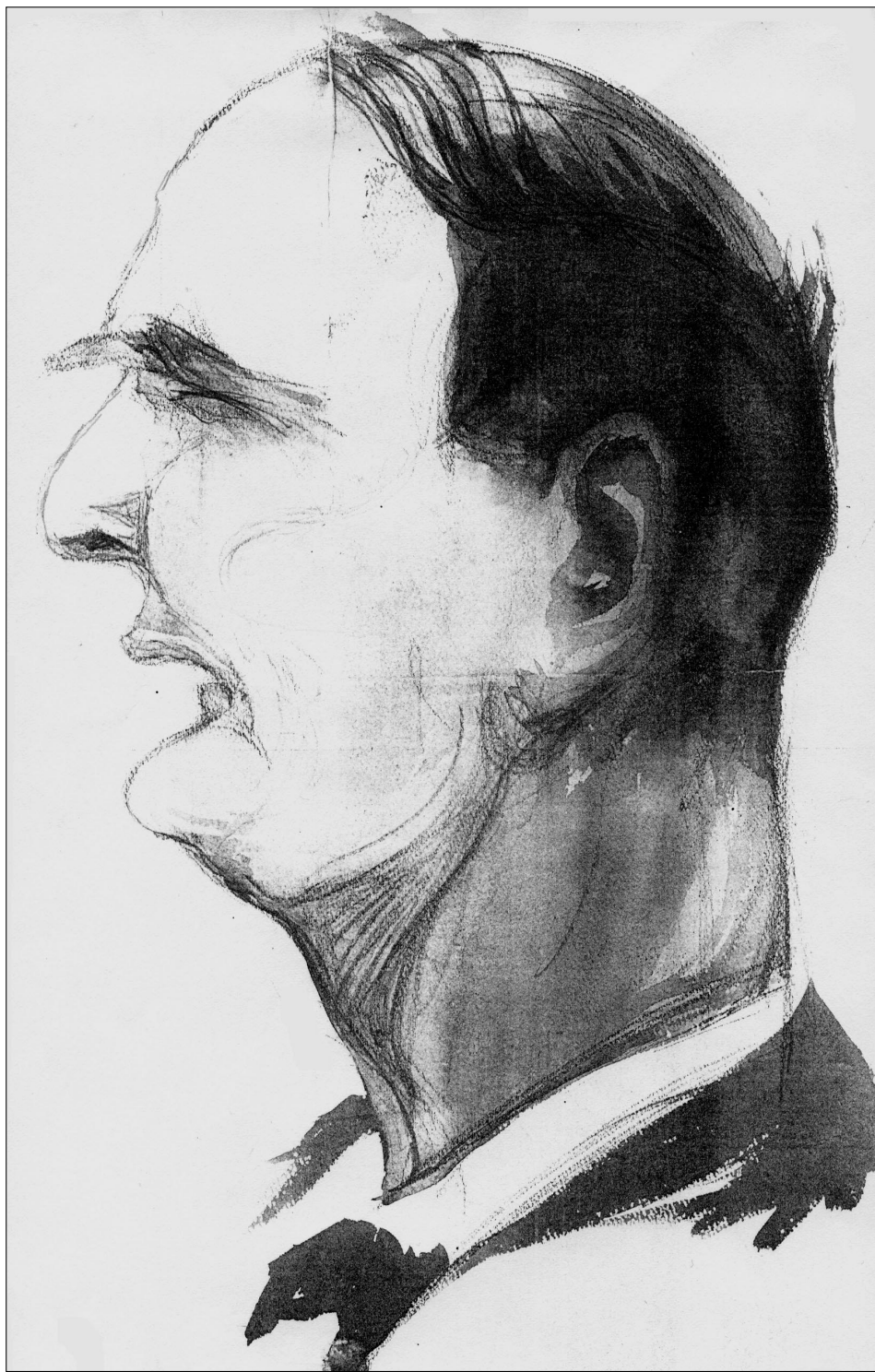
Вдоль прилегающих к порту улиц было множество лавок, торговавших самым разнообразным товаром. Среди них была торговля Соломона Мойсеевича и Анны Григорьевны Юшкевичей, там же они и жили с многочисленной семьей, менявшейся в своем составе. Всех детей было четырнадцать, но болезни уносили слабейших, так что основная семья состояла из отца, матери, бабушки (по матери), трех братьев и сестры, но был момент, когда в семье росли восемь детей.

За домом, в котором помещалась лавка, шел огромный двор с квартирами, конюшнями; тут же, во дворе, была и знаменитая голубятня Соломона Мойсеевича. За двором подымался обрыв, шедший вверх площадками, заросшими кустарниками, глота, сирени, акациями, уккусными деревьями, тамарисом. С террас обрыва открывался вид на море, на залив — с гаванями, волнорезами, маяком, пакгаузами, домами, заводами, за которыми пестрой стеной возвышались паруса, мачты, трубы, откуда доносились уханье катеров, гудки пароходов, свистки локомотивов. И все это, залитое южным солнцем, живое и волнующее — все это были первые впечатления маленького Сени.

Про капризы, шалости, выдумки Сени в семье сохранилось много анекдотов.

В 1871 году, в дни Пасхи, когда в Одессе разразился первый погром, Соломон Мойсеевич устроил семью в гостинице. Сене тогда было два с половиной года. Оставшись среди перепуганных женщин, он капризничал невероятно, надоедал всем, упрямо требую, чтобы ему сделали шляпу из мацы... Нередко на улице, если ему отказывали в чем-либо, особенно — купить сластей, садился на землю и не вставал до тех пор, пока не исполняли его желания. Однажды, за что-то наказанный, в холодный зимний вечер он исчез; его принялись искать всем домом с фонарями — нигде не было! Наконец, его нашли на дереве и принуждены были силой стащить оттуда.

Когда Сене было три года, его определили в еврейское училище, в котором, впрочем, преподавали на русском языке. В школе ученики проводили весь день. Служители, провожавшие детей в школу и обратно домой, обыкновенно отымали у них большую часть еды, которую они брали с собой, а учителя жестоко поколачивали своих питомцев. Школа не понравилась Сене... И вот он уверил всех, что у него болит нога, захромал... Его оставили в покое, и только через два года он снова поступил в эту школу.

Семен Юшкевич.

Шарж М. Линского.

Воспитанием детей никто не занимался. Присматривала за детьми бабушка, которая, в то же время, была занята и по хозяйству, и в деле.

Мать, высокая, статная, красивая женщина, обладала замечательным практическим умом, отличалась живостью, общительностью. Дела, хозяйство, многочисленная семья были для нее тяжелой жизненной ношей, и нет ничего удивительного, что она была всегда взволнована, раздражена, вечно на что-нибудь жаловалась, всем была недовольна. "Матери, хлопотливой и всегда огорченной женщины, мы не боялись", — замечает Семен Соломонович Юшкевич в "Очерках детства"¹. И дальше: "...всегда она что-то требовала, пророчила, жалуясь на свое бессилие справиться с нами. Или причитала о том, что годы летят и мы вырастем легкомысленными людьми, никуда не годными, ни на что не способными, будем нищими, так как время уже не такое, как прежде". И при всем том она обладала, как большинство женщин ее склада характера, несокрушимой энергией.

Отец внешне, душевным обликом, жизнью представлял собой исключительную фигуру, особенно среди еврейства. Великан, человек легендарной силы, на голову выше сыновей, отличавшихся большим ростом, часто мрачный, вспыльчивый, он был в то же время необычайно добр. В молодости знаменитый кулачный боец, гроза парней Слободки и Пересыпи, он не любил торговли, не был жаден до денег; с принятием в дело компаньона (брата жены) он освободился от непрямого личного участия в торговле — и занял своей жизнью. Он был страстный голубиный охотник. За пару редких голубей плачивал по двадцать пять, пятьдесят рублей, что для того времени было неслыханным. Он возил компанию с охотниками и разными "странными" людьми, которых мать на порог к себе не пускала, предпочитая знакомства с теми, "кто богател, делал дела". В свою очередь, отец ненавидел знакомых жены, эти

знакомства приводили его в ярость, вызывали в доме вечные ссоры.

Соломон Мойсеевич был человек мало религиозный и только в большие праздники брал места в синагоге.

"Отец по характеру был большевиком, ненавидел все буржуазное", — рассказывает Михаил Соломонович Юшкевич.

Мать любила детей до безумия, но их было много, трудно было управиться с ними; она постоянно надоедала отцу жалобами на детей; эти жалобы иной раз оканчивались тем, что отец порол детей самым настоящим образом...

Дети боялись отца, но и любили его; всегда озабоченный, сумрачный, в веселые минуты он светлел — и тогда благоволение и радость разливались в семье. Отец отлично играл на гитаре и подпевал, у матери в молодости был голос.

Отец не любил рассказывать о себе, но кое-что о подвигах его молодости доходило до семьи и окружало отца ореолом славы, таинственности. Вот один из самых знаменитых подвигов Соломона Мойсеевича. Однажды, в воскресенье, он отправился с племянником на голубиный рынок. Повздорив из-за чего-то с продавцом, он ударил его; ответить продавец побоялся, тогда за него заступилась вся Охотничья... Племянник в ужасе помчался за будочником. Возвращаясь, он был уверен, что дядя избит, но, к его удивлению, Соломон Мойсеевич справился с толпой и похаживал победителем с налившимися кровью глазами и раздувшимися ноздрями.

Детство маленького Сени наполовину протекало на людях. Дома было жить скучно. Вечные деловые разговоры... Отец был очень непрактичен и, в то же время, уверен, происходили частые ссоры. Родителей озабочивало будущее детей — мать хотела видеть их непременно коммерсантами или купцами, отец не соглашался, он чувствовал важность образования, и опять — споры, пререкания...

(Продолжение на 12-й стр.)

Петр Нилус.

Рис. Л. Пастернака.

¹ По свидетельству Мих. Солом. Юшкевича, в этих очерках очень много вымысла.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11-й стр.)

Только одна бабушка, бывшая ближе к детям, лучше понимала их, скрашивала их жизнь лаской, сказками. Между прочим, бабушка обыкновенно спала со своим любимцем Сеней.

Сеня, как только было возможно, ускользал из дома во двор, на улицу, в затишье пустырей, окружавших дом. Сделавшись старше, он по целым дням пропадал у соседей или уходил в город к знакомым, родне, которая его очень любила, или бродил по улицам в порту. Его всегда тянуло к взрослым, черта обычная у одаренных детей, с ними у него завязывались отношения равного к равному. Жизнь жильцов маленьких квартир в большей своей части проходила во дворе, и этот натуральный театр страстно притягивал все внимание Сени, который никогда не ограничивался ролью зрителя — он принимал самое деятельное участие в жизни двора: резонировал, спорил, мирил и при всяком удобном случае заводил игру в карты... Знакомился он без разбора, с кем попало. Однажды мать встретила его на улице, принимавшего непосредственное участие в бродячей рулетке, где за пятак можно было выиграть галантерейную мелочь, леденцы.

Мать пришла в ужас, разразилась таким потоком слез и нравоучений, что даже Сеня, на которого вообще не действовали ничьи советы и увещания, испугался.

Учился он, разумеется, плохо, так как это было скучно; слишком занятный мир окружал его: море, вечное купанье, порт, голубятня, город, рынок. Потом игры, самые разнообразные, охота в пустырях за насекомыми, лягушками, разные приключения в чужих огородах, садах, за что иногда приходилось жестоко расплачиваться...

Соломон Мойсеевич любил, понабавив кошелек деньгами, ходить по воскресеньям на Охотницкую, потом шел с приятелями в трактир, широко угощал, раздавал деньги. А за соседним столом сидели дети-подростки, прислушивались к болтовне и хвастовству охотников — и тогда "папа" казался им необыкновенным, прекрасным, всемогущим... Бывало, в веселую минуту Соломон Мойсеевич неожиданно решал доставить удовольствие семье — ехали на волнорез, с самоваром, закуской, самоловками на целый день...

Очень хороши страницы в "Очерках детства", изображающие день на волнорезе, купанье с лодки. Отец, могучий пловец, учит своих мальчиков плавать. От этих страниц веет любовью к "папе", как его всегда называл, вспоминая, Семен Соломонович, который, кстати сказать, чрезвычайно походил на отца.

В детстве Сеня был тонок, высок, ширококост. Живой, шумливый, талантливый мальчик привлекал к себе и детей, и взрослых, хотя нрав имел занозистый — посмеяться, поиздеваться был великий мастер уже в детстве. Драчливым, однако, не был, хотя именно в драке получил удар кулаком в сердце. Не был ли этот удар отдаленной причиной его последней болезни?

В детстве он уже проявил свой талант к дружбе, и по некоторым намекам из "Очерков детства" можно судить о том, как горячо он любил брата Павла, первых друзей. С некоторыми из них он всю жизнь водил дружбу.

С виду беспечный, "заразительно веселый", он всегда чем-нибудь мучился, волновался, выдумывая несуществующие страхи. Часто среди ночи просыпался и пробирался к спальне матери, прислушивался: жива ли она? То ему представлялось, что должно случиться что-то ужасное, то он видел мучительные сны, задумывался о смерти...

Кое-как Сеня окончил начальное еврейское училище и поступил во вторую одесскую гимназию. Учился он из рук вон плохо — ленился невероятно, шалил, дерзил. Постоянно вызывали родителей в гимназию, окончилось тем, что он был уволен из третьего класса за крайнюю лень... Были

проекты отдать его в науку к какому-нибудь ремесленнику... но отец не соглашался — а спорить с отцом было трудно.

Началось домашнее обучение. И вот в это время впервые проявляются в Сене инстинкты творчества — ему было тогда около пятнадцати лет²⁾. И вот он вместе с одиннадцатилетним младшим братом пишет пьесу... Писали сцену за сценой по очереди... и потом, прочитывая написанное, "страшно наслаждались и гордились", пишет Павел Соломонович. С тех пор он начинает писать; пишет что попало: что-то вроде газетных заметок, статей, рассказов, которые, конечно, нигде не принимались. Брат, Павел Соломонович, вспоминает об одной такой статейке "об одесских цирюльниках"... "Я был в восторге от этой статьи... — пишет Павел Соломонович, — и оба мы были убеждены, что уж это-то будет напечатано"... Брат Павел был всегда поклонником, советчиком и критиком Сени, несмотря на то, что между ними разница в летах была четыре года. Но неудачи не охлаждали пыла Сени, он писал неудержимо, что, конечно, отражалось на учении, которое затягивалось. Неудачи его тогдашних писаний объясняются тем, что до пятнадцатилетнего возраста он почти не читал ничего, кроме сказок... Но, конечно, дошла очередь и до "лихорадочного" чтения... Очевидно, большое впечатление произвел на Сеню "Дон Кихот", и он начинает писать, подражая Сервантесу, поэму о некоем Кара Тараре, который странствует по русским городам и весям, сопровождаемый множеством комических приключений. От приключений Кара Тарара, как пишет Павел Соломонович, ведут прямые нити к комедиям будущего драматурга. Павел Соломонович, тогда гимназист пятого класса, с товарищами издавал "журнал", куда с особым почтением переписывались отрывки из бесконечной "Кара Тарара"...

В конце концов, Сеня выдержал экзамен в пятый класс и с прогимназическим свистельством поступил в аптекарские ученики — с тем чтобы после двухгодичного стажа держать экзамен на помощника провизора. И теперь, как и в детстве, уже подросток, Сеня "нарядно с заразительным весельем, порывами всякого рода, безрасудствами, ухаживаниями" грустит, задумывается, часто пугает брата своим безнадёжным настроением. "Это меня замучивало иногда; я дрожал, боясь, чтобы в приступе тоски он чего-нибудь не сделал с собой", — пишет Павел Соломонович. Сене шел тогда, вероятно, 16-й год; это было время буйного пробуждения молодых сил, предоставленных самим себе, которые его заносили Бог знает куда...

Вот что пишет сам о себе Семен Соломонович в "Клочках прошлого", написанных по случаю 25-летнего юбилея. "В пятнадцать лет я чувствовал себя Титаном, я не признавал ничего авторитета, весь мир был для меня противником, которого я должен был победить. Я презирал тех, кто признавал над собой чью-либо духовную власть. Я всегда был как в огне, кипел, читал книги, чтобы не соглашаться с книгами... мнение любимого товарища было для меня авторитетнее имени великих учителей человечества..." И далее: "Ассоциации иные, логика, вера сумасшедшая... спорщик я был отчаянный... и дерзкий. И ненавистей у меня было много". Разумеется, как полагается, "Титан" мечтал сделать разбойником...

Подросток Сеня, кроме "презрения к миру", питает трогательное чувство к брату Павлу, который с особенной нежностью вспоминает это время.

"А как сладки бывали так называемые нами "Египетские ночи". Когда мы ложились спать, либо он забирался ко мне в кровать, либо я к нему, и начинались бесконечные беседы... Причем, конечно, говорил главным образом Сеня о разных разностях: мелочах дня, каком-нибудь новом любовном

приключении или каком-нибудь художественном замысле. Эти "Египетские ночи" — одно из драгоценнейших воспоминаний моей жизни..."

Сеня все пишет, ходит по редакциям, ему неизменно возвращают "рукописи"... но это его не останавливает — очень уж заманчиво писание, да и внутреннее сознание подкашивает его, что его писания — что-то важное, что непременно нужно писать... И в самом деле: в это время вырабатывается им тема его будущей "Улицы", позднее — "Распада" и многих других рассказов. В "Клочках прошлого" Семен Соломонович пишет: "В шестнадцать лет я сделал себе привычку писать днем при зажженной лампе. Я запирался на ключ в детской, закрывал ставни, набрасывал на себя шаль, зажигал лампу и писал страшные рассказы. Это был сумбурнейший период моей жизни. Я мучился всяческими вопросами: религиозными, метафизическими, моральными; в особенности, помню, терзал меня вопрос о существовании Бога. Достоевского я просто обожал. Под влиянием чтения Достоевского я долго носил яд в кармане, чтобы покончить с собой, когда "наступит момент".

Конечно, стаж аптекарского ученика происходит кое-как, с неприятностями всякого рода. Хотя и очень юный, будущий помощник провизора ухаживает за барышнями, заводит знакомства, учится со старшим братом в танцклассе "старика" Цорна, пишет, увлекается "малороссиями"³⁾.

В это время Семен Соломонович знакомится с Полиной Финкельштейн, и начинается роман... С виду веселый, беспечный, Семен Соломонович, как всегда, волнуется, мучается, он не может не чувствовать всей ответственности положения, не может не сомневаться в будущем, да и в настоящем.

Ученический стаж оканчивается, он едет в Киев и там сдает экзамен на помощника провизора. К этому времени его роман обрывается в драму.

Уйдя однажды из дому, никого не предупредив, он женился... Ему тогда было семнадцать лет. Отца это известие так поразило, что он зарыдал, как ребенок, и сгоряча проклял сына...

Первое время Семен Соломонович жил у тестя, но это была не жизнь, а ад. Семен Соломонович служил тогда в аптеке, потом перешел в другую, но — при своем беспоконном нраве — нигде не мог устоять. Жалованье получал ничтожное — 10 рублей в месяц, пытался заняться перепиской... Потом остался без места и переписки с беременной женой на руках. Поманили его на место в Березовку — он уехал туда с больной женой и вернулся ни с чем... Он всюду метался, ездил, но нигде не находил места.

Мать смягчилась первая, стала втайне помогать сыну, встречаться с ним; но отец был непреклонен. Правда, он начал приходить к обеду раньше обыкновенного и уходил так, чтобы дать возможность пообедать у себя молодым...

Жена Соломоновича родила сына Павла и во время родов умерла.

Рождение ребенка окончательно смягчило стариков, и Семен Соломонович вместе с ребенком был принят в отчий дом.

Это было в 1888 году; в этом же году семья Соломоновича переехала в город. Дела пошли плохо, старики устали. Меж тем братья, сестра уже были в старших классах; поступить в университет нельзя было, так как тогда для евреев нужна была при аттестате золотая медаль, а дети много работали дома, помимо гимназии, о медалях не думали, вели себя странно, водили знакомства с таинственными студентами... Родители ничего не понимали, волновались. Хотя отец настаивал на высшем образовании детей, но не было необходимых средств. Дом, полученный Соломоном Мойсеевичем по наследству от отца, был заложен в банке, отягчен частными закладами. Потом векселя, множество векселей...

Эта эпоха жизни Соломоновича вошла некоторыми чертами в его "Распад"; к сожалению, только одна мать списана с натуры. Ее "монологи" характерно рисуют тогдашнюю семью Соломона Мойсеевича. Маленький Сеня с пеленок слышал эти бесконечные монологи и впитывал как губка ее юмор, ее гибкую речь, ее знание людей и жизни. Это они, ее надоедливые речи, все об одном и том же, сделали из Соломоновича великого мастера диалога.

Но не только мать, а и Соломон Мойсеевич был человеком одаренным. Когда дети уехали за границу, он им писал замечательные письма.

Одесса того времени переживала свои цветущие годы, и памятником ее богатства остался замечательный театр. Город давал театру царские субсидии, благодаря которым в Одессе долгое время была одна из первых опер в мире, конечно, по старой традиции, итальянская. В семье Соломона Мойсеевича молодежь с ума сходила по Джанини, Прево, Гверчи, Арамбуро...

Семен Соломонович, у которого был хороший тенор, пробует учиться петь. Начинает, бросает, меняет учителей... И только операция в горле окончательно отбивает его от артистической карьеры.

Семен Соломонович служит в аптеках, но, по обыкновению, не уживается с хозяевами. Слишком он был свободолюбив, да и не любил своего ремесла. И хозяева имели основание быть недовольными своим "провизором", который при всяком удобном случае заводил с аптекарскими учениками споры на "высокие темы", карточную игру, был дерзок, и его острый язык не щадил ни товарищей, ни хозяина. И, в то же время, Семен Соломонович много пишет, заканчивает похождения "Кара Тарара"⁴⁾, рассказ "Павлов и Бобров", который был впоследствии напечатан в "Мире Божьем" под названием "Записки студента Павлова", но все это тогда было по-детски несовершенно. Пишет и многое другое, но все отвергается ненавистными "бородатыми" редакторами. В это время он познакомился с Бароном Иксом⁵⁾, тогда знаменитым одесским журналистом, бывал у него на "журфиксах", на которых собиралась вся культурная Одесса, там-то он и получил литературное крещение.

Однако безнадёжные путешествия по редакциям продолжались в течение двух лет, показавшихся бесконечными... Но настойчивость и работа делают свое дело. Рассказ "О том, как Иван Ильич полюбил и разлюбил", наконец, был принят А.В. Кругловым в "Одесский листок".

"Трудно словами рассказать свою радость, — пишет Семен Соломонович в "Клочках из прошлого". — Такие радости не часто бывают в жизни — может быть, раз, другой... Да и не радость это, а что-то большее... Дни до появления рассказа в печати я провел, как в угаре. Вспомню, что напечатано, и что-то крепко и сладко обожжет сердце... Ах, милые, чудные минуты!"

С тех пор Семен Соломонович от времени до времени начал помещать в "Одесском листке" маленькие рассказы.

Но что же делать дальше? Провизорство дает гроши, такие же гроши дает "литература". В конце концов, Семен Соломонович выбирает профессией медицину и едет в Париж.

Так как у него не было полного гимназического аттестата, пришлось подготовиться к "башо", который он благополучно сдает и поступает на медицинский факультет Парижского университета.

Первое время Семен Соломонович получал поддержку от отца, но скоро присылки денег прекратились, и он был предоставлен самому себе. К этому времени в Париж приезжает Михаил Соломонович, тогда студент Венского университета, и тоже поступает в университет. Братья жили вместе. Приходилось трудно.

²⁾ В "Клочках из прошлого" Семен Соломонович говорит, что ему было тогда около 13 лет. Павел Соломонович Юшкевич это опровергает.

³⁾ В это время почти каждую зиму приезжала в Одессу труппа Кропивницкого с Заньковецкой, Садовским, Саксаганским в расцвете их таланта.

⁴⁾ Семен Соломонович эту "поэму" сжег.
⁵⁾ С.Т. Герцо-Виноградский.

Семен Соломонович поступает в хор церкви Сэн-Жерве, потом в хор симфонических концертов Аркура, занимается массажем.

Университет на первых порах мало увлекал его, и только впоследствии он занялся медициной вплотную. Он много работает, читает, пишет, посещает эмигрантские кружки, где всегда остается в оппозиции, тяготея, однако, влево. Публично Семен Соломонович не выступал никогда, но очень любил поспорить. "Я не помню случая, чтобы он (Семен Соломонович) когда-нибудь с кем-нибудь был согласен", — рассказывает брат Михаил Соломонович. Эта черта чрезвычайно характерна для Семена Соломоновича, всегда ищущего своей "правды", которой только и верил. Ходил Семен Соломонович на эмигрантские собрания обыкновенно с приятелями, жестоко высмеивая, издеваясь над новоявленными пророками. И ничего нет удивительного: люди, с которыми встречался Семен Соломонович, знали о жизни понаслышке, были книжниками, тогда как его воспитала сама жизнь, которая не укладывается ни в какие партийные "лозунги", вечно меняется и во внешних формах, и в своей условной "правде". По природе импрессионист, анархист, Семен Соломонович никогда не был так называемым человеком "убеждений", его мысль была причудлива, подвижна, часто парадоксальна, нередко он доводил свою мысль до чудовищного гротеска, но не сдавался никогда, в последнюю минуту всегда находя выход такой же неожиданный, как и сама мысль.

Жил Семен Соломонович жизнью очень характерной для большинства русских. Почти ни с кем из французов не сблизился, не интересовался ничем, кроме своих работ, своих мыслей, даже университет долгое время был на втором плане. Он, между прочим, кроме литературных работ, которые с каждым годом захватывают его все крепче, пишет множество писем друзьям, чрезвычайно интересных.

Живой, горячий, он часто увлекается; одно из таких увлечений едва не окончилось браком. Он очень страдал от измены любимой женщины.

Семен Соломонович не каждый год, но приезжал в Одессу навестить родных, повидать сына, который чуть ли не со дня рождения жил в семье отца.

Маленький Павел называл бабушку "мамой", дедушку "папой", а отца Сеней, долгое время считая его как бы братом...

В один из таких приездов он знакомится в семье невесты брата Михаила со своей будущей женой, Анастасией Соломоновой Зейлингер, которой тогда было двенадцать лет. В другой — застаёт отца, умирающего от мучительной неизлечимой болезни. Врачи допускали, что эту болезнь он мог получить от голубей.

Соломон Мойсеевич умер в 1895 году, в больнице, пятидесяти шести лет.

В том же 1895 году семья Зейлингеров приехала в Париж, и там была отпразднована свадьба брата Михаила. Он женился на Софье Соломоновне Зейлингер, старшей сестре Анастасии Соломоновны, в которую со всем пылом молодости влюбляется Семен Соломонович. Анастасия Соломоновна, прожив зиму в семье сестры, уехала в Одессу. Несомненно, мысли о женитьбе делают то, что Семен Соломонович работает тогда в университете уже по-настоящему. Но все-таки не забрасывается и литература. К тому времени накопилось множество заметок, набросков, начатых рассказов.

* * *

В конце студенческих лет, около 1900 года, Семен Соломонович посылает в "Русское богатство" рассказ "Портной", который был встречен Короленко в высшей степени доброжелательно. Потом Семен Соломонович посылает туда же первые главы "Распада", но Короленко находит их слишком мрачными.

Семен Соломонович, конечно, был чрезвычайно огорчен, но это никак не повлияло на работу, в нем жила слишком большая уверенность в себе, неудачи как бы вызвали взрыв энергии. И действительно — в результате появился первый большой рассказ "Ита Гайне", сразу создавший Семену Соломоновичу известность.

Почти все, что было написано Семеном Соломоновичем в парижский период, носит характер безнадёжности — беспросветной, удручающей.

Казалось бы, жизнь в мировом городе, славившемся легкой, веселой жизнью, молодостью, кипучим нравом Семена Соломоновича, наконец, его любовь к прелестной девушке — все это никак не отражается в его тогдашних произведениях. "Семен Юшкевич" — настоящий, сияющий, с его юмором, сатирой и романтическими видениями — еще весь впереди... Семен Соломонович не раз говорил: "Достоевский дал мне в руки перо".

В 1901 году в Одессе Семен Соломонович женился на Анастасии Соломоновне Зейлингер и уехал с молодой женой в Париж.

В 1902 году были сданы все зачеты; случайно было отложено писание диссертации, которую так и не написал Семен Соломонович...

М. Горький обратил самое живое внимание на начинающего писателя. В 1913 году был издан в "Знании" первый том "Семена Юшкевича", два года спустя был переиздан — и с тех пор произведения Семена Соломоновича стали помещаться в сборниках "Знания". В то время для молодого писателя это была величайшая честь.

Со славой пришло и денежное благополучие, и вместе с Семеном Соломоновичем свободно вздохнула и вся семья.

Семен Соломонович говорил, что обязан Парижу всем: там он получил образование, там сложилось его мирозерцание, там прошли счастливейшие студенческие годы... Так ли это? Кто знает произведения Семена Соломоновича парижского периода, тому ясно, что он воспитанник русской культуры. Это был человек, лучше всего знавший и любивший только свой народ, крепко, душевно связанный только с ним, с его мечтами, с его страданиями, и ничего удивительного нет в том, что лучшие его произведения — именно из еврейской жизни.

Семен Соломонович начал свою литературную деятельность суровым реалистом русской школы; но уже в начале 1900 года задумывается над символизмом, литературные формы претят ему академическим шаблоном. Если бы Семен Соломонович не был по природе драматургом, можно было бы допустить, что он начал писать пьесы из ненависти к условиям прозы... Уже в 1900 году он делает наброски к пьесе "Чужая", пьесе символической, которая пережила целый ряд вариантов и занимала его внимание всю жизнь. "Все в масках, кроме одной", написанная в 25 — 26 годах, это в некоторых частях все та же "Чужая".

Еще с 1900 года Семен Соломонович зажил полной жизнью, почувствовал, что он писатель. Еще одно событие, и жизнь Семена Соломоновича становится уже определенной надолго. Это событие — рождение в 1903 году дочери Натальи, которое прошло не то чтобы незамеченным среди завязавшихся литературных отношений и большой работы, но Семен Соломонович не проявил сразу той необычайной нежности и восторга пред жизнью, которые ему внушали не только дети, но и беременные женщины... и только впоследствии это событие сказало во всей своей величине.

Это было время большой работы и большого подъема духа. И как раз в эту пору успехов, надежд, любви закрадывается в душу Семена Юшкевича мрачная тревога — он боится преждевременного увядания, ему опять, как в детстве, мерещится смерть... Этот неожиданный момент проходит как бы бесследно; но так ли это было на самом деле?

В 1904 году он работает над "Евреями", и в следующем году эта повесть выходит в сборнике "Знания" без последней главы, которая была урезана цензурой, это было после Кишиневского погрома. Время было тревожное, всюду шли аресты. Семен Соломонович волновался, боялся за сына, которому шел восемнадцатый год, за брата жены, юношу. Несмотря на то, что необходимых денег для путешествия не было, во имя спокойствия близких Семен Соломонович со всей семьей едет в Берлин, чтобы там пережить тревожное время.

В Берлине в один месяц он написал пьесу "В городе" — такой *tour de force* под силу только опытному драматургу... Но это была его первая пьеса. Этот взрыв творчества свидетельствует, что театр — его природное дарование, и неудивительно: едва он прикоснулся к кладу — он ему дался с места.

Как раз в 1905 году Московский художественный театр гастролировал за границей. Семен Соломонович встретился с труппой в Вене и прочел пьесу Немировичу-Данченко, который так заинтересовался своеобразной новинкой, что даже выдал аванс. Но в Художественном театре пьеса не пошла. Такие ошибки часты в театральном мире: пьеса по-настоящему была оценена только много лет спустя, за границей. В России она увидела свет в следующем году — в постановке Мейерхольда.

Сцена — хотя бы со своими условностями и рутинной, которые были так ненавистны Семену Соломоновичу, — все же ближе подошла к его горячему темпераменту; рама беллетриста оказалась для него тесной. У него было природное чувство к лаконизму сцены, он органически чувствовал секрет сценического движения.

Успех вскружил голову Семену Соломоновичу, творческий мотор горячо заработал, и он в том же году, летом, написал пьесу "Король".

И опять успех — неожиданный, головокружительный! "Король" принят на сцену Александринского театра!

Пьеса уже была срететирована, прошла генеральная репетиция... но кому-то из власти имущих не понравилась, и без объяснения причин "Король" был снят с репертуара...

Пьесой очень заинтересовалась Савина, которая употребила все свое влияние на защиту "Короля"; но и всемогущей тогда Савиной не удалось отстоять его для Александринской сцены. Савина была капризна, упорна и добилась своей настойчивостью того, что "Король" — в том же составе актеров, что и на генеральной репетиции — пошел в Михайловском театре в пользу Театрального общества. "Король" шел три дня подряд.

Этот "неуспех", однако, стоил большого успеха. О начинающем драматурге заговорили, скандал с комментариями облетел всю театральную Россию, все театры. Этот неуспех дал театральное имя Семену Соломоновичу.

Савина ставила талант Семена Соломоновича чрезвычайно высоко, она называла его "вторым Островским", "наследником Гоголя" и в глаза, и за глаза. И правда — это не было пустой любезностью, каждую новую пьесу Семена Соломоновича она встречала с величайшим интересом и вниманием. Кажется, больше других пьес ей нравилась "Комедия брака" — несмотря на хлопоты перед дирекцией Императорских театров, Савиной на этот раз не удалось ничего добиться. Она отдала пьесу Суворинскому театру, который хотел ее поставить, но Семен Соломонович уклонился от этой чести...

Савина до конца жизни любила пьесы Семена Соломоновича. И уже незадолго до смерти она снова с молодой настойчивостью требовала постановки "Менделя Спивака" на Александринской сцене. Это было в конце 1914 года. И снова повторилось почти то же, что с "Королем" — "Мендель Спивак" прошел (один раз) в Мариинском театре в пользу того же Театрального общества⁹. Играла и Савина в этой пьесе маленькую роль. Это было ее последнее выступление на сцене...

После "Короля" была написана пьеса "Деньги" и поставлена в 1907 году в театре Коммиссаржевской. Еврейская часть пьески устроила скандал. Пьеса была осуждена, снята с репертуара и, кажется, больше нигде не появлялась.

В начале 1900-х годов в русской литературе царил Чехов, это было время прославления маленьких незаметных героев обыденной жизни. Героические времена прошли. Это раздражало Семена Соломоновича. Ему хотелось дать большую типичную фигуру, и он задумывает "Леона Дрея", своего любимого героя, который его занимает много лет.

Первый том "Леона Дрея" вышел в 1908 году.

Ни одно произведение Семена Соломоновича не вызвало таких нападков, не сопровождалось такой шумихой, не принесло столько огорчений. Но Семен Соломонович верил только себе и написал впоследствии еще два тома приключений Леона Дрея...

Тип Леона Дрея занимал его давно, уже в "Ите Гайне" подвизаются два "маленьких" Дрея: Михель и Яша. Леон Дрей — это, конечно, уже "тип", доведенный до гротеска. История рассудит, кто был прав: автор "Дрея" или его зоилы. Леон Дрей принес огромную популярность автору (впоследствии появился на экране кино). Параллельно с "Леоном Дреем" Семен Соломонович замыслил большой рассказ из нравов одесской Дерибасовской улицы. Он пишет его с большим увлечением, и, как всегда, последняя работа ему нравится больше всего раньше написанного, которым он вообще мало интересовался. Семен Соломонович любил повторять: "Нужно писать последним пером", — т. е. со всем напряжением сил, как будто с последней страницей обрывалась жизнь самого писателя.

Он придавал такое значение "Улице", что даже подумывал: не может ли эта картина нравов влиться перед парижским медицинским факультетом как вольная теза?...

Разумеется, и "Улица" — по тем же причинам, что и "Леон Дрей", "Ита Гайне" и др. — возмущает еврейское общество, которое упрямо повторяет: нет у нас сутенеров, проституток, шулеров...

Почти всю писательскую карьеру Семену Соломоновичу сопутствовала вражда — частью со стороны еврейского общества, частью русского (по разным, впрочем, причинам). Еврейское общество не могло простить его сатиры на буржуазию, как не хотело видеть трагедии разложения староза-

ветной семьи, нравов. Еврейское общество начала века любило своих старых писателей, живописующих быт еврейства, получившего, прежде всего, религиозное воспитание в вере отцов; оно привыкло видеть в художественном изображении только положительные типы, совершенно закрывая глаза на те перемены, которые произошли в мире за последнюю четверть прошлого века. Иные зоилы уверяли, что Семен Соломонович попросту не знает еврейского быта... Долго не могло примириться с Семеном Соломоновичем и русское общество, которое не могло привыкнуть к испорченному русскому языку, на котором говорили в городах "черты" еврейские ремесленники, маклеры и прочий рабочий люд.

Вопросом о том, что такое Семен Юшкевич как писатель, с его таким необычным театром людей, со странным нерусским языком, разрешили не те, которые должны были это сделать, не еврейское или русское общество, а публика, которая, не дозревая того, присоединилась к оценке таланта Семена Соломоновича, сделанной Короленко, Горьким, Савиной, Немировичем-Данченко, Горнфельдом и многими другими.

Нападки в обществе и в печати, разумеется, доставляли Семену Соломоновичу множество огорчений, обид. Но огорчения сменялись радостями — жизнь брала свое. Эти радости Семен Соломонович находил в семье. Когда Наташа была крошечной девочкой, он сам ее купал, кормил, рассказывал сказки, которые тут же сочинялись — он их мог рассказывать целыми днями! — по поводу первого бросившегося в глаза предмета. Когда Наташа подросла, он научил ее читать, рассказывал исторические эпизоды, рассказывал о чудесах химии. Но не одна семья доставляла ему те маленькие удовольствия, которыми мы по преимуществу и развлекаемся. Он любил и отдохнуть от семьи. Захватив с собой сотню "своих" папирос, он обыкновенно увлекал приятеля на целый вечер куда-нибудь в кафе, бильярдную; он любил угостить, посмеяться, пошутить. Были у него приятели и совсем юные; нередко его можно было встретить с неожиданным субъектом — бирюком, который окзывался другом детства. Да ведь эта буквально повторялась в нем черта его отца, который тоже любил куда-то уходить, встречаться с приятелями, раздавать деньги...

"Отец вел дела спустя рукава и считал, что незачем особенно трудиться, если в том нет особенной надобности..." — рассказывает Михаил Соломонович про отца. Таким же бесребренником был и Семен Соломонович. При его громадной выносливости, быстроте работы ему ничего не стоило наводить газеты и журналы своими произведениями, быть богатым, но он довольствовался необходимым. То, что Семен Соломонович работал немного, сослужило ему хорошую службу — за громадный период времени он не написал, за небольшим исключением, ничего слабого. Малких, "хлебных" рассказов, фельетонов он писал очень мало.

Приблизительно в 1907 — 1908 годах Семен Соломонович знакомится с одесскими художниками, с их "четвергами", которые с небольшими перерывами, видоизменяясь, существуют в Одессе по сей день и живут больше 30 лет. С художниками Семен Соломонович встречается близко впервые. Его все интересует в новой среде, так не похожей ни на какую другую. Он поражается, до чего эти люди дорожат друг другом — одна болезнь могла удержать от посещения "четверга". Даже жены художников, лютые враги "четвергов", были бессильны расстроить это содружество (жены художников не допускались на "четверги"). Молодые и старики часто веселились, как дети, на своих "четвергах". На "четвергах" Семен Соломонович встретил ту самую дружбу, которую он знал только в детстве, и, пройдя уже половину жизненного пути, наконец, встречает ее снова.

Величайшая его похвала новому знакомому была: "четвергист". Как и всюду, где он считал себя дома, так и на "четверги" он приносил оживление, смех, всегда он был во власти играющей в нем мысли, часто неформальной, уязвимой — и нередко Семену Соломоновичу жестоко доставалось от дружественной критики... Он никогда ни с кем не соглашался, и его трубный глас покрывал все голоса.

Семен Соломонович заинтересовался живописью, которая была ему чужда, хотя он и прожил в Париже десять лет. Он признавался, что "не видит, а только слышит", что ему непонятны краски, пейзаж. Тогда же он начал собирать этюды, картины, с большим вниманием прислушивался к тому, что говорились об искусстве. Кое с кем из художников он подружился.

Мало знакомые с ним люди его не понимали; он нередко отпугивал своей прямо-

⁹ В начале настоящего — 1927 — года в Нью-Йорке "Мендель Спивак" шел с огромным успехом.

КРАТКАЯ ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ СЕМЕНА ЮШКЕВИЧА

(Продолжение. Начало на 11 — 13-й стр.)

той, резкостью суждений и этим наживал множество врагов. Что это был за человек, который, не соизмеряя своих сил, брался за вопросы, заведомо неразрешимые? Однако именно эти вопросы и волновали его. Он бился над вопросом, как выйти из узкого круга обычных человеческих отношений, освободиться от опеки морали, которая ему уже не нужна, от религии, которую он уже изжил. Ему мерещилась жизнь в новых формах, которая была заманчива только как наемк отдаленного, но как только он подходил к ней вплотную — с ужасом видел, что он опять в цепи ненавистного "круга"! Он как бы чужд был мистике, вопрос о бытии у него полностью разрешался на земле. Он ничего не имел против пенатов, но отрицал Бога... Был суверен. Многие думали, что этот большой человек, казавшийся таким жизнерадостным, с громким голосом, размашистыми манерами, любитель вкусовых ощущений, посетитель кафе, клубов, бильярдных — просто любитель "пофилософствовать"... Но это только казалось тем, кто его встречал мельком, и, вероятно, мало кто догадывался, что недоумения перед жизнью и смертью его глубоко потрясали. На "четвергах" он встречал людей, свободных от условностей, там он был понятен, нужен и любим. Часто четверговые беседы заканчивались только на заре где-нибудь в ночном ресторане или в бесконечных прогулках в нежных предутренних сумерках, среди пыльных дорог, среди уснувших садов и дач. Этот период жизни Семена Соломоновича — его счастливейшие годы, хотя ни он, ни его тогдашние друзья этого не подозревали...

Знаем ли мы, чужим ли мы счастью на земле? Не кажется ли нам, что сегодняшний день — это только прелюдия к чему-то лучшему, "настоящему", которое должно прийти? Только очень редкие люди наслаждаются жизнью непосредственно. Сколько тогда было разговоров о ничтожестве жизни, надоедливой, повторяющейся в замкнутом круге, из которого разве только революция может вывести... Семён Соломонович и его друзья были совершенно искренни, они были из тех несчастливцев, которые тяжело переживали жизнь.

Иной раз, указывая слабые места своим коллегам, Семён Соломонович любил упреждать выражение: "Здесь не работало сердце, здесь нужно дать поработать сердцу..." Даже тогда, в его счастливейшие годы, когда он достиг особенной полноты и силы творчества, когда материальные заботы уже выпали из обихода мыслей, его не оставляли печальные сомнения о непрочности пресловутого земного "счастья", о страшной роли случайного... А сердце все "работало" — и "работало" горячо.

В 1909 году Семён Соломонович рано выехал на дачу. Слишком радостно в тот год волновали его задуманные им пьесы. Он ложился в 9 часов вечера, рано вставал. Он хотел воспользоваться тем, что друзья его по "четвергам" выезжали на дачи обычно поздно, а встречи с ними, как ни были приятны, оттягивали от работы.

Работал он всегда быстро, но не много; но тут, изменяя своему обычаю, засел за работу основательно. В это счастливое урожайное лето он написал две пьесы, на редкость удавшиеся, чудовищно противоположные и по содержанию, и по значению: это были "Miserere" и "Комедия брака". Радость творчества и удача этого лета надолго озарили его жизнь.

Также легко, без особенных трений прошли обе пьесы по России, принесли и новую славу, и большие деньги.

В 1910 году "Miserere" впервые прошла в Московском художественном театре — заветная мечта каждого русского драматурга увидеть свое детище в Художественном театре, наконец, сбылась!

Хотя "Комедия брака" пользовалась всюду громадным, исключительным успехом, были в ее триумфальном шествии и опасные моменты. В Киеве, например, еврей-

ское общество было чрезвычайно возбуждено и возмущено пьесой, где автор позволил себе осмеять еврейскую буржуазию, которая якобы ничего общего не имеет с еврейской жизнью, сплошь выдуманная и т. д. Решено было устроить публичный скандал. В большом зале Литературно-артистического общества, битком набитом, судили пьесу и автора, который случайно присутствовал на "митинге". Были подготовлены подходящие "ораторы", предполагалась уничтожающая критика... Хотя "негр" и сделал свое дело, но как-то случилось, что митинг окончился "оправданием" и форменным чествованием Семёна Соломоновича...

Между прочим, зародыш "Комедии брака" или, вернее, ее эпизод, сцена первого действия, навеян картиной И. Грабаря, изображавшей ряд женщин не то на вечере, не то в приемной у врача.

В 1911 году была написана и поставлена в Одессе пьеса "Бес", вокруг которой разыгралась чрезвычайно характерная комедия.

В это время в Одессе издавалась копеечная газетка "Одесская почта" уличного пошиба, составившая своему хозяину, некоему г-ну Ф., миллионное состояние. И потому, что "Беса" восхваляли "Одесские новости", с которыми "Одесская почта" всегда враждовала, и потому, что "другу народа" г-ну Ф. казалось, что эта пьеса враждебна еврею, он поднял целую газетную бурю; не было дня, чтобы и автор, и пьеса, и редактор "Одесских новостей" не обливались ушатами грязной воды. Разумеется, и "Новости" в долгу не оставались. Но в Одессе эта полемика только разжигала любопытство, и "Бес" прошел тридцать раз подряд — для провинции случай неслыханный. Неудивительно, г. Ф., зная, что пьеса должна обойти города Киев, Харьков и др., повел там настолько энергичную агитацию, что антрепренерам пришлось отказаться от турне.

Семён Соломонович не только не "возненавидел" своего "врага", но и продолжал вести с ним знакомство... Нужно было слышать, как с ним болтал Семён Соломонович!

Семён Соломонович, приобретший еще с детства навык обращения с людьми, в веселые минуты часто устраивал самые неожиданные спектакли. Облюбовав "жертву", он начинал играть с ней, как кот с мышью. Пустяки, мелочи, "невинные" вопросы часто приводили "обреченного" в отчаяние, а парировать тем же оружием было нелегко.

Однажды на "четверге" Семён Соломонович уговорил одного господина выложить на стол содержимое его карманов... В карманах оказалось множество неожиданной чепухи. Нужно было слышать, каким конфетаньем в таких случаях бывал Семён Соломонович! Но бывало, Семён Соломонович попадал на строптивую "жертву". Казалось, опасная игра должна вызвать неминуемый скандал, но выходило так, что как-то незаметно "жертва" усмиралась, поглаживаемая по шерсти большой рукой Семёна Соломоновича... Нередко "жертва" становилась приятелем Семёна Соломоновича.

Годы шли, творческий мотор Семёна Соломоновича работал ровно. В 1912 году вышли второй том "Леона Дрея" и большая повесть "Вышла из круга". В 1913 году появились "Голуби", в этой книге Семён Соломонович воспекает голубиную охоту отца, погружаясь в воспоминания детства. И здесь не обошлось без нелепых придирок, на этот раз — бюстотителей нравственности... Книга была написана для детей.

Но вот придвинулся 1914 год...

Ранней весной Семён Соломонович выехал в Париж, предполагалось там встретиться с братом Павлом, но встреча не состоялась. Пробыв недолго за границей, Семён Соломонович вернулся домой. Но потянуло опять в Париж, опять поманила встреча с любимым братом, и потом, все были здоровы, веселы, была возможность — можно было покартинничать и полениться... И снова Семён Соломонович едет в Париж, разумеется, с семьей. Но Париж на этот раз быстро утомял, потянуло домой, потянуло блаженное одесское лето на берегу моря. Семён Соломонович поселяется на люби-

мом Большом Фонтане, как всегда, на одной и той же даче, накапливает кур, уток, гусей... Он был настолько активен, что его семья не знала никаких забот по хозяйству; все главное он брал на себя, во все вникал, всем интересовался и при всем том — никогда не был мелочен, плохо считал деньги...

Но вот разыгрывается Сараевское событие — страшный пролог к еще более страшной кровавой драме, унесшей целое поколение цветущих людей. События шли быстрым темпом, и никогда еще человечество не было так взволновано, никогда с таким захватывающим вниманием и ужасом не следило за актерами и статистами войны. Все уже предвидели, что война окончится так долгожданной революцией... Все уже чувствовали, как вклинивается в мир грубо и непреодолимо что-то новое, что к прошлому нет возврата, что для слишком многих жизнь окончена.

Разумеется, Семён Соломонович один из первых пережил все страхи за будущее и все волнения. Для человека исключительно впечатлительного это были не волнения, а настоящие страдания.

Кроткая и умная Анастасия Соломоновна умела смягчать тревогу мужа, поддерживать в нем жизнь, веру в себя, она умела в минуты раздражения Семёна Соломоновича помолчать, давая ему тем возможность излить свое раздражение. Но не было возможности успокоиться. Всюду разговоры о войне, нелепые слухи. Семён Соломонович вечно сидит в кафе, в клубах, в редакциях, читает все газеты...

В семье был такой милый обычай — в трудные минуты, супруги говорили друг другу: "Улыбнемся!" И улыбались, и становилось на душе легче...

Но все в мире сем имеет сроки: горе, и радость, и все другое живое — и не так уж и большие. Природа сама заботится о себе, наши чувства быстро грубеют, заключаются в кокон и погружаются куда-то в глубины сознания. Если их не тревожить, то они и замирают, и не мешают жить. Франция, Германия, Австрия больше страдали — и там жизнь почти замерла, но Россия, огромная и богатая, в своем глубоком тылу жила и работала во все время войны и даже в начале революции.

В 1914 году Семён Соломонович написал "Менделя Спивака", в 1915 году — "Человека воздуха", в 1916 году — "Повесть о господине Сонькине" и закончил "Город Иты". Но под конец события лишили минимума спокойствия всех, все растерялись, о работе трудно было думать.

В 1917 году в семье Семёна Соломоновича произошли два события: сперва умерла матушка Семёна Соломоновича, Анна Григорьевна, потом родилась дочь Нина. После печали — с рождением Нины в семью вошла радость, озарившая надолго дом Семёна Соломоновича.

Война на фронтах прекратилась и перебросилась в города, в села. Север фатально оказался под властью большевиков — и за радостью в семью Семёна Соломоновича пришли новые огорчения, тревога за драгоценную маленькую жизнь. Семён Соломонович следит за каждым дыханием, за каждым биением сердца своей девочки, записывает каждое ее слово, очерчивает ее крошечные ручки, ножки на страницах дневника... И опять война, теперь на улице, в двух шагах от колыбели ребенка — было отчего волноваться. Начались перемены власти... Город наполнялся бандами грабителей, хулиганов, проходивцев.

В 1919 году Семён Соломонович справил свой 25-летний юбилей в дружеской среде. Потом Литературный клуб устроил чествование, которое прошло слабо — время было смутное: нельзя было появляться ночью на улице, не только снимали пальто, но нередко раздевали до рубашки, грабили и среди бела дня...

В 1919 году был закончен третий том "Леона Дрея".

"Этот дневник Семён Соломонович вел до последних своих дней."

В 1918 — 1919 годах Семён Соломонович был редактором издательства типа петербургской "Универсальной библиотеки", которое, несмотря на ограниченный югом рынок, шло прекрасно чуть ли не в 1920 году, уже при большевиках.

Семён Соломонович активно не занимался политикой никогда, и это его спасло от руки военного коммунизма.

В 1920 году нужда впервые постучалась в двери Семёна Соломоновича. Почти вся его коллекция этюдов и картин была продана за гроши. Потом пришла очередь вещей...

При таких обстоятельствах в России дольше оставаться было невозможно, и Семён Соломонович решил уехать с семьей за границу. Тогда это предприятие было трудное и рискованное — множество людей погибло при переходе границы, но Семён Соломонович все же уехал.

Так для Семёна Соломоновича окончился величественный сон, который когда-то назывался Россией.

* * *

Переход семьи Семёна Соломоновича через румынскую границу был болезненным. Если бы не то, что в чемодане оказалась книга с портретом, если бы не то, что арестовавший семью солдат был болен и Семён Соломонович помог ему, если бы вовремя случайно не встретились люди, которые оказались полезны беглецам... Неизвестно, чем бы все окончилось... Судьбе угодно было сохранить семью Семёна Соломоновича. Бельцы, Кишинев, Яссы, Букарест. Везде Семён Соломонович устраивал литературные вечера, горячо встречаемый новоявленными "румынами"...

Потом Париж. Европа подействовала на Семёна Соломоновича умиротворяюще; но это настроение продолжалось недолго, тоска по родине, по родным и друзьям скоро начала отравлять счастливые минуты освобождения.

Жизнь без своей земли, ничем не связанная с новыми местами, укладом быта, интересами, скудость писательских заработков в эмиграции, наконец, сознание непрочности гостеприимства бывших "врагов", как и бывших "друзей" — все это глубоко угнетало Семёна Соломоновича. Оставалась Америка, единственная страна с колоссальным размахом, еще более огромным, чем до войны.

С трудом, но нашли деньги для дорогостоящего путешествия, и в 1921 году Семён Соломонович с семьей уехал в Америку. Между прочим, очень помогли Семёну Соломоновичу несколько этюдов Левитана, вывезенные из России.

Путешествие оживило его. Океан, новая могучая страна поразили его необыкновенно.

И опять Судьба вмешивается в его жизнь... При самом въезде в Нью-Йорк Семёну Соломоновичу бросается в глаза афиша, объявляющая о постановке его пьесы "Повесть о господине Сонькине" — разумеется, без его ведома и согласия... Но, несмотря на удачу, которые ему сопутствуют с первого же дня, Семён Соломонович скоро убеждается, что начинать новую жизнь в такой стране, как Америка, поздно, опасно...

В Нью-Йорке сразу завязались полезные знакомства, нашлись и почитатели его таланта, и множество земляков. Но все же оставаться в Америке было страшно. Семён Соломонович прожил в Нью-Йорке около трех с половиной месяцев и вернулся во Францию.

Ресурсов для жизни было не несколько лет. Появилась возможность отправлять в Россию посылки через А. Р. А., и это делает Семёна Соломоновича широкой рукой, не щадя средств. Сначала он живет в Париже, потом переезжает на лето к морю, в Mers-les-Bains, и там начинает писать. К тому времени относятся рассказы "Автомобиль", "У реки", "Короткая история". Однако тогда в Германии было жить легче, чем во Франции, и Семён Соломонович переезжает в Берлин, потом на лето в Эмс и там с большим воодушевлением, очень быстро написал книгу "Эпизодов" из жизни при большевиках.

Книга была написана так молодо и свежо, юмор ее был так легкий и, в то же время, между строк было столько живой правды, что она оказалась тогда единственной значительной книгой о России в первые большевистские дни.

Книга имела очень большой успех; но успехи уже не радуют, не возбуждают Семена Соломоновича. Очень уж его угнетало то, что его близкие страдали в России от холода и голода, болезней...

В 1922 году в книгоиздательстве "Москва" были изданы три тома "Леона Дрея". Союз христианской молодежи⁹⁾ скупает все издание и сжигает его. Конечно, был "протест писателей", но событие отозвалось в душе Семена Соломоновича.

С виду, особенно на людях, Семен Соломонович был как бы прежним — шумливым, живым, общительным; он посещал открывшийся тогда в Берлине писательский кружок, не прочь был поискать с приключениями бутылку редкого вина, попить, но это был, на самом деле, другой человек — жизнь уже ушла наполовину из мощного тела. Он все чаще и чаще заговаривает о смерти, об ужасе лишиться дыхания, солнца, погрузиться в тот неведомый мрак, который страшнее всех ужасов земных... И не договаривал, не высказывал самого главного, последнего затаенного страха — лишиться обожанной семьи, которая была для него дороже славы, дороже солнца и дыхания.

Наташа, старшая его дочь, училась тогда у Превости. И Семен Соломонович следит за каждым ее шагом, радуется ее успехам, огорчается ее огорчениям, с радостным биением сердца прислушивается к очаровательному тембру ее голоса. Радует его и наполняет семью светом любви маленькая Нина; по-прежнему он ведет ее дневник и любящей рукой вписывает туда каждую мелочь, каждую черточку жизни обожанной девочки, по целым дням рассказывает ей сказки. И, в то же время, безумно волнуется, узнав о том, что брат, Михаил Соломонович, заболел сыпным тифом. Он часто не ел, два месяца не выходил из дома... Посылает телеграммы и "умирает от страха", как он пишет в одном из тогдашних писем.

В следующее лето Семен Соломонович опять в Эмсе, вместе с приехавшими из России братом Михаилом Соломоновичем и его женой. В Эмсе Семен Соломонович, как и в первый приезд, поселился в отеле, среди парка, в котором когда-то жил Александр II с княгиней Юрьевской. Этот отель отводили немцы у французов под "Убежище для отдыха ученых и художников". В 1923 году французы в Эмсе немцев не впускали, и поэтому Семен Соломонович с семьей брата являлись почти единственными обитателями роскошного дома среди парка. По иронии судьбы, в бывшем кабинете Александра II-го Семен Соломонович работал над "Эпизодами"...

Для семьи Семена Соломоновича это было самое сравнительно спокойное время за всю эмиграцию. Семен Соломонович наполнял обширный дом жизнью, много читал, спорил, часто бывал шумно весел.

Переехав в Берлин в сентябре, в разгаре инфляции, Семен Соломонович разволновался, в то время очень недвусмысленно стали проявляться ксенофобские инстинкты. Наконец, русские издательства, которых тогда было чуть ли не шестьдесят, стали прекращать свою деятельность. Началась тяга в Париж. Переехал в Париж и Семен Соломонович. Сначала он поселился в окрестностях Парижа, в Enghien-les-Bains, и здесь во второй раз в жизни он перенес сердечный приступ, правда, без последствий, скоро забытый⁹⁾.

В Enghien-les-Bains Семена Соломоновича начала удручать монотонная жизнь, он любил всегда жить там, где было оживление, много людей — и он перебрался в Париж. Прошла вторая книга "Эпизодов", такая же живая, интересная, как и первая. Книга, хотя шла хорошо, приносила ничтожный доход, а сравнительно большие деньги, вывезенные из Америки, уже подходили к концу...

Друзья от времени до времени устраивают Семену Соломоновичу литературные вечера, приносящие только временное облегчение; пришла пора задумываться не о романтическом будущем, а о прозаическом завтрашнем дне.

Нужно было предпринять что-то решительное, но что? Писателю-эмигранту в Европе своими силами трудно выбиться на свободу, и вот Семену Соломоновичу приходит идея создать русский театр. Но если это было возможно в некоторых других центрах эмиграции, то в Париже оказалось невыполнимым. После двух, трех спектаклей пришлось отказаться от мысли о русском театре в Париже.

Кажется, специально для этого была написана Семеном Соломоновичем одноактная пьеса "Домик сумасшедшего", в которой воплотились все лучшие стороны его таланта: юмор, теплое отношение к жизни и великая жалость к людям. В этой драгоценной маленькой картинке выражено столько скорби по утраченной родине, по богатой и свободной жизни, так горячо плачет и тоскует его герой по своему городу, что вряд ли найдется нечто равное во всей эмигрантской литературе. В этой пьесе сердце Семена Соломоновича "поработало" повсюду...

Наташа по-прежнему берет уроки пения, потом блестяще выдерживает экзамен в консерваторию, маленькая Нина учится танцам, потом поступает в лицей. Заласканное дитя, капризная и своевольная, она становится не по-детски серьезна, поступает в лицей, усердно посещая студию Преображенской. Начинаются у влюбленных в детей родителей новые заботы, новые радости и огорчения.

Меж тем, его последняя пьеса "Повесть о господине Сонькине" идет с большим успехом в Вене, Берлине. Знаменитая итальянская артистка Грамматика берет пьесу "В городе" в свое турне... Но все же доходы от пьесы слабые, львиную долю пожирают антрепренеры, переводчики, которые очень часто забывают... что нужно платить и авторский гонорар.

Страх за будущее все томит Семена Соломоновича, нужно как-то обеспечить себя — помимо ненавистных литературных вечеров... И вот он присматривается, следит за кинематографом, пробует писать сценарии и пишет их необыкновенно быстро. Изобретательности, забавной выдумки, интриги для интернациональной публики у него находится достаточно, но тут нужно два искусства, неравных; первое и самое большое — пристроить сценарий... И второе — написать его. А для этого нужно погрузиться в совершенно новую жизнь, в ад интриг и всякого искательства.

Но все-таки Семен Соломонович продал один сценарий и, конечно, превозмог бы все трения — это было видно по тому интересу, с которым обращались к нему "летучие" антрепренерские компании.

Семен Соломонович узнает (в конце 1926 года), что в Нью-Йорке идет его пьеса "Человек воздуха", да притом с большим успехом; меж тем антрепренер присылает ничтожный гонорар...

"Нужно ехать в Америку! Спасет только Америка!" Неукротимая энергия Семена Соломоновича, как всегда, возбуждаемая борьбой, и на этот раз побеждает — он находит необходимые средства. Его мучают сомнения, опасения... Он чувствует сердечное недомогание, скрывает это от семьи. Но семья уже чувствует беду, стремится удержать его от опасного путешествия...

Неумолимый страх пред смутным будущим берет верх, и Семен Соломонович с отчаянием в душе уезжает в Америку.

Семен Соломонович уехал, а с ним ушла жизнь из семьи. Все притихло, перестали посещать друзей, развлекаться, инстинктивно жалась друг к другу — точно уже чувствовали близкую трагедию.

Уехал Семен Соломонович, имея денег только в обрез... Трудный зимний переход через океан, мрачные мысли наложили тяжкий камень на большое сердце.

Но энергии еще много в нем, и он, полубольной, героически впрягается в непосильное ярмо нью-йоркской жизни. Семен Соломонович работает с утра до вечера, только была бы спокойна семья, только была бы весела и здорова семья! Посылаются в Париж письма, телеграммы, радио — он хочет знать все до последней мелочи: кто чем дышит, чего хочет, не болен ли кто? А сам свою развивающуюся болезнь таит про себя... Его нервы так обостряются, что он чувствует: его обманывают. Ведь он знает, что его любимая девочка больна! Знает, что успокоительные телеграммы — только желание семьи не огорчать его...

Письма Семена Соломоновича из Америки полны непрестанного беспокойства, он мучительно страдает от отсутствия детей, жены.

"Я беспокоюсь, а если беспокоюсь, то не могу ничего делать... А с известиями из дома я оживаю на день, на два... — пишет он. — Мои милые, прелестные! Не хочу вдумываться, что я без вас... Даже не знаю, как коротаю время... Целую вас и обожаю. Я вас обожаю, целую каждую в отдельности и всех, ибо все три — одно". И всегда один и тот же рефрен: "Главное, берегите себя и мою Ниню, не уставайте быть осторожными сами и с ней, чтобы я мог спокойно здесь жить, сколько нужно... О вас стараюсь не думать, но в сердце, глубоко в душе — там само думается: только будьте здоровы и благополучны. Целую вас и обожаю".

И во всех письмах из Америки среди обычного содержания всегда пробивается

дыхание жгучего беспокойства за обожаемую семью. Страшно подумать: все его надежды, все желания, весь мир сосредотачиваются только в детях и жене, которые для него теперь единое, неразделимое целое.

Великая любовь к жизни, к семье, казалось бы, и есть залог счастья? Но был ли счастлив Семен Соломонович — это большой вопрос. Этот вопрос приходится поневоле поставить несколько иначе: может ли быть счастлив человек с большим темпераментом, широким, любвеобильным сердцем, цельный человек, который не умеет наполовину любить, наполовину ненавидеть? Конечно, нет. Ведь на самом деле Семен Соломонович — воплощение матери, "вечно хлопотливой, огорченной женщины". Любящий человек эгоистичен, и каждая пылинки, которая садится на любимое существо, вызывает боль, а жизнь груба. Любящий человек, да притом с большим воображением, конечно, мученик своей любви. Таким мучеником и был Семен Соломонович.

Из Америки Семен Соломонович возвращается надорвавшимся, но не показывает вида, что болен, скрывает это от семьи, от друзей.

Замечательно вообще здоровый, никогда ничем особенным не болевший, если не считать ангины, которая одно время одолевала его, он был необыкновенно мнитель. Бывало в счастливые времена: заболел желудком — заваливается в постель, окружает себя старушками-тетушками, ведет бесконечные разговоры... и так мог лежать неделями.

Однажды, это было в Петербурге в 1912 году, он слег, вообразив себя больным холерой, дело дошло до того, что он уехал за границу. Он был болезненно острожен с пищей, без тщательного осмотра никогда не ел, особенно не дома. И вот, когда пришла настоящая болезнь, он становится неожиданно легкомысленным, ест и пьет не вовремя, часто поздней ночью, даже пьет вино, делает все наперекор советам врачей; "назло" неизвестно кому, сердясь, хочет обмануть организм, обмануть себя, близких. Врач по образованию, он слишком все знает; знает, что крепкий организм сам борется с болезнями, которые как бы сами собой и проходят. Верит в благоприятные случайности, надеется, что сердце опять "станет на рельсы", как уже бывало; но становится хуже — он опять замучивает себя мрачными мыслями, неделями сидит дома и при встрече со знакомыми теперь особенно красноречиво, методически описывает, как после смерти труп человека разъедает черви шести пород... великодушный труп человека, упитанный всякой едой и яствами...

И смеется, издевается над врачами, над жизнью, которая так бессовестно "обманула". "Нет! — восклицает он. — Не дам себя червям!" — и заказывает, чтобы после смерти его сожгли. Он охотно говорит о бессмертии, о Боге, совершенно отрицая и Бога, и его проявления в чуде самой жизни и проявлениях еле уловимых сил, эманаций мысли, воли. И в то же время — суеверен, верит в приметы... Он вечно спорит с братом, с друзьями об интригующем его "тайнственном", от которого самым решительным образом отмахивается, находя, что и ад, и рай только здесь, на Земле. И вот в то же время его тянет к этим разговорам...

Врачи прописывают полный отдых; летом он едет на юг, в Juan-les-Pins; там, у моря он чувствует облегчение, и если бы не то, что Наташа осталась в Париже держать выпускные экзамены в консерватории — было бы все хорошо! Он, конечно, постоянно пишет письма, требует подробнейших ответов... Наконец, дочь в семье. Семен Соломонович чувствует себя настолько хорошо, что, позавыв примитивную осторожность, купается в море, плавает, катает в лодке свою любимую девочку, каждый вечер посещает казино и вообще ведет себя как здоровый человек. И, в то же время, пишет друзьям в Париж, что сердце все же "бухает"...

Из Juan-les-Pins Семен Соломонович заехал к брату в Виши и там заболел серьезно желудком. Вернувшись в сентябре 1926 года в Париж, он, кажется, понял все...

Семен Соломонович запирается дома; его все раздражает — и люди, и шум улиц; он не хочет ни с кем встречаться, ничто его не интересует. Он то педантичен в лечении, то, махнув рукой на все, живет, как хочется, то, несмотря на запрет, работает. Со стороны казалось, что, по природе мнительный, Семен Соломонович все преувеличивает, но скоро это перестало казаться, особенно после того, как он пережил сердечный приступ, настолько тяжелый, что был выписан из Ниццы брат Михаил Соломонович, доктор. И опять сердце начало находить свои "рельсы".

Так как у Семена Соломоновича желудочные недомогания были в связи с серд-

цем, то он был принужден согласиться на жесткий режим.

В это время Наташа получила ангажемент и должна была ехать с труппой в Испанию.

Это было большое событие в семье. Уезжала в первый раз из семьи любимая дочь, одна, в незнакомую страну — пришла сразу и большая радость, и большое огорчение.

Семен Соломонович каждый день пишет письма, малейшее промедление с ответом вызывает телеграммы. Предполагалось даже всей семьей ехать в Испанию...

Семена Соломоновича интересует всякая мелочь, касающаяся дочери, труппы. Каков театр? И где помещается — в центре города или в стороне, и каков сам театр, быть может, "вроде театра на Ternes или вроде театров на больших бульварах?" "Как было твоё выступление, что чувствовала?... Выходила ли раскланиваться один раз, два раза, или совсем не выходила?... Появляется ли кто-нибудь из публики за кулисами?" — и т. д., и т. д. И, как всегда, постоянные волнения, опасения... "Драгоценная, береги себя — это самое важное, я только об этом и думаю. Будь веселенькой, жизнь моя, не хмурься ни на что, хохочи, развлекайся!.. Желаю тебе успеха, дуся, и напиши нам, как решаешь с нашей поездкой в Испанию... Вчера в семь часов аплодировали тебе я, мама и Ниня. Обожаю и целую, будь беззаботной..."

Дни без Наташи кажутся бесконечными, а письма иной раз не доходят или опаздывают, ожидание сменяется волнениями, тоской.

"...Скучно — и передать нельзя. Мы весь день говорили о тебе. Ох, если бы уже письмо. Вечером чувствую тебя в театре, аплодируем... Все мои мысли только о тебе и Нине. Но прежде всего — о тебе. Тебе надо уже устраивать свою жизнь, постепенно выдвигаться. И это есть настоящий, живой интерес. Ко всему остальному я стал равнодушен. Даже к писанию. Ну, еще напишешь рассказ, пьесу, несколько пьес, прибавится еще моих книг... А ты — другое дело. Живое, молодое, интересное. Важно развиваться и добиться отличного места в жизни. Целую тебя крепко, крепко, жизнь моя! Веселись, береги себя. Обожаю, твою..."

Суровое лечение с голодным режимом то помогало, то неожиданно Семену Соломоновичу становилось хуже. Михаил Соломонович, все время оставшийся при брате, изучил новейшую литературу о болезнях сердца, но как раз нервные заболевания исследованы меньше всего; слишком непонятна до сих пор эта сторона жизни сердца, которое по внешнему виду остается совершенно здоровым. Обращался Семен Соломонович и к современным знаменитостям, но, и медицинская литература, и практикующие врачи давали ответы неясные, по преимуществу это были общие места.

Последние недели своей жизни Семен Соломонович был на людях таким, как всегда, но все чаще и чаще в его голосе звучали еле уловимые скорбные ноты. Россия, друзья, радость жизни — все в прошлом. Все окончено, жизнь окончена — повторял он не раз при встречах с друзьями.

Неизменно вспоминал Семен Соломонович своего "папу, ничего не боявшегося", его знаменитую голубиную охоту, лошадей. Вспоминал сияющие, голубые дни на Большом Фонтане, море, теплые ночи, долгие прогулки с друзьями... О чем говорилось тогда? О невыносимой, мертвой, однообразной жизни — и это в счастливейшие годы! "Ничего не знаем — дети!" — возмущался Семен Соломонович.

Незадолго до смерти он был у друзей. Помянули "веселые дни", но уже без вина...

Семен Соломонович сидел, сгорбившись, и, лукаво блестя добрыми, грустными глазами, тихо запел песенку о том, что все уже прошло — и прошло навеки...

Только несколько слов, но в них была вложена такая горячая печаль, которой нет выражения на бедном человеческом языке.

Все поняли, были смущены и неестественно весело заговорили о другом.

Спустя шесть дней Семен Соломонович снова навесил своих друзей. Поднявшись на лифте, почувствовав недомогание, он постоял на площадке у дверей и, не позволив, уехал домой...

В три часа ночи Семен Соломонович проснулся от боли в желудке. Пульс не внушал никаких опасений. Потом боль перешла на сердце. Братом, Михаилом Соломоновичем, были приняты все меры к облегчению приступа — и постепенное боли начали проходить.

— Улыбнись мне, — сказала Анастасия Соломоновна, памятуя обычай...

Семен Соломонович улыбнулся жене, закурил папиросу... но закинулась голова, закатились глаза... и Семена Соломоновича не стало...

(Публикация Виталия Амурского, Париж.)

⁹⁾ В типографии которого печатался "Леон Дрей".

⁹⁾ В первый раз приступ случился в Петербурге в 1815 году.

СТРАНИЧКА ПРАЗДНОШАТАЮЩЕГОСЯ

Олег ГУБАРЬ

ПИСЬМА МИНСКОМУ ДРУГУ

Нынче ветрено, и волны с перехлестом... Но кого это останавливает: слава Богу, ГАИ на волнорезе пока не свирепствует. Одни "моржи" имитируют удовольствие. Мне, как ты понимаешь, до моря дела нету даже и летом — чего познавательного в однообразно припадочных пляжниках, взаимно хвастающихся солнечными ожогами?

Я по улицам брожу, приключений нехожу. Вот так идешь себе вдоль обочины, идешь. И приходишь. В себя.

(Раньше у меня подруга была, с которой мы совместно по улицам шатались, приговаривая:

"Мы у жизни на обочине,
Хороши же оба оченно".)
Уличный я. Наконец-то мой талант раскрылся. Правда, не на той странице. Так ведь это не парашют. Мог бы вообще не раскрываться, и тем более обошлось бы без жертв.

Кстати, о жертвоприношениях. В моем патологическом случае — любопытству. Вот я слонялся сегодня, и как-то подумалось, что история, да и любая клиническая биография, складывается из постаревших новостей. Каковые и спешу сообщить твоему врачующему вниманию.

Ты знаешь, я люблю различать среди товарной продукции широкого потребления нашу и не нашу группу товаров. Ко второй — относится ассортимент, который невозможно закусить. Так вот, теперь я распознаю на тротуарах еще и не нашу группу товарищей.

Иду, понимаешь. Навстречу — троица типологических киллеров с ветчино-рубленными бицепсами. Один, добродушно так, по-отцовски, указывая на лоснящуюся иномарку:

— Вот такую мой малый хочет. Хоть ты стреляй в него...

Другой нежданно реагирует:
— Так ты соверши этот одноразовый подвиг родительский!

— Аккордный, что ли...

Дальше не расслышал: пацаны заскочили в угловой однокомнатный храм Бахуса. Что-то они там вскоре повздорили (я подсматривал), и один из триады хрястнул другого первым подвернувшимся словом. А другой сказал первому, что он, наверное, думает через день. А первый ответил, что только по выходным. И еще было много вкусных фраз, но неловко было конспектировать.

НЕ ЗАРАСТЕТ НАРОДНАЯ ТРОПА

...в смысле не в винарку, а к многочисленным монументам и памятным надписям, населяющим в Одессе буквально каждый коммунальный закоулок. "От доски до доски" — означает обычный пешеходный маршрут от одной мемориальной плиты к следующей.

В недавнем прошлом поэта Юрия Михайлика беспокоило разве что отсутствие конных памятников:

Ни в прежние года, ни в наши лета
не устранили недостаток этот
ни местный, ни заезжий Фальконет.

"Недостаток этот" ликвидирован бесповоротно, и теперь одна из бронзовых лошадей чинно демонстрирует, скажем так, окрестности своего хвоста всей улице Преображенской. На радость зоофилам. Сверните на Базарную — насладитесь вторым (после "Дюка с люка") необычным ракурсом. Если до того счастливо избегали встреч с, как бы это поэлегантнее выразиться... жертвами скороспелого разрешения творческой беременности и прочей скульптурной мебелью.

Впрочем, и к памятникам-старожилам немало вопросов. "Хочешь, покажу бюст Зеленому Змию?" — предлагает завсегда нашей забегаловки. И ведет меня к

Лаокоону. "Понимаешь, старик, хлопцы решили сообразить на троих, но не считали своих возможностей..." О не совсем одетых статуях, в свое время бесцеремонно изъятых на даче Марзали и разбросанных по городу там и сям, ходила другая байка. Когда они еще стояли на исторической родине, городского голову, известного своими щедрыми пожертвованиями, навесил один гласный Думы. "Мы должны не только накормить одесситов, — сказал ему мэр с пафосом, — но и прилично одеть". "Ну да, — усмехнулся гость, — я вижу, ваши уже со вкусом одеты". И широким жестом указал на обнаженные изваяния по сторонам аллеи.

Недавно звонит мне замечательный Боря Литвак и заходит в хохоте. Прознав, что на памятнике графу Воронцову установлена металлическая плита с извостой пушкинской эпиграммой ("Полумилорд, полу-купец..." и т. д.), Борис Давыдович только что разразился праведным гневом, принялся поднимать общественность, составил текст гневного письма в соответствующие инстанции. К концу вечера, правда, выяснил, что она компрометирующая графа текстовка и в самом деле установлена на пьедестале, однако... это было в 1937 году. А сняли

Надо бы на ладони записывать, как некоторые — номера телефонов. Меня мой малый Федька как-то озадачил на приеме у врачей, как бы это сказать, нетрадиционной медицинской ориентации:

— Папа! У тебя то, что написано на руке, с собой?

Речь шла о татуировке.

Тем временем, в предвкушении физиотерапевтической услуги некая дамочка истерически задышала за занавеской. Медбратец отреагировал:

— Женщина, вы легли?

Из-за накрахмаленного барьера доносилось:

— Практически легла.

...Напротив собора до нас долетело: "Нализалась и пошла в храм. И она имеет право в губы целовать Матерь Божию, бессовестная!"

Затащил Федьку в помянутую винарку, но "киллеры" уже убралась восвояси. Заказал себе сто пятьдесят отравы, а малому — как бы безопасные колу и бутерброд. Мясное изделие оказалось заветренным, как волны с перехлестом. Ребенок нерешительно взял его и изрек:

— Что-то я эту колбасу не узнаю...

За стойкой робко заняло аудио. Триллер про мальчонку. Типа хотел в Тамбов, а загребел куда подальше. Новичок за рулем, наехал на алкаша, взвизгнули тормоза и т. п., а над сыроу

"железяку" еще лет 60 тому. "Ты представляешь, чуть не отправил возмущенное письмо!"

Но самая невероятная история — сюжет о памятнике "неизвестному Нудельману". И главное действующее лицо тут как раз не монумент, а очень даже я. А. Э. Нудельман работал на "оборонку", генерально конструировал артиллерийское вооружение военных самолетов и что-то там еще космическое. Был, как тогда говорили, "закрытым ученым". В 1982 году он сподобился получить вторую Звезду Героя, и вышла нештатная ситуация: по закону обязанности были установить бюст на его родине, сиречь в Одессе. Но как же высвечивать облик засекреченного ценного кадра? Процедура затянулась, поскольку получился прецедент. Осенью 1985-го редактор "Вечерки" Борис Деревяно и заведующий отделом культуры Евгений Голубовский отправили меня на разведку в Москву. Не без труда удалось встретиться с автором почти античного анонимного бюста — знаменитым скульптором Львом Кербелем, который расценил ситуацию по-своему. "Это всё ваш региональный антисемитизм. Не хотите памятника Нудельману. Вот был бы Иванов, тогда не тянули бы хвоста за кот". Правдами и неправдами я выцганил фотографии эскиза, по сути, портреты с натуры. Тут же оказался под колпаком "ор-

могилкой плачет отец-прокурор. Короче, я вовремя спохватился и колбасу у сына конфисковал.

Так это — что? Вот одна моя хорошая знакомая давеча покупала продукты для застолья в крутом супермаркете. И получила в числе прочих посетителей даровой "пакетик со специями", как бы презент от владельцев магазина. Английскому ее в школе случайно выучили хорошо, так она, дура, стала дареному коню в зубы заглядывать. "Вы что делаете, — говорит, — средство от потения подмышек — штука, конечно, нужная, но лучше наружно".

Отвел ребенка в садик. У них типа дурному не научат. Но он и там ухитрился попасть в дурную компанию. Все пацаны солидные, со мною за руку здороваются и просят их по улицам прогулять, с посещением значных бутербродных. Говорят, что выносливые. Да ради Бога. Я ведь старый папа, хотя на крестного отца и не тяну. Почти дедушка. Помню, когда у Эдика Ашрафяна внук родился, так он резюмировал: "Дедушкой стать не стыдно. Стыдно спать с бабушкой".

Короче говоря, друг мой, поезжай на вороной своей кобыле в дом гетер, под городскую нашу стену. Следуй за мной в кильватере, чтобы потом сделать, кому надо, оверкиль. Тогда и ты согласишься с тем, что "шутка юмора" — это очень просто. Это — идти на поводу у жизни.

ганов", отвечавших за неразглашение, и едва унес ноги в Одессу. С памятником "неизвестному Нудельману" волюнили еще года два, пока не набрала силу перестроенная волна.

Но на этом сюжет не оканчивается. Охота к перемене мест овладевает не только людьми, но и памятниками. Недавно беспокойный бюст сказочным образом перепорхнул с одной стороны улицы Торговой на противоположную. А спустя несколько дней таким же загадочным манером вернулся на прежнее место. Подробности маневрирования покрыты мраком. Говорят, генеральный конструктор собирался эмигрировать, да передумал. Впрочем, у нас все возможно. Придет кому-нибудь в голову, так сотворит рокировку памятников не на Комсомольском, а на Приморском бульваре. Дюка переставят на место Пушкина, поближе к Думе — он ведь первый одесский градоначальник! Пушкина же переместят к Воронцовскому дворцу, вместо Глушко — как "друга дома и семьи". А Глушко самое место во главе Потемкинской лестницы — как фигуре, и в самом деле взлетевшей на изрядную высоту.

Да, я понял, наконец, почему у нас конные статуи появились. Чтоб кто-то на ком-то сидел. А то ведь у нас все торсы стоящие. И не надо иронизировать, мол, "Кто ж его посадит?! Он же памятник!"

Елена ПАЛАШЕК-СТОРОЖУК

РАЗДРАЖЕННАЯ СКАЗКА

"Ку-ку"... и через 5 минут — "рику". Часы с будильником были встроены.

Встроены были! Причем в спинку кровати. Но просыпалась я не от их крика, а от раздражения. Часы не хотели просто прохрипеть "кукурику". А чего уж проще — сказать одно слово "кукурику"? Понимаете, не "ку-ку"... и через 5 минут — "рику", а "кукурику". Я просыпалась каждое утро уже раздраженная и высказывала им все, что о них думаю.

Однажды часы обиделись и замолчали. Выковыривать их из спинки кровати не хотелось, но тишина по утрам раздражала меня еще больше, только высказываться по утрам было некому.

— К чему бы придираться? — думала я, думала и придумала. — Придерусь-ка к соседке сверху.

И придралась! Так придралась, так придралась, что никто бы не

устоял и морду бить бы полез или гадости какие б выкрикивал (ну, это в крайнем случае, конечно). Но соседка устояла. Ох, и раздражала меня ее стойкость! Я была просто вне себя. А знаете, как обидно быть не в себе? Мало того, что изнутри раздражение ощущаешь, так еще и снаружи на себя раздраженную смотреть приходится.

Да, что толку смотреть, надо бы новый объект поискать. Новым объектом оказался сосед снизу. Интересно, он-то чего меня раздражал? Я опять вышла из себя, посмотрела на него со стороны, потом на себя со стороны, и дошло... Мало того, что этот красавчик евроремонт отгрохал, так еще и со всеми здоровается и улыбается всем подряд, гад. А улыбка!!! Без сомненья... Вдруг коснется... (Блин, на песни потянуло.) В общем, раздражала меня эта улыбка!!!

Взяла и залила соседа. Ниагарский водопад ему устроила в коридоре и гостиной, а в ванной комнате и кухне — всемирный потоп. Пришла извиняться — улыбается:

— Ничего, ничего, вы же не виноваты.

И тут я не сдержалась:
— Размечтался, я виновата, я специально, понимаешь, болван? Мне ведь не на что ремонт такой, как у тебя... — слезы и злость договорить не дали.

А он в ответ:

— Нате вам денежки на ремонт...

— Зачем мне, честной женщине, твои деньги, неизвестно еще, где взятые? И вообще... Где я мастеров хороших найду? Сейчас все халтурят.

— Я для вас все сделаю сам, — он опять разулыбался, аж противно.

Зубы сцепила и на все согласилась.

Быстро сказка сказывается, да не быстро дело делается: целый год я с раздражением боролась, пока сосед с моей квартирой возился. А чтоб было удобней от него ко мне подниматься, лифт соорудил на две квартиры. Такой красивый, из стекла и металла, по последней моде. А соединял этот лифт его гостиную с моей спальней. Однажды поднялся сосед, а я спать уже легла. Он прилег рядом и опять улыбнулся своими протезами новыми. Протезы я давно догадалась. Не могут же свои зубы такими быть. Как решила, что не могут, так сразу и догадалась.

Так вот: поднялся, значит, сосед и говорит:

— Устал я сегодня. Неохота мне влиз...

И еще чего-то про чувства лепетал... И так улыбался противно. Ох уж, эта улыбка! Ну до чего она меня раздражала! Целый год я ее терпела, пока сосед с моей квартирой боролся... Ну да ладно, еще ночь перетерплю. Вот ведь свет выключу, и не видно будет, как

улыбается эта помесь Алена Делона с Дон Жуаном.

А утром на своем пальце кольцо обнаружила. Все решила, опять раздражаясь до невозможности, замуж выходить придется.

И вдруг часы проснулись, ну, те, что в спинку кровати встроены:

— Не придется, — говорят, — сосед твой ночью испарился, а квартиру тебе оставил... А еще передать велел, если увидится с ним захочешь, кольцо с пальца сними.

Так я кольцо к пальцу скотчем примотала, а сверху перчатку надела и даже постирать не снимаю, она мне вместо губки служит, когда посуду мою, и вместо мочалки, когда себя. Так что не переживайте, перчатка чистая. Меня другое раздражает: не могу придумать, к кому бы еще придираться: к соседу справа или к соседу слева. Сосед справа — пьяница, а сосед слева — наркоман. Скажите мне, пожалуйста: к чему мне эта шикарная квартира с евроремонтом, когда придираться не к кому?

Ох, и раздражает меня эта безысходность.

В феврале — марте 2003 года в Одессе состоялся конкурс-выставка "Мир высоких технологий".

Первое место среди общественных организаций занял сайт Всемирного клуба одесситов — www.odessitclub.org.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА «Вікна-Одеса» (тел. 23-13-60).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N . газета отпечатана в типографии «СІС».

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Марazziевская, 7. Тел. 249-080.